Танцы с Виртуэллой

Александр Владимирович Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Обычный интеллигент, не без искры Божьей, втягивается в головокружительные приключения, на первый взгляд, хоть и не вполне объяснимо, но добровольно. Впоследствии выясняется, что объяснить мотивы поступков героя можно, вот только к нему они не имеют ни малейшего отношения — «псих» лишь марионетка, которой пытаются руководить разнообразно-омерзительные силы. Свобода выбора заключается лишь в выборе кукловода — о своей игре и речи быть не может.

- АЛЕКСАНДР ТЮРИН
  - Глава 1. «Беспризорные пальцы»
    - 0. Алиса в Закавказье
    - 1. Однажды ночью в России
    - 2. Подарок боссу
    - 3. Заря программиста
    - 4. Деловой визит
    - 5
    - 6
    - 7
  - Глава 2. «Глаз за глаз»
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
  - Глава 3. Сломанная шея
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
  - Глава 4. «Если на гору залезть и с нее бросаться»
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
  - Глава 5. Маринад по-люксембургски
    - 1

        - 2
        - 3
    - Послесловие от Сергея Шрагина
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

АЛЕКСАНДР ТЮРИН
Танцы с Виртуэллой

Глава 1. «Беспризорные пальцы»

0. Алиса в Закавказье

Когда-то ее звали Аня. Анечка. Еще она помнила, что ей тогда не хотелось мыть руки перед едой. Перед бульончиком, фрикадельками, клецками, творожком, сметанкой, сладеньким. «Анечка, ешь бульончик. Как доказал академик Опарин, жизнь без него невозможна», — говорила бабушка. Теперь эта еда являлась ей только во сне: тетушки пышки, дядюшки пельмени, братцы голубцы. Разве можно их есть, их можно только трогать и гладить… Теперь ее не заставляли мыть руки. Еду, ставшую просто едой без каких либо отличий, бросали раз в день, прямо на земляной пол. Руки были покрыты коростой. Больная обветренная кожа срослась с грязью в какую-то едва гнущуюся бурую кору.

Вначале еще она вспоминала свои игрушки, Барби из хорошего дома и не слишком воспитанную Варьку, абсолютно дикого хомяка Фому, электронного кота Василевса, демонстрирующего нескончаемые чудеса техники, и безразмерную надувную динозавриху Диньку. Но потом она перестала играть с ними внутри своей головы. Может, потому, что они поднадоели ей еще там, в прошлой жизни. А может, потому, что голова стала совсем маленькой, и в ней ничего уже не помещалось. В этой яме голова засыхала и съеживалась, как апельсиновая корка. Что такое апельсин? Апельсин — это разновидность солнца на земле. Солнца она никогда не видела, даже днем. Но вот ночью, сквозь небольшую щель, которую оставлял наверху «дедушка», чтобы можно было дышать, она видела кусочек звездного неба. И две-три звездочки. Она научилась различать их. Одна, совсем маленькая, по имени Аня. То есть, звезда только кажется маленькой на таком расстоянии. Свет от нее летит сто миллионов лет, летит себе и страшно скучает. Еще у нее огромные руки и ноги. То есть звезда, конечно, шар…

Иногда удается почувствовать себя такой звездой, и тогда у нее есть ноги, чтобы бежать по небу бесконечно долго, и руки, чтобы ловить планеты, и дыхание, чтобы зажечь полмира. И после того, как она себя так почувствует, ей просто начхать и на эту яму, и на этот холод, и на этих кусачих букашек.

Люк заскрипел и открылся. Возникла голова «дедушки». Она называла его дедушкой за седые пряди в черной как гуталин бороде. А еще потому, что он ни разу не ударил ее своей похожей на лопату рукой.

— Ну, невеста, вылезай.

— Гулять, да?

Неужели она сегодня сможет погулять? Ничего, что уже стемнело. Сейчас она увидит целое небо!

— Да что-то вроде этого.

Он опустил вниз лестницу и протянул руку, потому что задубевшим пальцам девочки было неудобно хвататься за перекладины.

— Ну как, ночью не холодно? — спросил он. Голос заботливый, но неужели он не знает, как тут может быть холодно. Наверное, не знает. Однако и она сейчас не так купается в соплях как раньше, привыкла что ли.

— Да ничего, терпимо, я же это шкурой закрываюсь, которая от мертвой овечки осталась. Овце ведь ночью не холодно.

Рядом с «дедушкой» появился другой — неприятный дядька. Когда ее привезли сюда, вытащили из машины и развязали глаза, перед тем как спустить в эту яму, она пробовала заплакать. Так он ей чуть ухо «с корнем» не оторвал. После этого у нее слезы навсегда прошли.

— Овэчка, овэчка, бьется так сэрдэчка…

Чушь какую несет. Дурак в натуре.

— У тэбя пальцэв мыного?

Вот липкий, как какашка просто. Не дает по небу гулять. А небо так близко. Там интересно, там, к примеру, есть и гиганты, и карлики. Но гигант не обязательно сильнее карлика. Крепенький карлик может гиганта распатронить, особенно если на пару с другим карликом. Распухший гигант может вдруг лопнуть, ошметки во все стороны, и на этом месте одна ерунда останется, черная дырка то есть.

Все качнулось перед глазами и ненадолго расплылось. Неприятный дядька еще раз встряхнул ее.

— Я жэ спрасил, у тэбя сколько пальцэв?

— Ну, десять, десять, разве не знаете?

— Одын лишний.

Дядька схватил ее за шею, его пальцы были как клещи, и девочка подумала, что шея не будет сильно сопротивляться, сейчас просто голова опухнет и лопнет…

Но клещи прижали ее щекой к какой-то склизкой доске. Прямо перед глазом шевелила усиками, будто силилась пообщаться, глянцевая жужелица. Там, за жужелицей, виднелась кисть ее руки, лежащая на той же доске. А «дедушка» держал ее запястье и подносил широкий, со следами грязи, нож к ее пальцам. Кисть казалась жужелице огромной горой вроде того самого Эвереста, но в руке дедушки она выглядела чем-то незначительным — вроде зубной щетки. Потом лезвие кинулось

вниз. Она едва успела крикнуть: «Только не пальчик»! Боль возникла как будто с другой стороны тела, а потом кинулась к руке ревущим шквалом. Где-то взорвалась звезда…

— А ты памачысь на нее, и все прайдет… Всио прайдет, и пэчаль, и радость… Ну, нэ сможэшь сибя щэкотать в одном мэсте. Другой пащэкочет…

Сквозь шторм проходили эти слова, тягучие, рвотные, горячие. Она хотела бы сейчас заснуть, но у нее не получалось….

Она еще увидела свой палец в симпатичном пластиковом пакетике. На пакете имелся фирменный ярлычок: молния и рядом деревцо в круге.

1. Однажды ночью в России

Слабость потекла в руки, и экран, как парусник, начал уходить в туманную даль, оставляя программиста наедине с сумеречной холодной комнатой.

Комната должна была напоминать жилое помещение, для этого ее заставили ненужными вещами, но все равно она оставалась для него пересечением безжизненных плоскостей.

Программист, съежившийся внутри слабого светового пятна, осторожно расслабил сгустившиеся в камень мышцы шеи и хотел было увеличить контрастность монитора, но остановился, прислушиваясь к глазам.

Какая еще контрастность, глазные яблоки пухнут и тонут как в трясине, это предел усталости, им нужно расслабиться и прикрыться веками хотя бы часа на четыре. Четыре часа покоя, отсутствия на этом свете…

Ни четыре, ни полминуты покоя, то, что положено даже быку, даже свинье, не положено ему, Юпитеру. Он сам себе придумал, сотворил эту каторгу, она получилась на славу, крепкая, и он должен отсидеть на ней еще хотя бы двадцать стуло-минут. Через двадцать минут программа сложит крылья, прижмет плавники и срыгнет результат, противная.

Эх, если б у него был приличный многопроцессорный мэйнфрэйм или кластер, если бы имелось подключение к Сети по выделенному оптоволоконному кабелю, то его бы программа обрела способность к развитию, она породила бы тысячи познающих субъектов, которые бы смогли осмыслить сто миллиардов всяких мелочей. И тогда бы она предсказала цену на масло в Ульяновской области через два года и нападение шейха Насруллы на пограничные заставы под Омском через пять лет.

Но у него всего лишь счетверенный «пентюх», объектный процессор темного южноазиатского происхождения и средней руки спутниковый канал. Хорошо хоть, не подгрызенная крысами телефонная пара, как у всех в этом доме…

Зажужжал диск, пошла подкачка из оперативной памяти. Это было малоприятной неожиданностью — параметры программы стали явно шалить.

На экране построчно проявилась несколько пятнистая виртуальная девушка (всего 256 цветов, 72 пиксела на дюйм для экономии памяти) и сказала не совсем мелодичным (8-битным, на 22,05 килогерц) голоском:

— Здравствуй, милый. Я должна тебя огорчить, заглючила твоя синхронизация, потоки в фазе истощения. Динамическая

оптимизация кода, стало быть, остановлена, сборка мусора тоже, загрузчик объектов висит.

В руках у нее появилось окошко, в котором плясали параметры системы.

Сонливость сразу сбросило словно шляпу порывом ветра, и разочарование подкатило комком под горло, так что он не сразу смог продавить:

— Э, это что за новости? Я три часа барабанил по клавишам, отлаживая замки на потоках. А за диспетчер разделения времени я кучу денег отвалил в Крупе. Синхронизация должна быть надежной как молоток, мать твою за ногу.

Увы, экранная девица была, так сказать, легкого поведения — всего лишь графическая оболочка системного хранителя, дочерний модуль безликого и безногого генератора — поэтому орать на нее было неинтересно.

Напрягая, как тетиву тугого лука, правый воспаленный глаз, левый-то уже совсем ничего не различал, программист вглядывался в протоколы потоков. Левая рука судорожно сжимала стакан с водой, сквозь туман просматривалась татуировка: вертолетный винт и две буквы «С» и «Ш». Сейчас она уж не взбадривала его…

Вот здесь, похоже, сбойнул диспетчер времени фирмы «Кришна Аватар Системс», который обязан обеспечить быстрый и надежный доступ к ресурсам — именно так в рекламе напачкано. Как будто нет оснований не доверять ей, ведь «Кришна» — это марка в отличие от ширпотребовского «Микрософта».

Но все равно, почему, почему его жизнь должна зависеть от какого-то диспетчера времени, пусть даже и марочного?

Или диспетчер ни в чем не виноват, и «Кришна» веников не вяжет? Из ряби цифр выплывало другое мнение, более весомое.

Программа стала глючить, потому что ей примитивно не хватило места в памяти.

Неужели вирус подсиропил? Да это тогда не вирус, а скотина настоящая! А Жора-Киберман из Крупы, который ему антивирусник загнал, скотина в квадрате, хотя и считается авторитетным в определенном смысле человеком. Еще намекал: мейд ин Лубянка, хуже Цербера.

А какой-то паскудник съел поллитра портвешка и смастачил на ворованном китайском прототипе программный вирус, который тут поставил крест на его жизни.

Экранной девушке стало нехорошо из-за страшной болезни по имени «out of memory». Она побледнела и рассыпалась на быстро тающие снежинки. Заглох системный хранитель.

Только не сдаваться. Остановить один поток, закончить

другой, как-нибудь подобраться к вирусу. Вспотевшими пальцами программист забил в щель дисковода матово-черный дискетный квадратик с «нуль-прилипалой». Лишь бы втиснулась в память… Не втиснулась.

Но вдруг потоки миновали мертвую точку и снова захороводили в наилучшем виде!

Экранная девушка восстала из кляксы, вернула себе прежнюю графическую красоту. Нет, круче прежнего сделалась, по крайней мере на десять мегабайт больше. И словарный запас изменился. Правда, не в лучшую сторону.

— Привет, красавчик, твоя взяла, ресурсная схема восстановлена, и задачка вертится во всю прыть. Я тебе зуб даю, через полчаса все закончится путево.

Она подмигнула с максимально возможным лукавством. Он ее этому не учил…

— Кстати, зови-ка ты меня лучше Виртуэллой, а не просто «эй, ты». Конкретно, котик, этот идентификатор употребим как для данного графического интерфейса, так и для всего системного хранителя, то бишь хранительницы. Эмоционально-мимический файл и база лингвистических данных лежат в корневом каталоге, но ты их типа не редактируй, а жди, пока сами под тебя подстроятся. Это я серьезно, усек?

Программист глянул на яркую обложку компьютерной игры, где фигуряла решительная красотка с бластером, к которой, надо признаться, он был неравнодушен. Красотку из игры звали Виртуэлла, так что виртуальная девушка не долго думала насчет имечка. Похоже, она переняла и внешние данные игровой красавицы: те же хлопающие стрелы-ресницы, осиная талия, разные интересные выпуклости, плюс мелодичный голосок на тридцать два бита.

— Слышь, сегодня, в натуре, уже ничо не случится, — проворковала виртуальная девушка и соблазнительно предложила, протянув губки: — Эй, Онегин, как насчет покемарить?

И в самом деле, если ничего не понимаешь, то лучше в койку. Во сне его уже ждет гвардейская аэрокавалерийская дивизия из семи тысяч пегасов, готовая по первому его слову отправиться на покорение новых пространств. А завтра — завтра появится разумное и скучное объяснение чудесам этой ночи.

2. Подарок боссу

Машина марки БМВ нравилась финансисту Андрею Арьевичу Шерману даже сегодня. Не только приземистым серебристым корпусом, словно бы тугим от мускулатуры, от этих трехсот лошадиных сил. После совокупления БМВ и Хьюндай ушлые азиатцы навернули на немецкую дизельную машину классную телематику[1]. Чего стоит один прозрачный экран, припечатанный к ветровому стеклу, на который непрерывно сбрасываются из Интернета свежие биржевые котировки, сводки погоды и всякие новости. Дорожная карта тоже рисуется. По ней, если точнее, по вычисленному кратчайшему маршруту, учитывающему пробки и заторы, ползет букашка автомобиля. Ползла до вчерашнего дня. Вчера отключили спутниковый канал вместе с глобальным позиционированием, за неуплату…

Киднепперы потребовали десять миллионов зелеными. Шерман был уверен, что сможет выплатить. Но неделю назад рухнули акции его фармацевтических проектов, в который ушли все средства, какие только могли двигаться. Вначале затонул проект «патоцид», потом все остальное. Его же предупреждали, в этой стране нельзя вливать деньги в новые технологии, особенно в фармацевтику. Не дозволено. Новые технологии могут процветать только там, в мировых метрополиях, где гнездятся транснациональные фирмы, транссексуалы, трансвеститы и прочие трансы.

Ну, кредитуй нефтяников, покупай депутатов, борись с режимом, уводи деньги за кордон, требуй свободу для жуликов. Мировая общественность тебя одобрит. Ну, делай ракеты, если уж неймется, тем более, что эти штуки лет как двадцать вышли из моды. Можно даже компьютеры и тому подобное мастерить. Но в сферу, где производится жизнь — не лезь.

Ведь людям подавай не полеты к далеким космическим телам, а здоровье в собственном теле. Люди готовы выложить на прилавок серьезные деньги не за компьютерные забавы, а за вторую молодость, за стоящий член, за крепкие титьки — будь то предложено в виде таблеток, ампул или капель.

Ну, а некий джентльмен желает предложить людям и молодость, и потенцию, но так, чтобы конкуренты не мешали; выигрыш тогда будет фантастическим. Если ты в своей России произведешь схожее лекарство, то этот джентльмен уничтожит тебя с помощью патента, который у него сроком на двадцать лет. Если ты создашь что-нибудь оригинальное и еще более чудодейственное, то он ликвидирует тебя каким-нибудь другим

способом. Хрясь, и нет. А твои останки налетевшее воронье разорвет. Единственное спасение это поскорее и подешевле продать ему свои разработки.

Чувствовал же, лучше не лезть в фармацевтику. Однако любимая женщина соблазнила на это. Она всегда умела его соблазнять. В этом она была профессионалом.

И зачем он вообще вернулся в Питер после учебы в Кельнском университете? «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я вернусь умирать». Автор строк предпочел умереть с комфортом на Манхэттэне и захорониться в Венеции…

Эх, сидел бы сейчас гешефтсфюрером где-нибудь в старом добром «Хехсте» или «Фармаланде», где никогда ничего не меняется в худшую сторону. Никаких забот, никаких наездов. Ни одной пылинки на письменном столе. Ни одной минуты за столом после пяти вечера. И каждую пятницу Flug nach Mallorca[2].

Вместо него гешефтсфюрером в «Фармаланде» стал кто-то другой. Лысоватый такой немец, исполнительный как паровой каток. Наверное, этот гад и отутюжил русский проект «патоцид».

«Патоцид» — он ведь только в теории ужасно полезный, а на практике смертельно опасен для всех, кто возьмется его разрабатывать и проталкивать на рынок.

Вначале какой-то лягушатник навалял статью в «Монд» о серых заправилах биотехнологии в России, о русско-фармацевтической мафии, где, среди прочего, пополоскал фамилию Шерман и упомянул патоцид. Была надежда, что это случайность, слабоинтенсивная пальба западных фармабаронов по российским площадям — авось кого-то заденет. Но в январском «Шпигеле» тема была продолжена, да еще как. И автор, старый знакомец, можно сказать, университетский товарищ Йозеф Динст. И на обложке Чапаев скачет в тачанке из русских степей в Европу, вместо колес пробирки, вместо пулемета шприц. Аляповато, но на среднего европейца подействует.

«Кто вы, господин Шерман?»

Вы вхожи в Кремль с черного хода, вы — спецпроект Лубянки, вы вырезаете органы из пленных борцов за свободу, вы выращиваете в них новые органы, чтобы потом снова вырезать.

Статейка была мигом перепечатана в московской «Лучшей газете». Затем тексты превратились в куда более мощную вещь, в картинки. Были прокручены схожие сюжеты по CNN и трем немецким телекомпаниям, общеевропейскому «Euro-Space», откуда пролились баннерами на миллионы веб-страничек.

«Короли картинки» постарались вовсю. Прокрученная через

мощные мультимедийные компьютеры фотокарточка молодого Шермана — там, где он с бородой — обернулась новым Распутиным. Нью-Распутин многократно вонзает шприц в беззащитного ребенка свободолюбивой наружности, какие-то плачущие женщины, какие-то ревущие младенцы, какие-то препарированные трупы…

А после того, как случилось ЭТО, он слышит от ментов одну и ту же нудянку: «Ведутся оперативно-розыскные мероприятия»… Чушь, ничего они не делают, хотя он уже не раз платил губоповцам…

Два раза пискнул в кармане мобильник, значит, втягивает электронную почту. Ну, что там еще? Десяток интересных предложений от лиц, еще не пронюхавших, что он банкрот. А это еще кто такой? Некто с бесплатного электронного адреса freund@yahoo.com. Сообщает, что в желтом пакете Вам подарок, дорогой господин Шерман. Да ведь, уходя с работы, он еще захватил охапку бумажной почты. Где этот пакет? Что там, не пластид ли? А, наплевать, пускай снесет полчерепа, в оставшейся половине останется достаточно тоски. Из пакета с поролоновыми прокладками к нему на ладонь сполз… палец.

Такое может быть только на экране телевизора.

Но палец был, без сомнения, настоящим, очень грязным и детским…

Стало трудно дышать, он дернул за ворот рубашки. Случилось то, что не могло рассосаться и исчезнуть, с чем невозможно было жить. Несмотря на мягкое бээмвэшное сидение, он утратил опору и стал падать в бездну. Он ухватился за мобильник, как будто тот мог хоть на мгновение задержать его падение, и снова проверил электронный почтовый ящик.

Пришел еще один е-мейл с того же адреса.

«Ну, что, господин Шерман, признал плоть от плоти своей? Из-за твоей жадности, скотина, мы будем отрезать каждую неделю по кусочку от твоей дочурки. Через месяц у нее не останется ни одного пальчика на правой руке. Если к этому времени она не умрет от гангрены (на все воля Аллаха), придет срок ее тринадцатилетия. И хотя по уму она похожа на десятилетнюю, ей будет представлен выбор: стать женой одного из наших увечных воинов, приняв Веру, или спуститься в Преисподнюю. В любом из этих случаев ты никогда ее не увидишь и будешь один сидеть на своих акциях и опционах сколько тебе влезет».

Автомобиль марки БМВ разонравился господину Шерману. Ему вдруг показалась липовой вся эта серебристая мускулатура. Он даже подумал, что он променял жизнь своего ребенка на

набор железок и стекляшек.

— Останови машину, — сказал господин Шерман шоферу.

— А чего здесь, Андрей Арьевич? — отозвался густым преданным голосом водила. — Это же промзона комбината «Маяк». А через путепровод переедем — будет вам парк хороший, освещенный. Там погуляете, воздухом свежим подышите.

Заботливый ты, Коля Красоткин, заботливый, как все бывшие прапорщики. То же самое ты говорил и ныне покойному генералу Галактионову. Только «Мерседес» ты мой разгрохал за три года, кирпичи на свою дачу возил по гатчинским ухабам. А ведь можно было на нем еще двадцать лет кататься, что немцы и делают. Как же ты на самом деле относишься ко мне и имуществу моему? Вот как достану для бортового компьютера бээмвэшки программу-автошофера, а тебе под зад ногой. Впрочем, не до этого сейчас…

— Останови, Коля.

Господин Шерман вышел из машины, сжимая детский палец, и пошел куда-то, спотыкаясь и качаясь как крепко выпивший. Он больше не хотел ничего видеть, слышать и знать. Где-то справа вдруг возникли огни и с воем накатили на него. Последнее, что услышал господин Шерман, был шум раздираемых о щебенку покрышек. Кажется, еще он подумал, что ЭТО было бы неплохой платой за Ее возвращение. Еще он услышал как треснула его грудная клетка, откуда-то из основания черепа полоснуло болью, мгновение еще, длившееся для него бесконечно долго, купался он уже без боли и памяти в море света, которое рванулось на него огромной волной, сжалось в точку и исчезло…

3. Заря программиста

Вопли будильника проникали в спящую голову, возбуждали то один то другой уголок мозга, безжалостно трепали его сон, которым он так дорожил, напоследок насыщали его кошмарами. Он терял свою армию, свою страну, свой народ, свою любимую, неотличимую от прекрасной Виртуэллы из одноименной компьютерной игры. Он терял свою силу и ловкость. Его гвардейская аэрокавалерийская дивизия в количестве семи тысяч пегасов таяла в тумане.

«Вставайте, граф, вас ждут великие дела… Шрагин, протри зенки, через пять минут будет уже поздно…»— на разные лады заклинала будильная программа.

Наконец, Шрагин понял, что все кончено. Он вернулся в реальность. Назад, в сон, дороги нет. Хотя там было здорово. Там все было важно и интересно. Там он покорял новые миры и измерения. Жизнь во сне поддавалась программированию — классификации, типизации, конструированию.

Работала утренняя будильная программа, она заставляла будильник трезвонить на все лады, она зажигала свет, заводила бодрящую музычку и включала кофейник с тостером. Не будь ее, он так бы и остался лежать холодным и голодным полутрупом.

Шрагин сел на кровати и пошарил руками по тумбочке. Куда он сунул очки? Левый глаз с утра словно в сметане. «Тузик, очки, апорт». Маленький электронный песик бесцельно покатался по комнате, но пользы не принес. Ну да, очки, кажется, в ванной оставил. На коммунальной территории его автоматика-телематика бессильна.

Шрагин просунул ноги в штаны и встал, зазвенели набитые всякой ерундой карманы — а ноги словно ватные и покачивает слегка.

Зачем до двенадцати резался в «Виртуэллу»? Игры создаются мозги имущими для вечного подчинения мозгов не имущих.

И зачем до трех ночи кропал эту бесовскую программу с неисчислимым количеством потоков, имя которым легион — да еще на худосочном компьютере, который смастерил из четырех персоналок? Саморазвития от нее добивался, самопознания, интеллекта искусственного. Ну и чего добился? Веки тяжелые как кирпичи, в голове словно кол застрял, и такой вязкий вкус во рту, будто налопался неспелой хурмы…

В ванной, напоминающей из-за ржавого железа гестаповскую камеру пыток, пограничное состояние сменилось обычной утренней хандрой. Депрессняк характерен именно для утра,

предшествующей рабочему дню, а не вовсе не для вечера, как уверяют лжеученые.

Вот и очки нашлись — с двумя мутными стеклами весьма различных диоптрий: минус два и минус семь. И что там через них видно? Длинный нос. Маленькие, но умные глазки, довольно отвисшие уши. Он был бы красивой таксой. Но он, к сожалению, не такса.

Струйка желтоватой воды стекает по стенкам несвежей раковины. Через полчаса никакой влаги уже нет, только следы коррозии и грязи. Вот она, модель его жизни.

Откуда мы вышли, куда идем, кто мы, все эти вечные талмудистские вопросы имеют простые тошнотворные ответы — с кровати на горшок, потом в контору, потом на горшок, потом в кровать. Некрасивая программа, состоящая из примитивных циклов. Но и это модель его жизни.

Десять-двадцать-тридцать лет назад он еще надеялся на избавление, ну еще пара переходов по пустыне, еще пара пустых месяцев, еще пара серых лет, и он доберется до Эльдорадо.

Лев Толстой писал стоя, Пушкин, по-видимому, писал сидя, лишние люди были лучше, чем просто люди, но хуже, чем декабристы… Алгоритм школьной программы так и остался непостижимым для будущего программиста. Алгоритм обучающей программы, по которой действовала мама, был более ясен. «Интеллигентный человек, Сереженька, не…» И далее шло простое перечисление тех свойств, которыми не обладает интеллигентный человек. Не жадный, не завистливый, не мстительный, не способный торговать и торговаться… Фактически, просто неспособный ни на что. Ну, разве что способный думать, или, скорее, думать о том, что он думает.

На вступительном экзамене в ВУЗ он написал сочинение из десяти безумно логичных предложений, описывающих робототехнические принципы, по которым функционировал герой книги «Как закалялась сталь». Логика не прошла, поэтому он оказался в армии.

Два недолгих месяца он летал, может, и не так, как хотел, но по-настоящему. Летал над горами на вертушке и поливал камни из пулемета. Это было забавно, лихо, это было как в компьютерных играх (о существовании которых он узнал лишь несколько лет спустя). Это было отделение лейтенанта Рокотова.

Он посмотрел на два обрубка, некрасиво укорачивающих его конечность. Полеты кончились тем, что несколько «дедов» обкорнали его правую руку. То, что случилось, выглядело хуже, чем просто насилие, и приближалось по смыслу к изнасилованию.

Три «деда» зажали его в углу, словно девку, а он даже не

особо сопротивлялся, «ну, хватит, ребята, хватит, пошутили и ладно». И они сделали ЭТО, получив удовольствие. А он не мог поверить в ЭТО, пока не остался без пальцев. Культурный шок. Он столкнулся с людьми другой культуры, которые просто пошутили. С людьми СВОЕЙ культуры он, в общем-то, и не сталкивался никогда.

«Дедам» ничего не было. Потому что никаких свидетелей. «Может, это вы саморез совершили», как элегантно выразился военный следователь.

Сколько раз в своих снах и мечтах он раскидывал этих злодеев одной левой, вырубал всех подчистую, как Брюс Ли, разрывал на куски, как велоцераптор, но потом наступало горькое, сильно разочаровывающее пробуждение…

До него дошли слухи, будто лейтенант Рокотов надавал «дедушкам» по морде. Но один из «обиженных» оказался представителем гордого горного народа, могли пострадать хрупкие межнациональные отношения, поэтому лейтенант попал под трибунал. И хотя не сел, но карьера его сильно пострадала.

От этого унижение чувствовалось еще сильнее — джентльмен вступился за его честь, будто он был слабой невинной девушкой. А он был просто не отсюда; в этой пакостной вселенной, живущей по свинским законам, он был бессилен, хотя и силен как бык в иных виртуальных мирах.

Его приняли в институт, где никто не читал абитуриентских сочинений. Его распределили в тот город, где люди пили вместо компота чай. В проектном бюро его посадили в закуток за пыльным шкафом, где дни улетали незаметно, как волосы с головы. Он сидел за шкафом, чувствуя себя узником в своем собственном теле, которое он не мог заставить встать, направить к начальнику и сказать «баста». Хотя силой воображения он не раз создавал свою виртуальную копию, которая выпрыгивала из-за этого шкафа и выбрасывала шефа в окно. А потом могучая копия шла по институту, наводя ужас на профком, партком и комсомольскую организацию. Иногда он представлял своего виртуального двойника кунфуистом, иногда динозавром или коброй. Но никогда это не было беспочвенной фантазией, он всегда проектировал и программировал свое виртуальное тело…

Мамы не стало в крохотной квартирке без газа и воды в Первом Водопроводном переулке. Ее жизнь была плохо написанным программным кодом, это он в полной мере унаследовал от нее. Смерть представлялась ему не вечной остановкой в тени кладбищенских лопухов, а глупым программным блоком, заставляющим виснуть систему.

Возникали, но потом уходили наверх друзья-товарищи.

Извини, старик, у меня куча дел, я тебе позвоню. Они звонили через десять лет. А он продолжал сидеть за шкафом в маринаде из собственных мыслей и думать о замечательном коде, который способен оптимизировать жизнь и создать счастье, силу и удачу. Советская ЭВМ трудилась только час в день, а остальное время страдала различными машинными болезнями, так что времени для дум было много.

Симпатичные девушки с яркими глазами и веселыми ртами почти не различали его среди предметов. «Вы — лопоухий и скучный». «Мне нравятся умные парни, но вы и на умного-то не больно похожи».

А с девушками несимпатичными и унылыми, как он сам, Шрагину, как говорится, не хватало тактовой частоты.

После тридцать пятого дня рождения, который он встретил и проводил, стоя на перроне Московского вокзала, он понял, что окончательно заблудился. Не будет ему ни Эльдорадо, ни Конкисты, ни покорения миров. Тогда он первый раз попал в психушку, на Скворцова-Степанова.

Хорошо залечили. Голова не варит, руки что-то делают, например, клеют коробки.

После больницы где-то год он занимался тем, что таскал ящики для какого-то абрека на Сенном рынке, получая регулярно зуботычины, впрочем, как и остальные грузчики — простые советские алкаши, не вписавшиеся в нагрянувший рынок. Но случайно в руки попалась книжка по новым объектно-ориентированным языкам.

В голове снова зашевелились мысли. Раз не добрался до Эльдорадо, попробую смастерить его сам.

Тут и далекий греческий родич его мамаши по имени Аристотель прислал ему из Греции, где все есть, приличный компьютер, да еще удалось подсесть на интернетовское подключение богатого соседа. Случайный собеседник в каком-то чате оказался компьютерным гением по фамилии Сарьян. И, после серии тестов — попадание в «яблочко». Он — в команде Сарьяна…

Слушай, старик, говорил Сарьян, мы делаем революцию: сначала в программировании, потом в гастрономии, выпивоне и так далее. Нас надолго запомнят, старик. От нас все пойдет быть, как от Ноя с его тварями, приземлившимися на горе «Арарат». Для начала мы, простые скифы и евроазиаты, обставим американкашек из «Сан Микросистемс», потому что наш продукт получится круче. Мы не оставим «засСАНцам» ни одного шанса. Кончится это тем, что повсюду будут программировать на нашем языке, пить только коньяк «Арарат» и водку «Московскую»,

никаких тебе виски и брэнди. Сарьян даже намекал, что за спиной стоит таинственная организация, некая российская спецслужба, контролирующая программистов и хакеров, готовая поддержать их всей государственной мощью. И якобы американкашки уже наделали в штаны от страха за свое темное будущее…

Год он проработал в команде Сарьяна, которая разрабатывала новый революционный язык программирования. Ну, очень революционный, с зачатками искусственного интеллекта, с так называемыми сценаристами — самопрограммирующимися объектами. Но дело вязло еще в теории, спонсоры отваливали по тихому один за другим, конкуренты из штатовской «Сан Микросистемс» обсирали революционное начинание по полной программе. Он понял, что энергия его жизни исчезала в бесконечном бессмысленном цикле, и ушел. Потом были немецкая фирма и «Малина Софт», а смысла все не было, поэтому Шрагин угодил на второй срок в психушку. После возвращения он обнаружил в своей квартире новый объект с неизвестными еще свойствами — Зинаиду Васильевну, которую город прописал на пустующей жилплощади.

А намедни он прочитал в солидном глянцевом журнале «Wireless» статью про героев-программистов. Не статью, а настоящую оду со сладкими подвываниями. Группа Сарьяна сделала-таки революцию в программировании и заодно перебралась в Гамбург, под крылышко «Сименса», так что «Сан Микросистемс» действительно просрала игру. Новый язык, именуемый, между прочим, «Арарат», в основном создан, и властители программного обеспечения бьются до рвоты за право получить лицензию на эту «вершину программного мира». Однако теперь это его совсем не касается. Наверное, жизнь прожита давным-давно и совершенно даром. А у кого не даром?

Взять выдающегося писателя. Еще при жизни, если она затянулась, его читают из вежливости, если не считать отдельных маньяков. А все оставшиеся столетия им мучают школьников и трясут, как старыми панталонами, на юбилеях, доказывая величие нации и количество гениев на душу населения.

Есть, конечно, по настоящему крутые фигуры — сэр Ньютон, Эйнштейн, Кант, Борн, который Макс, Бор, который Нильс. Однако от всей их личности остался только ярлычок с именем, который пришпилен к тому или иному научному закону. Да и была ли она, личность, столь уж важной? Не были ли эти господа ученые примитивными мономанами, а попросту говоря обыкновенными чурбанами во всем, что не касалось научных задач. Кто знает? Сэр Исаак за все тридцать лет сидения в парламенте лишь однажды удосужился произнести: «А не пора ли

закрыть форточку, джентльмены»? Пожалуй, это неплохая фраза для буддиста, но Ньютон не был буддистом. А Кант под старость обрюхатил свою служанку. Засадил ей вдруг сзади, когда она у плиты возилась, но через пять минут уже забыл об этом. Нравственный императив, ничего не поделаешь. А старина Альберт, как обычный местечковый мышигенер[3] изводил жен и показывал язык фоторепортерам. Только этим и занимался последние сорок лет своей жизни после опубликования общей теории относительности. Он, конечно, еще думал и мечтал о чем-то, также как и Шрагин, даже говорил, что «Бог не играет в кости», но так и не смог выразить на бумаге свои думки. Бог не играет в кости, Бог пишет программный код, но на каком программном языке? Эта загадка растрачивала жизненный ресурс Шрагина, также как и Эйнштейна.

```
для (продолжительность жизни; год за годом)
{
пытаться
{
Ресурсы. расходоватьНа(непосильное)
}
прерывание (ТипОшибки конецЖизненныхСил)
{
Системное сообщение(некролог);
}
}
```

У Шрагина не было жен, которых можно было бы изводить, и корреспондентов, для которых можно было бы оголить язык, он даже не мог вонзить стрелу-упрек в небо, подобно древним галлам, но он мог сделать большую глупость. Четыре года назад он прикрутил лентой цифровую камеру с радиоинтерфейсом на 2,4 Ггц к столу непосредственной начальницы в фирме «Малина Софт». Несколько ниже уровня пояса прикрутил. И через фирменную сеть послал картинку на десктопы остальных сотрудников. Светочувствительный кристалл был слабым, на миллион пикселов, кадры получились блеклыми, но женщину все узнали.

Победа оказалась липовой. Он же сам жалел горько плачущую толстушку, да вдобавок она оказалась женой крупного мафиози. Любовь к жене, собственно, и была единственной светлой стороной пахана. Из-за этой светлой стороны Сереже и пришлось пострадать. Некто с квадратной фигурой покарал Шрагина прямо на улице, ударив в левый глаз, «чтобы не

подсматривал». Травма оказалась довольно серьезной, расслоение сетчатки, однако расстроившийся за супругу мафиози попросил возместить «моральный ущерб» и в денежной форме.

А кстати, почему это дверца в его шкафчике не открывается? После того, как соседка уничтожила всю телематику, раскиданную по коммунальной территории, он потихоньку поставил на дверцу шкафчика замочек, сканирующий с помощью лазерного светодиода его радужку. Нет, сегодня как будто радужку подменили. Или словно дверцу гвоздиком подбили.

Как бы открыть, расческа же там…

Хлипкая дверь ванной затряслась под ударам пудового соседкиного кулака.

— Сколько можно санузел занимать? Совмещенный санузел не для занятий онанизмом, Сергей Сергеич дорогой. Или вы там проверяете, является ли моча напитком?

Соседка проснулась. Это плохая примета. Так, взять стакан, и в комнату, пока кофе не выкипел, а то термосенсор последнее время барахлит…

Нет, проскользнуть не удастся. Соседка наступала на него своей выступающей челюстью и выпяченной нижней губой. Она преследовала его по пятам, похоже, пыталась проникнуть вместе с ним в комнату. За неимением лучшего выхода, он вынужден был вернуться в ванную.

— Это что за визги вы испускали до трех часов ночи, Сергей Сергеевич? — провокационно спросила женщина.

Два года назад он ее трахнул мутным новогодним утром — набежал и вставил, с тоски, с депрессии, из-за Weltschmerzen[4], почти как Иммануил Кант. Трахнул, но не убил. А надо было наоборот. И видимо придется за это платить дань по гроб жизни. Если только не накопить денег на собственную квартиру, где балкон с видом на что-нибудь зеленое и зимний сад с огородом на кухне. Сейчас не хватает двадцати тысяч баксов, полгода назад — пятнадцати. Конечно, можно было б совместно с соседкой приватизировать коммуналку, продать ее и поделить деньги пополам. Но она никогда не согласится. Потому что ей нужно клевать его регулярно. По возможности, беспрерывно. Когда-то ее целью было принуждение к женитьбе. Теперь чистое мучительство ради мучительства. Раньше она врывалась в его комнату, просто когда ей заблагорассудится поскандалить. Он установил на двери электронный замок с камерой — распознавателем образов. Так эта бестия научилась даже образ свой менять, то картонный нос с искусственными усами нацепит, то заячью маску. Тогда он приделал к замку сканер, который считывает папиллярный рисунок с пальцев. Это помогло, и

Зинаиде осталось только просовывать свои записочки под дверь. Но ей, конечно, от этого удовольствия мало, поэтому и стала она вдвое агрессивнее в местах общего пользования, а на охоту выходит с самого ранья.

— Зинаида Васильевна, вы же знаете. Я использую голосовой интерфейс, когда работаю на компьютере. Это увеличивает производительность моего труда.

— Да знаю я, производительность какого труда вы увеличиваете, — с мудрыми прокурорскими интонациями произнесла Зина. — Объемная девка на экране трясет задом и передом, а у вас рука работает в трусах, туда-сюда. То есть, поскольку вы у нас передовой, не рука, а вагинатор с квази-эпителием, на быстрых микрочипах..

Да как она смеет?.. Он с Виртуэллой ничего такого себе никогда не позволял!.. Хотя, конечно, упомянутая штучка у него есть на всякий пожарный, он же одинокий киберковбой. Но разве его можно этим попрекать? Да и как Зинка, вообще, про вагинатор пронюхала? Неужели взломала его электронный замок и обшмонала комнату?

Ощущение такое противное, что «Зинаида Васильевна» и не женщина вовсе, а программный вирус, который сконструирован и реализован каким-то садо-хакером.

```
<код>
абстрактный тип Соседка
{
Константа Назойливость;
Функция надоедатьЛюдям(очередная Вредность());
Функция мучитьБлижнегоСвоего(новое Коварство());
Функция подслушиватьСоседа(воплощенная Наглость());
}
</код>
```

А вообще, ее даже приятно ненавидеть. Ее так легко сделать ответственной за все. И все-таки… она действительно ответственна за все. Попробуй только дамочку привести — Зинаиде получаса хватает, чтобы гостью выпроводить взашей… Дамочка уже готова, понравились ей самооткрывающиеся форточки и анимация, бегущая по стенам, но!.. Едва гостья направится в туалет или, скажем, в ванную, как эта кобра выползает наружу и говорит: «Я ведь Сереже почти жена». Иногда без слова «почти» обходится. Иногда вместо жена употребляется слово «сожительница», что звучит особенно гадко. Так вот, это чертова сожительница всю кухню захватила, всю прихожую, весь

сортир…

Неожиданно мышцы на лице у Зины перегруппировались, изобразив приветливость, и звуки стали образовываться не в мрачной утробе, а в верхней части горла, приобретя мелодичность и даже нежность.

— Давайте я вам носки постираю, Сергей Сергеевич, а то аромат даже за дверью чувствуется. И может, мне я у вас прибраться, а то небось уже все паутиной заросло и козявки к экрану приклеены?.. Эй, ау! Чего это вы не отзываетесь?

Тактику, значит, сменила, допрограммировала себя новыми функциями. Заботливостью пытается окружить, окольцевать внимательностью. Да, порой ему приходится соглашаться, когда она ему предлагает что-то постирать или заштопать, пришить пуговицу или сварить суп, дать таблетки или микстуру…

— Послушайте, Зинаида Васильевна, я ни в чем не нуждаюсь. У меня хорошая работа, зарплата. Если надо будет, я смогу нанять уборщицу или прачку.

— Что-то не заметно зарплату вашу, вон, рубахи какие заношенные и трусы с дырками. Вот такие, наверное, у вас и программы — как дырявые трусы. Дигитальные трусы, ха-ха. Вы, Сережа, мягко говоря, давно уже «ку-ку», что-то вроде деревенского дурачка, так что нечего из себя профессора корчить. Профессор кислых щей.

Если бы он тогда не ушел из команды Сарьяна, то сейчас такие люди, как Зинка, играли бы лишь мелкие эпизодические и полезные роли в его жизни: вымыть окно или унитаз, сбегать за пивом, подстричь газон. Они бы тогда знали свое место. Но надо попробовать ее иронией уничтожить.

— Ну вы, оказывается, компьютерный эксперт, Зинаида Васильевна. А я-то думал, что вы — эксперт по протухшей капусте. Вон, вчера целое корыто навернули.

— Да нашлись на вас эксперты, Сергей Сергеевич, не думайте, что вы — непостижимый, как черная дыра. Порассказали они мне в научно-популярной форме, какой вы дигитальный из себя и сколько у вас там в голове нулей.

— Кто рассказал, Зинаида Васильевна? Кому вы интересны? Кому охота с вами общаться?

Ох, как он ненавидел эти глазки, такие же маленькие, как у него, только не умные и понимающие, а тупые и хитрые. В них сейчас была хищная сосредоточенность зверя, методичным жеванием добирающегося до яремной вены своей жертвы. А ведь «доброжелатели» могли даже Зинке позвонить, эти стервятники, которые последние три года старательно гадят на него с недосягаемой высоты.

— Я и сама позвонить могу куда надо…

А ведь могла и сама позвонить, засранка. Могла инстинктивно нащупать направление главного болезненного удара. Как он ненавидел оттопыренную самодовольную нижнюю губу Зины. От ненависти сильно сдавило горло.

И где-то в горле абстрактная ненависть инкарнировалась в конкретный вектор отвращения.

```
<код>
психоинтерфейс Соседство, применяя психотип Ненависть
{
пытаться
{
житьСовместно();
}
прерывание (ошибкаВремениСовместногоПроживания)
{
труп = очередное УбийствоНаБытовойПочве();
сброс трупа;
}
}
</код>
```

Конечно, он никогда бы не реализовал этот интерфейс, но в ее поросячьих глазках уже засновал страх — как зверь в узкой клетке. А тут чертов стакан выпал из правой руки, на которой с армии не хватало двух пальцев, и нарочито громко разбился. Последний чистый стакан. Уже и кофейку не глотнуть. Она лишила его всего, даже утреннего промывания кишечника. Какая-то древняя часть мозга, оставшаяся в наследство от ползающих и кусающих, может, даже от всем известного змия, приняла управление над телом. Шрагин наклонился и подхватил двумя влажными самый большой осколок. Соседка искренне завизжала — от прежней наглости и следа нет, ужас прыгает в глазах как чертик на пружинке.

— Убивают! Жизни лишают! — последняя фраза была явно из свежего романа известной фантазистки Марии Симбионовой. Явный, хотя и бессознательный импринтинг. Да и защитную позу Зинаида приняла, как каратист на видике.

— Что ты мелешь, Зинка? На кой хрен мне твоя жизнь сдалась? — зарычал Шрагин.

Он не мог объяснить себя даже ей, которая сидела у него под боком последние три года, которая ловила каждое его слово и следила за каждым его движением, которая отдалась ему так же

покорно, как корова отдается ветеринару со шприцем, начиненным бычьим семенем.

Вектор ненависти был переполнен, однако не имел выхода наружу. Внешней реализации не было, поэтому Шрагин полоснул осколком по собственной руке. Это выглядело дико. Но рука все-таки была своей собственной.

— Психопат! — соседка, тряся низкими ягодицами, с повизгиванием побежала в свою комнату — как бородавочник от льва. Невинная жертва, полная предсмертного ужаса. Как он сразу догадался — она бежала звонить в скорую психиатрическую помощь.

— Не делай этого, Зина! Хочешь, пойдем куда-нибудь вместе? Только мы вдвоем. Будем танго танцевать. — От одного такого предложения его затошнило, но и этого соседке было мало.

Он не имел никакого права лишать ее высшего наслаждения — сцены расправы над ненавистным мужчиной… Он знал, что скрытые хватательные движения сейчас пронизывают Зинину мускулатуру, вызывая какую-то сладость в нижней части ее крепкого тела, если точнее, в тазу, а рефлекс хищника заставляет выделяться слюну.

И тем не менее он потерял еще несколько драгоценных минут в мольбах и стенаниях возле ее беспощадно закрытой двери. А вот медработники сегодня оказались быстрыми как летучие обезьяны.

«Скорая» влетела в тот момент, когда Шрагин метался в поисках новой рубашки. А сквозь рукав старой выплывало красное пятно.

— Все ясно. Значит, еще хотел танго танцевать, — сказал доктор, более похожий на уголовного авторитета, благодаря щетине и облаку перегара.

— Что вам ясно? Я…

Рука санитара предупредительно легла Шрагину на загривок — широкая и твердая, как лопата, она заставила присесть. Виртуальный Сережа мгновенно раскидал санитаров, как котят, и уложил доктора на пол ударом пудового кулака. Но в реальности он лишь попробовал уйти из-под властной руки санитара — как бы не так, она не только придавливала его, но и словно примагничивала. На чугунной ладони медработника он мельком заметил наколку — парашютик и две буквы, похоже, что инициалы. Где-то он такую уже видел, давно это было…

— Нам ясно все. Не такой ты уж сложный, — сказал доктор и вонзил шприц в непораненное предплечье…

— У меня программа зависла, будильная, значит, и обеденная не загрузится, кура вовремя не разморозится. Можно

мне в комнату? — сказал Шрагин в надежде неизвестно на что. Не сбежать ведь через окно, по карнизу.

— У нас пообедаешь. Мы тебе другую куру дадим, резиновую. И танго танцевать научим. Так что поехали, чмур.

— Так еще ж переодеться надо.

— Ладно, иди, надень свой лапсердак, — согласился белохалатник.

Мгновенно из темного угла возникла Зинаида.

— Товарищи, я помогу Сереже собраться. Он ведь такой беспомощный. Дигитальный такой.

Все ясно, его уволокут, а она останется у него в комнате хозяйничать. Не выйдет.

— Все, я передумал, — сказал Шрагин, подворачивая закрашенный кровью рукав. — Я — уже готов.

И хотя он все-таки дал отпор Зинке, внутри лопнула какая-то струна. Шрагин понял, что проиграл. Проиграл давно, когда программа его жизни, пройдя неверный оператор, попала в петлю, из которой нет выхода. Если бы он не ушел из команды создателей нового революционного языка, сейчас бы его славили и рисовали яркими красками на страницах толстых солидных журналов. Но он ушел. Единственный его бесспорный талант — выбрать неверное направление.

На полминуты ему сделалось дурно — наверное, тот укол подействовал. Затмение какое-то, в сумерках все вокруг стало текучим, показалось даже, что Зинаида омывает его, как волна, пытается накрыть с головой, плещет в глаза, в рот. Но со странным звуком «сам-по» волна схлынула, и мир принял прежние очертания и освещенность.

— А что, поехали, товарищи.

От этих слов он стал уютным привычным психом, отчего доктор с санитарами сразу заулыбались и перестали угнетать. Шрагин привольно разлегся на носилках в задней части автомобиля, на передних местах расположились медработники. Через открытое оконце, соединявшее кабину с отделением для психов, лилась как будто песня вперемешку с полубезумным бормотанием ди-джея. «Если вы считаете это музыкой, то вы горько заблуждаетесь. Слова же, в лучшем случае, высосаны из пальца…»

— Ну, хорошо, почему меня везут в психушку, а не его? — безадресно спросил псих, думая о ди-джее.

— Потому что у него нет соседей, — охотно отозвался доктор. — А куда мы так мчимся, психиатрия?

— В Бехтерева, родимый.

В Бехтерева — это класс, там покойно, там все передовое. Он

был там три года назад, и ему понравилось. Это вам не Скворцова-Степанова, где в палате по двадцать психов, набитых всяким калом по самую макушку, где в сортир надо в калошах ходить, чтобы не утонуть, где целую ночь яркий свет глаза выедает. В Бехтерева же разговоры с культурными людьми за Фрейда, Эдипа и его маму. Там всем желающим раздают мольберты и холсты, рисуй свой психоз на здоровье, только краски не ешь…

Интересно, может ли Зина проникнуть в его комнату при нынешней системе опознания? Наверное, может — если потихоньку снимет отпечатки его пальцев и перенесет папиллярный рисунок на пластик. Если проникнет, то подкинет ему ворованные шмотки или листовки с призывами к межнациональной розни — шикарная месть. Что-то утром в комнате было не так, только без очков он рассмотреть не смог. Что-то не так… Вечно это ощущение чего-то упущенного и не понятого. Ну, почему он не алкоголик? Почему не лежит firewall из огненной воды между ним и нецифровым миром, в котором он бессилен?

Бархатистый женский голос долго выводил на стереоволнах песню, состоящую из трех слов, а потом рассказывал о фьючерсных сделках, из чего Сережа едва ли понял три слова, потом пошли новости — в основном, про расцвет преступности: международной, организованной, отважной, разнообразной и интеллектуально развитой. Про то, как сетевой вирус присвоил себе все электронные деньги в маленькой, но богатой стране, и как в большой, но бедной стране России нашли труп финансиста и олигарха Шермана, похоже, погибшего под колесами большегрузного автомобиля неподалку от морского порта, на улице Курляндской. Стоп! Это что, Андрея Арьевича убило? Задавило каким-то сраным грузовиком? Главу холдинга, в котором где-то далеко внизу работает он сам….

— Эй, стойте, о чем это они?

— Это же радио, а не магнитофон, радио стоять не может, — укоризненно заметил санитар. — А вот уже и подъезжаем. В больнице все узнаешь, там тоже радио есть и даже голубой экран.

И правда, машина лихо взлетела по пандусу вверх, к приемным воротам. Открылась торцевая дверца салона.

— Самодур, на выход, лечиться пора, — позвали его ласково.

Его ждали, к нему тянулись длинные волосатые руки, чтобы упихнуть в черную дыру психлечебницы минимум на месяц.

Радио, которую он принял за магнитофон, еще сказало, что в руке у господина Шермана был зажат отрубленный палец ребенка, скорее всего имеющий отношение к его дочери,

похищенной две неделя назад прямо на улице. Ну что это за слова такие элегантные — «имеющий отношение»? И еще радио сказало, что господин Шерман был замешан в крупном международном скандале, связанном с новым лекарственным препаратом, именуемым патоцидом, который, по подозрению в токсичности и канцерогенности, был отклонен как американской FDA[5], так и российским Минздравом…

— Эй, что ты там, заснул?

— Сейчас, сейчас, я вам не блоха, чтобы скакать…

Итак, господин Шерман почему-то не смог спасти свою дочь и решил погибнуть. Неужели он пожмотился на выкуп? Или он хотел быть правильным и понадеялся на постсоветских шерлок-холмсов? В свою очередь, шерлок-холмсы его не поняли. И вместо того, чтобы шевелиться, стали ждать, пока «жирный кот» выплатит энную сумму и проблема рассосется сама собой.

Страдания господина Шермана, на первый взгляд, были далеки от господина Шрагина. Сережа не виделся со своим папаней с момента собственного зачатия. Сережины пальцы бессмысленно было посылать папе, ввиду отсутствия получателя. Полупарализованный поэт Кривоходько, которого его мама некоторое время выдвигала на роль отца, давно спился и не мог отличить пальца от сосиски, а сосиски от пиписки. Не было речи и о том, чтобы кто-то похитил Сережиного сынка Вовку в деревне Носопаткино. Вовка любым киднепперам таких бздей накидает, что они после этого смогут разве что ботинки ему лизать в лежачем положении. Но с другой стороны лишь одно воспоминание хранилось в почти-живом и ярко-цветном виде в памяти Шрагина.

…Руки-клещи прижимают его щекой к какой-то склизской доске, прямо перед глазом шевелит усиками, будто силилась пообщаться глянцевая жужелица. Там, за жужелицей, виднеется его кисть, лежащая на той же доске. Один «дедушка»-сержант держит ее запястье, другой зажимает его шею под мышкой, третий подносит штык-нож к его пальцам. Кисть кажется жужелице огромной горой типа того самого Эвереста, но в руке первого «деда» она выглядит чем-то незначительным, вроде зубной щетки. Потом лезвие кидается вниз. Боль возникает как будто с другой стороны тела, а потом шквалом кидается к руке…

Шрагин нарочито медленно выбирался из машины, мучаясь от крайне неприятного ощущения — как будто что-то натягивается в его голове и хочет оборваться.

Эту девочку никто никогда не спасет. В грязной и холодной яме инфекция обеспечена. Сепсис, гангрена. Вспышка огня в маленьком тельце, засохшие губы, а потом тепло уходит навсегда.

Это ощущение было сейчас на его ладони…

Девочку никто никогда не спасет, кроме… Три года назад он встретил в электричке господина Шермана и его дочку, тогда Андрей Арьевич еще ездил на общественном транспорте загаженного вида. Сергей знал его по Одессе, если точнее, по школе, слегка так, потому что Андрей был младше на несколько лет. Шермана было не трудно узнать, низенький, кругленький, рыжеватые кудряшки, как был карапуз с виду, так и остался. А вот сам Шерман долго таращил свой и без того лупоглазый зрительный аппарат, пытаясь распознать неожиданного собеседника.

В итоге, не только распознал, но и взял Сергея в свою фирму. А девочку звали Аня. В электричке она почти все время молчала, но подарила ему гриб на прощание…

Шрагин почувствовал поворот, за которым его ждет Виртуэлла, сейчас маленькая и печальная. Она была похожа на украденную Аню Шерман и на соседскую девчонку, которая тридцать лет назад таскала ему сладости из буфета своего папы — полковника КГБ. Виртуэлла просила о помощи слабым, прерывающимся из-за каких-то помех голосом. И он не мог прогнать ее, хотя она была явным призраком его нездоровья. Еще он увидел картинку. Спасенный ребенок разместился на одной его руке, в другой — временно опущенный меч, на голове пилотка, с монументальных плеч спадает плащ-палатка. Он только что грохнул этим самым мечом всех негодяев-похитителей, лихо выверчивая восьмерки самурайским лезвием.

Шрагин не стал думать, что ему пригрезилось новое издание памятника русскому солдату-освободителю в берлинском Трептов-парке, разве что меч позаимствован у мастеров кэндо.

Как сигнальная ракета, вспыхнула и осветила все вокруг простая мысль: еще мгновение, и поворот исчезнет.

Но я не могу действовать, Виртуэлла, пожаловался он, я привык оперировать абстракциями: типами и интерфейсами. А не кулаками или ногами.

Ну и оперируй своими кулаками и ногами, так же, как и своими абстракциями, посоветовала Виртуэлла.

Это была интересная идея. А также больше чем идея.

Наружное пространство стало медленным, холодным и плоским. Внутреннее пространство осталось теплым, и в нем находился виртуальный Шрагин — маленький подпрограммист, быстрый и решительный. Подпрограммист рассёк наружное пространство мечом-сканером, расчленяя его на объекты. Подпрограммист сшил нужные объекты эластичными нитями будущих событий.

Эта эластика и вытолкнула Шрагина, как тело, из точки покоя.

Он дважды хряпнул санитара, сперва головой в живот, где как будто пробил заслонку из мышц, а потом коленом в челюсть — до хруста.

Он, почти не чувствуя веса, устремился прочь от приемного покоя института имени Бехтерева.

Он обнаружил, что водитель с физиономией, выражающей ярость, догоняет его. Неожиданно из памяти выплыл хоккейный приемчик. Резкая остановка с подкатом помогли оторвать преследователя от поверхности Земли, а затем припечатать к асфальту. Выражение ярости у водителя сменилось выражением плаксивого недоумения…

Снизу по пандусу въезжал легковой автомобиль. Сейчас или никогда. Шрагин запрыгнул на бампер легковушки, пробежался по капоту, крыше и… приземлился за багажником. Ну надо же. Все так просто — словно в компьютерной игре, на уровне для «начинающих».

Несколько секунд Шрагин потратил на то, чтобы признать свой успех и вычислить новое направление для своего тела. Тело рванулось к воротам для въезда автотранспорта. Створки ворот уже закрывались, движимые электромеханизмом. Сзади вздымался на ноги могучий санитар. Отрывался от асфальта и озлобленный шофер с красной соплей под носом.

Ворота сжали Шрагина, но не успели раздавить. Куда теперь? Остановка троллейбуса направо или налево? Кажется, по этой дорожке налево. Все, бежать больше невмочь. Собственно, прибежал уже.

Надо ждать и молиться троллейбусным богам. А на рубашке еще несколько кровавых клякс добавилось. И в стекле отражается мелкий злодей, порешивший собутыльника на бытовой почве. Именно на таких милиция выполняет все свои планы.

Но разве он мелкий злодей? Чего уж тут мелкого? Впервые его виртуальная мощь вырвалась наружу, хотя могла просидеть внутри вплоть до более-менее естественной кончины. Впервые он покрыл себя невиртуальной славой.

Внутри забурлил суп из разных чувств: страх с виной, с гордостью и удовлетворением, все это было поперчено первобытным ужасом.

Полностью растерявшийся Шрагин бросился в кусты за трансформаторной будкой и попытался проанализировать.

Что это было? Амок какой-то. Вернее, подпрограммист какой-то, который шпарил словно на психопрограммной консоли, вбивая команду за командой в его тело.

А мозги — нет, это не были его обычные мозги, в которых мечутся и не находят выхода мысли. На месте мозгов был компьютер, Диспетчер Времени, Сканер Пространства, Сшиватель событий.

Подпрограммист написал две новые функии для взаимодействия с окружающим пространством — УдаритьВМорду() и СделатьНоги(). И две новые функции для внутренного пространства — ДуматьБыстрее() и РеагироватьБыстрее().

Тело из инертной массы, плывущей, как говно, по течению, стало точным инструментом!

Но что дальше? Дать в морду и сделать ноги может каждый балбес без всякого подпрограммирования. Сейчас ему уже нужна стратегия, а стратегии срочно требуются информационные ресурсы.

Шрагин стал лихорадочно перелистывать свою память в поисках чего-либо полезного.

Девочка Аня подарила ему гриб и сказала: «Ну ты мне тоже подаришь, наверное. Когда соберешь».

Как собрать информацию? Ее либо покупают, как делают это репортеры, либо выбивают кулаками, как герои Спиллейна, добывают с помощью стукачей и прочих свистунов, наружных и внутренних, как органы государственной безопасности, иногда высасывают из пальца, употребляя всякие там индукции и дедукции, как Шерлок Холмс.

Некоторую роль играют счастливые случайности, подсматривания, подглядывания, переодевания, порой мистика в виде блуждающих отцов Гамлета, очень часто секс, неодолимая сила спаривания. Наглость и связи — это тоже очень в жилу. Как будто ничего такого у него нет. Не было и не будет…

Шрагин осторожно выглянул из кустов, а потом вскочил в подошедший троллейбус.

В троллейбусе ехали простые незамысловатые люди, неспособные к каким-либо ярким поступкам: пенсионерки, работяги средней степени трезвости, учителя и прочие бюджетники.

Достаточно было одного взгляда на них, и Шрагина пронзило раскаяние, физически ощутимое почти как шило. Он, который всегда был телом из законов Ньютона, находящимся в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения, вплоть до столкновения с другим телом, он, у которого даже простые слова заперты в горле, как узники в Шильонском замке, вдруг стал действовать в Реале с той же простотой, словно это был компьютерный мирок. Но в Реале нет отката, и нет перезагрузки.

Он делал людям больно без всякого сопереживания, он наносил им телесные повреждения, как будто они были сделаны из кирпичей и досок. Он…

Надолго ли эта легкость? Повторится ли это еще хоть раз? Скорее всего, нет. Тогда, может, вернуться в Бехтеревку со склоненной головой? Получить пару раз по опущенной долу шее, проваландаться в психушке месячишко, нет, наверное, уже два, но зато не знать никаких проблем. Там, говорят, кормежка сейчас типа хватает и даже остается — мэр ведь по молодости тоже в Бехтеревке от призыва косил, вот и нарастил после своего избрания суточное довольствие. Так что сытно там, еще и библиотека имеется. Мопассан идет под бром не хуже, чем Тургенев. «Мисюсь, где ты? И где это я, медсестра?» Правда, Гоголь в сочетании с пимозидом вызывает стойкую импотенцию. «Поднимите мне веки. Опустите мне штаны».

Но самое главное — не будет тебе ни искуса, ни соблазна во что-то вмешаться. Накушался амитриптилина с циклодолом, и тихо радуйся наличию жизни на Земле с улыбкой на губе…

И вдруг случилось переключение в режим «турбо». Мысль его стала быстрее и горячее, мир вокруг медленнее, холоднее, доступнее для восприятия. Из мешанины событий высветились те ключевые, которые надо понять. Сперва надо выяснить поточнее, чем занимался господин Шерман в последнее время, кому он там мог наступить на ногу, почему похищение Ани совпало во времени со скандалом по поводу этого самого патоцида? Учитывая потенциал г-на Шермана, его противник должен быть крупным хищником. А если не крупным, то подлым.

Шрагин выскочил из троллейбуса на ближайшей остановке и зашел в телефонную будку. Вытащил из одного кармана штанов давно израсходованную карточку Ростелекома — вчера вдохнул в этот пластиковый труп еще немного жизни, на десять минут разговора, путем нехитрой манипуляции с полупостоянной памятью чипа.

Соединимся теперь с начальником программистов в головной фирме, с Протасовым, и будем изображать начальника родного отдела, Валю Полубянского. Придется Валентина слегка подставить, ничего, переживет. Ему за Валю тоже переживать приходилось. Но прежде чем набрать номер, стоит немного потренироваться.

«А подать сюда Дениса Петровича». Немножко сжать губы и как бы продудеть. Так, уже лучше. Ты теперь не Шрагин. Ты преобразован в Полубянского. Это не так сложно быть Полубянским. Думай, как он, чеши голову, как он, бубни, как он.

«Денис Петрович, вы — полное говно».

Надо чуть гнусавее, с легким подвыванием в конце. Кажется, ничего уже получается.

Осмелевшая рука забегала по кнопкам набора номера.

— А кто его спрашивает? — спросила цепная женщина на том конце провода.

Ну, кто, кто, язва ты этакая? Неужели не узнаешь?

— По-лу-бя-я-нский.

Вот так вот Валя произносит свою фамилию, по слогам, с блеянием. У него тоже, наверное, не все дома.

— Сейчас соединю, Валентин Андреевич.

И главное — не ошибиться в такте речи.

— Денис Петрович, я тебе человека пришлю.

— Зачем? — отозвался собеседник. Ура, Денис Петрович купился, не заподозрил подвоха!

— Я его сейчас на сетевые программы сажаю. Можно там у вас образцы посмотреть?

— Какие сетевые? — спросил без особого интереса собеседник. Судя по тону, было заметно, что Полубянский в «Шерман-Слободе» не слишком котируется.

— Электронные платежи в режиме реального времени.

— Какого человека?

— Да Сережу Шрагина.

— Ну, разве ж это человек?

Ладно, перетерпим ради дела.

— Все мы когда-то были людьми, Денис Петрович. Но эволюция идет дальше.

Ага, выскочила шуточка в стиле Полубянского.

— Ладно, присылай этого машинный разум в режиме реального времени. Знаю, что он у вас до сих пор в экспертах числится.

— Не забудьте, битте-плиз, пропуск ему на проходную подкинуть.

Шрагин поспешил повесить трубку, чтобы заряд у карточки не кончился вдруг и не случилось бы неловкого обрыва связи.

Перевел дух. Оценил происшедшее. Кажется, получилось.

Разговор-то получился, а вот с внешним видом проблема. Внешний вид не столько для делового визита, сколько для очереди за разливным пивом.

И все-таки сейчас поехать домой — это что-то упустить. А то и просто попасть в очередную засаду, которую подготовила соседка. По умению впиваться в плоть и жевать жертву она не уступит даже питбулю. Да что там питбуль, пес может к ней в ученики пойти и принести свои челюсти в подарок.

4. Деловой визит

Господин Шерман не бросал денег на ветер. Никаких там общих попоек и свального греха за фирменный счет. Однако на свою штаб-квартиру, на головную фирму «Шерман-Слобода» он потратился. Ведь такие вещи имеют свою цену в мире финансовых акул и китов большого бизнеса.

Стеклянно-стальная призма была своего рода колпаком для внутреннего строения, исполненным словно из мятой серебристой фольги. Именовалось это дюссельдорфским стилем. И проходная уже была не той деревянной будкой, прижатой к дверям, как это водилось на Руси, а скорее напоминала кафедру католического епископа, на которой возвышалось только далекое призменное небо.

— Вы — Шрагин? — спросила элегантная привратница, неподалеку от которой располагался вооруженный вохровец. Нет, уже не вохровец, а офицер внутренней Службы Безопасности.

Сереже хотелось сказать, что он кто-то другой, еще неведомый избранник, но пришлось согласиться с милой женщиной. Дама просканировала его взглядом, и ее лицо отразило непонимание — как можно в мир деловых костюмов явиться в таком противном виде?

— Да не принимайте мой вид всерьез. Я — эксперт из «Мелкософта», у нас в ходу розыгрыши и похлеще.

Ключик подошел — компьютерные эксперты всем известны как завзятые чудаки, могут вдруг запеть фальцетом или снять носки — и дама распахнулась как дверь:

— Ой, как интересно. А в следующий раз вы как оденетесь?

— Как тот смышленный парень, которому один змий заказал взломать сервер под названием «древо познания».

Дама и вохровец проводили Шрагина умильными взорами, однако

сетевой отдел встретил сталью колючих взглядов. Они легко проходили сквозь стеклянные перегородки, рассекающие огромный зал на множество рабочих клетушек. Перегородки были низенькими, а потолок высоченным, льющим золотистый свет, подобно иконописным небесам. По виду это напоминало улей, по характеру излучения из глаз — гамма-лучи. Лучи хорошо считывались и выдавали сокровенные мысли сидящих в отделе: «Ты же псих, парень…»

— Ага, очередное стихийное бедствие. — сказал господин Протасов, «смотря спиной», потом высокое кресло обернулось, но начальника в нем уже не было…

Начальник уже стоял у Шрагина за спиной — судя по быстрым, почти невидимым движениям, типичный тиранозавр в галстуке.

«Этот ящер далеко пойдет, — подумал Шрагин. — Может, даже и на освободившееся место Шермана».

— Товарищ… извините, забыл и ваше имя, и фамилию, и отчество, и род деятельности, а вы не забыли переодеться?

— А я упал у вас в туалете, скользко было, это — результат травмы, полученной при отправлении естественных потребностей.

— Интересно, первый раз такое слышу… Уточните, пожалуйста, цель вашего визита. — Голос у Протасова был негромким, но холодным, противным, с шипящими тонами.

— Я прилетел из другой галактики, мы обнаружили признаки разума в сигналах, испускаемых вашей планетой.

Денис Петрович зевнул, показывая полное пренебрежение к шуткам Шрагина:

— Давайте по существу, уважаемый.

Шрагин выдал небольшую заготовку — насчет того, что его отдел тоже переходит на систему электронных платежей, а у великого и ужасного Дениса Петровича по этой теме все схвачено, в том числе и банковские счета клиентов. Так что наши транзакции пойдут через вашу систему аутентификации и верификации с помощью «объектного посредника». А чтобы «посредник» не заглючил, неплохо бы и с вашими сетевыми компонентами разобраться: какие там интерфейсы, сервисы, имена, адреса и тому подобное барахло…

Сережа понял, что переборщил, зайдя несколько дальше пожеланий самого себя в образе Вали Полубянского, и остановился в смущении. Вдруг начнет сейчас Денис Петрович названивать реальному Валентину Андреевичу, требуя уточнений. И как будто даже потянулся тиран местного значения к черному телефончику, больше напоминающему дорогую зажигалку, однако ограничился кратким распоряжением ближайшему подчиненному:

— Дайте этому… посмотреть. Но только то, чем мы уже сами не пользуемся.

И перестал обращать какое-либо внимание на посетителя. Все-таки тиранозавр — крупный хищник, и непрестижно ему на мелочь пузатую свое время расходовать, так что копошись пока и не морочь мне задницу.

Шрагина стиснули двумя устаревшими громоздкими компьютерами в самом центре отдела, отдав под перекрестные прожигающие взгляды недоброжелателей. Да и дали посмотреть

одно старье да фуфло.

Приятнее было бы работать с контактным экраном, когда никто ничего не видит, кроме твоей занавешенной физиономии. Но сейчас партия шла в открытую — при живом внимании публики. Протасова не проведешь.

А ведь три года назад, будучи еще зеленым эмбрионом в цифровом мире, списывал Денис Протасов без зазрения своей совести у Сергея Сергеевича или просто просил поделиться знаниями. У Шрагина было много учеников, он был компьютерным профи, когда многие из них, фигурально выражаясь, еще ссали в штаны.

Сергей натаскивал молодых программистов, валом валивших в растущую, как сыроежка после дождя, «Шерман-Слободу». В нем уважали классика, в нем видели заместителя вождя по компьютерным вопросам. Но через год активной деятельности у него вдруг опять случился «вывих». Наверное, потому что Шрагин продолжал думать только о программных языках господа Бога, он пытался создавать их, если даже не на компьютере, то в своей голове. Вот пробки и перегорели. Однажды молодые программисты увидели, как их наставник танцует в коридоре с невидимой виртуальной музой, и вызвали врача. С той музой Шрагин общался на тему генерации объектов в программном языке «Арарат». Общался не во грехе, почти без ощущений, если не считать сладкой вибрации в позвоночнике, почти без звуков, если не брать в расчет контрольные сигналы, с минимумом образов — только неяркая графика. Тут царило слово, знак, смысл, программный код. В интеллектуальном объятии они порождали рои самопознающих объектов и самореализующихся интерфейсов.

Позднее Шрагин присвоил музе облик и имя красотки из одной компьютерной игры. Глаза-тарелки, рот-пуговка, ноги-стрелы. Виртуэлла — звучит не слишком-то оригинально. Поэтому Эллой он называл ее тоже. И системной хранительницей. И внешность ей со временем подправил. В ней появилась что-то от соседской девочки, которая тридцать лет назад играла с маленьким золотушным Сережой Шрагиным и даже подкармливала его конфетами, которые назывались, кажется, «Мишка на сервере». Но когда Шрагин узнал, что нынче соседская девочка представляет собой малосимпатичную особу, занимающуюся финансовыми махинациями, Элла стала больше напоминать одну сотрудницу, а если точнее — секретаршу Шермана.

Третья психушка, имени Бехтерева, на удивление слабо пропечаталась в его памяти.

«В медицине столько науки, сколько в ней скальпеля», — любил повторять его лечащий врач. Немного странные слова для психиатра. А еще он говорил, что нейрохирурги — это смежники психиатров. Этот айболит был повёрнут на оперативном вмешательстве. У пациента Шрагина болела голова, виски, и его повезли на обследование в нейрохирургический центр — может, опухоль мозговая найдется, профессиональная болезнь программистов. Там, после обследования и осмотра всяких пил и сверл, Сереже стало плохо, обморок случился. Очнулся с повязкой на голове, небольшой шрамик так и остался около левого глаза. Как будто шандарахнулся обо что-то острое.

Вокруг глаза располагается куча небольших косточек, решетчатая, слезная, клиновидная, скуловая. Шрамик был как раз в районе решетчатой.

После лечения Шрагин, конечно, стал стесняться Виртуэллы, как воплощенного безумия. Но все равно она приходила к нему, когда было совсем плохо.

Вернувшись на службу, господин Шрагин нашел свою репутацию сильно изменившейся. Теперь у него была репутация не задумчивого гуру, а почти болвана. И не без основания, как самокритично признавал он. Глубокие мысли о сущности программирования нередко сменялись не менее глубокомысленными раздумиями, о том как сварить холостяцкий суп и как не хочется стирать носки.

По идее, в соответствии с духом времени, его должны были выкинуть вон, это только при советской власти псих мог быть передовиком производства. Однако худшего не случилось. Шерман оставил его, но сослал от глаз подальше, в полудохлую дочернюю фирму, в отдел-отстойник под начало бесхребетного Вали Полубянского, на «диетическую» зарплату. Как сейчас понимал Сережа, господин Шерман жалел людей, поэтому старался ими не интересоваться и кадровые вопросы не решать. Оттого у него были отстойники для жалких личностей и куча разрезвившихся наглых карьеристов…

Шрагин не без труда разорвал цепочку воспоминаний. Он наклонился, как будто проверяя подсоединение «мыши», и вогнал в USB-порт компьютера едва заметную «пробочку» — с начинкой из хищных программ-следопытов и потрошителей.

Следопыты обшаривали все доступные файлы, потрошители-декомпиляторы рвали на куски программные коды, выискивая секреты доступа к серверам.

После первых непрочных успехов до Шрагина дошло малоприятное известие, что в обеденный перерыв весь отдел собирается праздновать день рождения любимого начальника. Все

отправятся в столовую, где под фанфары будут славить Дениса Петровича и дарить ему подарки — не в качестве подхалимажа, а в знак признательности за счастливые трудовые будни. Заботливый начальник также станет одарять подчиненных — акциями и опционами. Жаль, что в этом отделе действовала японская модель менеджмента. Из-за нее проклятой всем известного психа по фамилии Шрагин, конечно же, выгонят и оставят перед запертой дверью на все время торжественного обеда. Что выбрать: уйти с опущенной немытой шеей или попробовать переписать стандартный сценарий, добавив в него нестандартные действия?..

В миллионный раз в своей жизни Шрагин не мог решиться ни на что. Еще немного, и его лишенное воли тельце захватит и унесет поток внешних событий.

Однако, не дожидаясь «высочайшего» решения, внутренний подпрограммист взялся за работу. Он отсканировал внешнее пространство и соединил объекты ниточками нужных событий. Психоинтерфейс захватил ноги Шрагина и превратился в инструмент перемещения его тела.

Шрагин встал и направился к дверям, как будто понадобилось прогуляться «до ветру».

Возле самой двери стоят три шкафчика — для одежды, что ли? Пока он еще в поле зрения сотрудников. А вот зашел за первый шкаф и стал недоступен для царапучих взглядов, но еще через секунду он должен выйти вон и захлопнуть дверь.

С полсекунды подпрограммист определял последовательность событий. Открыть сразу две двери — комнаты и шкафа — после чего дверь отдела закрыть, забраться в шкаф и бесшумно затворить его дверцу — мебель новенькая, скрипеть не должна. Еще полсекунды телесная оболочка Шрагина послушно исполняла набор команд, переходя из события в событие…

А ведь обратного пути нет, подумал Шрагин, сидя в шкафу. Просто, незатейливо, словно речь шла о чихнуть или почесать затылок, он перешел в принципиально новый сценарий. Сейчас все обнаружится, и мариноваться ему в психушке до скончания века. Достаточно только кому-то полезть в шкаф за плащом.

Испарина, перебирая клейкими лапками, ползла по спине. Некто Шрагин, взявшись исполнять команды распоясавшегося подпрограммиста, своими руками-ногами разломал-растоптал собственное житие-бытие. Жанна Д'Арк тоже каких-то голосов послушалась, и это для нее плохо кончилось. Но она хоть за целую Францию вступилась, а его зарядил на нелепые подвиги единичный труп и детский палец так же количеством один. В

конце концов Шерман-старший рассчитался по своим счетам, к примеру, за неудачную игру на бирже с фьючерсными контрактами, а с Шерман-младшей ничего особенного не случится. Ее родня отыщет посредника, сговорится на приемлемую сумму, и девчонка вернется назад.

А пациенту Шрагину бродить сто лет по пыльным больничным коридорам с отвисшей челюстью, роняя слюни на грязный пол. Сто лет в собственном соку.

А ведь в поселке городского типа Носопаткино проживает его сын, зачатый то ли восемнадцать то ли девятнадцать лет назад во время командировки в колхоз. В ту суровую пору колхозная грядка напрочь отвергала Сережу, его ляпку и тяпку. Но одно колхозное лоно как-то после бани приняло его семя и понесло. Затем разрешилось от бремени и подало на алименты. Неправедный суд удовлетворил истицу, хотя Настасья его чуть ли не изнасиловала в тот тихий вечерок по над речкой, в смысле, стриптиз исполнила на довольно-таки неплохом уровне …

И с чего это его потянуло на заботу о чужих детках? Разве мало того, что собственному сынуле помогать надо, ежемесячно четвертиной зарплаты. Кстати, судя по последним известиям, прекрасный младенец Вова стал главным хулиганом на деревне, какую-то бабку уже обесчестил, какого-то деда уже порезал, или наоборот, деда обесчестил, бабку порезал. И еще грозится в город наведаться — папаше рыло начистить. Его мать когда-то была ничего, в смысле не такая корова как сегодня, но хватило одного визита к ней. Жалкий вид сопливого Вовки в зассанных пеленках и явно невысокий IQ молодой мамаши заставили молодого отца Сережу бежать куда глаза глядят — а глаза глядели в сторону ближайшей железнодорожной станции. У него не было другого выбора. Такая мать и такое дитя явно мешали бы Шрагину думать о главном. Пришлось чувство вины в данном случае вырвать с корнем. Даже у самого совестливого из нас сидит в голове, в той части мозга, что досталась от рептилий, этакий библейский змий, который заставляет нас делать всякие дела, но потом быстро уползать от ответственности…

Раздался жуткий топот — это отдел в едином порыве двигал на дармовое угощение. И тут кто-то полез в шкаф. Шрагин судорожно вцепился ногтями в замочек.

— Эй, кто шкаф запер, кто запер, я спрашиваю? — зашумел некий мужчина. — У меня там подарочек лежит.

— Дергай сильнее, ты ж мужчина атлетического сложения, а не слабая девушка вроде меня, — посоветовала ему какая-то дама.

Мужчина-атлет задергал посильнее, а у Шрагина трещала и

сочилась кровью кожа под ногтями.

— Не поддается, блин, — пожаловался силач, отходя от стен шкафа с позором.

— Может, это сам шеф запер, — сказала дама. — Чтобы этот истеричка Шрагин не ушел часом в чужой кожаной куртке. А что, от этого чмура всего можно ожидать, взгляд какой-то безумный. Да после перерыва отдашь свой подарок, не огорчайся так, пусик.

Вот гады, вирусы настоящие, пусики-херусики. Несмотря на всю тяжесть своего положения, Сережа вдруг почувствовал себя обиженным. Да у него взгляд такой из-за очков с разными диоптриями…

Но больше никто не шел на шкафчик приступом. Раздался звук запирания двери, и Сергей остался в отделе один. Совсем один в помещении, состоящем словно бы из множества стеклянных склепов.

Первая часть откровенного безумия завершилась благополучно. Теперь надо выбрать лучшую позицию для нападения. Ну, это конечно, место шефа Дениса Петровича, его компьютер.

Зад упал в уютную емкость кресла, забурлили массажные ролики, разминая вместо атлетической спины босса чахлую плоть самозванца, жилистые нечистые пальцы Сережи запрыгали по клавишам, или если точнее, по матово черным стильным пупырышкам, а из глубины шикарного метрового стереоэкрана выплывали расписные ресурсы корпоративной сети. Тут такая куча всего. На компьютере по кличке «Фармазония» лежит папка под названием «Проект Патоцид». Чудное какое название. Похоже, что проект-то на фармацевтическую тему. С чего это финансисту Шерману вдруг сдался лекарственный рынок? Ведь это джунгли, это Серенгети в полночь, где сильные разрывают слабых на части или, в лучшем случае, проглатывают их целиком. Неужели Шерман тоже решил сорвать куш с приращения числа больных и старых во всем развитом мире?

Полномочий шефа отдела оказалось вполне достаточно, чтобы папка раскрылась. А в ней еще тьма-тьмущая вложенных папок — стоят ровными рядами могильных плит. Интересный кладбищенский дизайн операционной системы «Hell Gates».

Под действием «мышки» плита сдвигается, и из открывшейся могилы фигурка зомби достает полуистлевший список имеющихся документов. Счета, чеки, платежные поручения, спецификации закупаемых препаратов, письма юристов… Пока ясно только, что патоцид проходит повторные клинические испытания, FDA дала, зараза, от ворот-поворот. Этот патоцид, если верить спецификации, какое-то активно-молекулярное

средство, сочетающее свойства антител и энзимов, чтобы распознавать и даже разрушать различные вредительские патогены, ну и так далее — научное бубубу-траляля еще на трех страницах.

Сдается, у господина Шермана в последние несколько недель были некоторые задержки с оплатой входящих счетов. Обнищал господин хороший или так только кажется? Ну, что он, Сережа, в этом понимает? Его учили одной марксистско-ленинской политэкономии, в отличие от господина Шермана. А Маркс ни слова не написал о тяжкой доле капиталистов…

Пожалуй, пора выбираться из этой папки. Тем более что до конца перерыва осталось пятнадцать минут. Теперь пробиваться на сервер, где крутится огромная база данных на лекарственные препараты. На, жри пароль.

Машина «впустила» Шрагина, но ее содержимое встало перед ним огромным шкафом размером с небоскреб. А затем шкаф обрушился на него, вызвав непроизвольный вопль: «Бли-и-н!»

Голова опухла, впуская в себя водопад бесчисленных папок, не зная, как отловить что-нибудь полезное.

Уже через несколько секунд водопад данных оглушил его, даже расплющил, отчего мысли стали плоскими и твердыми.

Наверное Шрагин все-таки позвал Эллу, и системная хранительница вошла в его череп через известную только ей дверку.

Шрагин отдавал себе отчет, что это психическое извращение, и поэтому даже покраснел от стыда. Но его сознание уже вооружилось сканером пространства, а водопад, напротив, заледенел, кристаллизировался. Сознание просканировало застывший кристалл и…

Вывод был четким — основной конкурент «патоцида» на международном рынке это препарат «перфекцин» концерна «Фармаланд».

«Фармаланд» — третья в мировой иерархии фармацевтическая корпорация, возникла в результате слияния знаменитой американской «Пфайцер», производителя первого в мире усилителя потенции, и немецкого «Байера». Нехило. Теперь она хочет сделать усилитель потенции не для одного члена, а для всего тела… Можно следовать дальше.

Но все же несколько мыслей на прощание. Чем только не лечат и как только не пользуют человечество, замедляя или приближая неизбежный конец. Наверное, все-таки приближая, достаточно взглянуть на цены, и кондратий хватит.

Число фармаконцернов, «быков-производителей», снабжающих всю планету и ее окрестности серьезными

лекарственными средствами, укладывается в пределах десятка. Здесь тесно. Патенты сроком на двадцать лет ограждают фармаолимпийцев от всякой шпаны.

Нынешние лекарства — это золотая жила для фирмачей. И в битве за золотую жилу многие средства хороши, если не все…

И последнее — названия лекарств мало что говорят простому рабочему и крестьянину в бывшей Стране Советов. Ну, почему не давать снадобьям хоть иногда певучие славянские имена: глистобой, неболиголов, продлижисть, дуродав, противодрист. Однако «быки-производители» знать не знают ни о каких славянских именах, они ботают на международной фене, где слов не много, но все они дорогого стоят.

Оставалось пять минут, когда Шрагин «вошел» на другую машину со смешным названием «Милка-Крокодилка». Здесь было не так жарко, но сразу почувствовалось, что какая-то собака зарыта и здесь. Вот папки входящей и исходящей электронной почты. Обновление было недавно, но папки пустые. Как будто кто-то срочно их почистил. Значит, кто-то отправляет, получает и сразу стирает как отправленную, так и полученную почту. Может, это компьютер самого божественного Шермана? Да нет, вряд ли, такие хитрости годятся только для мелководной рыбешки. Последние письма стерты сегодня, значит Андрей Арьевич уж точно ни при чем. А попробуем-ка повосстанавливать стертые письмена с помощью программки, комично именующейся «Страшный Суд».

Чик-чирик, и «оживляж» состоялся.

Письмо шестнадцатидневной давности, составленное на неплохом английском и отправленное в благотворительный фонд «Исцеление без границ». Типа «подайте сирым-убогим». Какая-то хренотень выпрашивается в количестве двух упаковок. Электронная подпись — Каширская. Черт, Вика Каширская — это ж секретарша Шермана, шикарная белобрысая дама с круглым задком, ногами до потолка и истинно московским выговором. Зад и выговор — это у нее от прабабушек, московских боярынь, или служанок московских бояр, тех, которые им чарку в кровать приносили, а вот ножульки километровые отломились ей у дня сегодняшнего.

Сколько бы раз он ее ни встречал где-нибудь, всегда она выглядела истерично-веселой, этакая дама под шампанским, искры сыплются, ждет своего поручика. Не такого, конечно, как Сережа Шрагин. Но он поневоле стал дорисовывать облик своей Виртуэллы с помощью внешних данных Вики Каширской — когда ему надоели стандартные глаза-тарелки и рот-пуговка.

Впрочем, как-то раз, недели три назад, Вика предстала перед

ним в неважнецком, откровенно буром виде. Он тогда ездил в головную фирму за канистрой технического спирта… Как будто Вика вместо шампанского хлебнула денатурата — глаза не хрустальные, а мутные больные. Морщинки, дотоле незаметные, вдруг заставили потрескаться беломраморный лоб. И даже ягодички уже не птички, а крепко вкопанные булыжники. Как теперь выясняется, действительно не все гладко у белобрысой гейши. Есть некие поводы для расстройства.

Но какого хрена ей понадобилось слать письма зарубежным благотворителям и выклянчивать у них бесплатные лекарства, если в соседней комнате до вчерашнего дня сидел наш отечественный бык-производитель? По идее, подмахни ему как следует, и он оплатит хоть сто упаковок на радостях, на то ты и приближенная к телу…

«Страшный суд» воскресил письмо с ответом от благотворителей. «Исцелители без границ» написали Вике, чтобы она обратилась к их местному представителю, впрочем, никак не именованному.

Значит, вначале госпожа Каширская отчего-то сильно расстроилась, потом отправила электронное письмо «исцелителям», а там уже должна была обратиться к их представителю в России.

Это всего лишь временна2я цепочка. Является ли она одновременно причинно-следственной?

Вот «Страшный суд» поднял из праха еще один емейл, убитый пятнадцать дней назад. Ага, как будто что-то неприличное… И не что-то, а нечто весьма непристойное. Эх, на клюкву как всегда не хватает времени, всего пара минут осталась.

Шаловливое послание другу состояло из небольшого забавного клипа — видеофайлики такого типа обычно снимаются цифровой видеокамерой, пристегнутой с помощью какой-нибудь липучки к монитору. Или, в данном случае, — к ножке стола. Что-то подобное когда-то проделал он сам, засняв нижнюю часть начальницы, Мадлен Ивановны. Но такие клипы, как этот, посылают только любовничкам. Или богатым клиентам. Причем весьма развращенным. Двадцать секунд дама демонстрирует вид снизу. И ноги-то явно Викины, хорошие, качественные. За это время она избавляется элегантным движением от надоевших трусиков и набрасывает их на глазок видеокамеры. Ничего задумка. И этим развращенным любовником явно был не Шерман, сидевший в соседнем кабинете и не нуждавшийся в почтовых отправлениях, а некто по имени Шуля…

Но неужели Милка-Крокодилка — такая дебилка?

Конечно, доказательств обратного у него нет. Однако Андрей

Шерман вряд ли бы пригрел дебилку на своей не слишком широкой груди. В видеофайле этом где-то сотня кадров. В принципе, любая графика, начиная от шестнадцатибитной, годится для шифровки сообщений, так называемой стеганографии. Можно ту же Мону Лизу так нашпиговать шифровками для немецкого генштаба, что никакой Леонардо да Винчи носа не подточит.

Попробовать дешифровать по алгоритму Пальмова? Шрагин пытался сосредоточиться на задаче, но перерыв уже закончился и толпа могла ввалиться в любую секунду…

Дешифровщик сообщил, что зашифрованная информация обнаружена и выдал шкалу раскодирования. Один, два, пять процентов…

Все, не успеть. Массированная топотня в коридоре. Поскорее закрыть все «окна» и «папки» на компьютере и нестись, пуская отовсюду искры, к входным дверям. Дешифровщик успел выплюнуть лишь несколько раскодированных слов. «Я так больше не могу. Мне нужны гарантии…»

Требование, тревога, как будто Шуля и есть местный представитель этих самых «исцелителей»… Все, баста, сколько бы там еще шифровок ни было, надо бежать. Едва ли секунда осталась, чтобы домчаться до двери. Не дать этим гадам войти и застукать его. Просто вцепиться в ручку цвета расплавленного золота и держать изо всех сил, если нет лучших вариантов.

— Да что это сегодня с дверями у меня не ладится? — послышалась обида из-за глянцевой ДСП. — Не впускают и не выпускают. В этом чудесном новом здании все заедает, так скоро и ширинка расстегиваться перестанет.

— Может, ты ключи от тещиной квартиры всовываешь?

— Моя теща эти чип-ключи не признает, только амбарные, и правильно делает, между прочим. Ладно, теперь твоя очередь штурмовать запор.

Воспользовавшись замешательством атакующих, Шрагин переместился в тот шкаф, где не было подарков драгоценному шефу. Тут и наевшаяся толпа повалила в отдел — от ее топота и шарканья в внутришкафном пространстве все противно вибрировало. С тех пор, как у Шрагина испортилось зрение, он приобрел необычную чувствительность к противным звукам и вибрациям. И запахам тоже. Вспотел он сейчас прилично.

Тряска наконец стихла, значит, все рабочие пчелки заняли свои ячейки в улье и теперь выковыривают дармовыми зубочистками остатки угощения. Все четко, по международным стандартам. Пора наружу. Нет, стоп. Мимо прошаркала еще одна пара ног, явно принадлежащая советскому безалаберному

прошлому — Шрагин едва успел спрятать свой длинный нос обратно в шкаф.

Досчитав до трех, Шрагин вылетел из шкафа и распахнул дверь в отдел — симулируя вход человека. Теперь плавно закрыть наружнюю дверь и мягко прошелестеть на отведенное ему в теснине место. Симуляция окончена. Осталось только угомонить сердечко, перепрыгавшее всю грудную клетку.

— Как поработалось? — хихикнули где-то сбоку. — Туалетной бумаги хватило?

Этого типа он уже не обучал, сколько их тут, этих яппи, так и роятся, офисные насекомые. Попробуй, отличи их друг от друга, если рожи одинаково леденцовые и замыслы одинаково плоские…

Елки, на экране протасовского компьютера по-прежнему висит шаловливая картинка со слетающими Викиными трусиками, цепкая оказалась. Правда, сам господин тиранозавр еще не добрался до своего логова.

Шрагин, обмирая и наполовину падая в обморок, подошел к самому главному столу отдела.

— Эй, что вы тут забыли? Это, между прочим, рабочее место Дениса Петровича. — начала заградительный огонь ближайшая женщина с невероятно огромной прической. Издали прическу можно было принять за юрту.

— Значит, это место Дениса Петровича. И девушка тоже его?

Женщина с юртой на голове заметила нескромное и испуганно прижала ладонь ко рту.

— Дама, если вы позволите, я уберу все эти причандалы с экрана одним нажатием клавиши. Ну, а если вы не позволите, то воля ваша… Мы все должны понимать, что даже Денису Петровичу ничто человеческое не чуждо, что даже товарищ Протасов хочет смотреть на народ не только сверху, но и снизу, особенно если у народа хорошие ножки.

— Я заклинаю вас, уберите это, — поддержала жарким шепотом преданная начальству женщина и дополнила заговорщическим тоном: — А после этого подойдите к моему столу. Вот так никто ничего не заметит… Сейчас я дам вам пару распечаток для отвода глаз. Все, спасибо.

Сработала уловка, первый раз в жизни, наверное. Как это вдохновляет, хочется петь, плясать, ваять, рисовать. — А это не вы там, случаем, запечатлены были? — мигнул Шрагин на прощание верноподданной юрте.

И леденцового яппи тоже уязвил, ткнув пальцем в кусок программы на его экране, да так, что монитор зашатался:

— Только не называй эту коричневую кучку настоящей

программой. Дитя мое, вместо того, чтобы сто раз вызывать и перегружать функцию с разным списком параметров, достаточно ведь что? Вынуть пальчик из носа и передать ссылку на объект суперкласса…

Яппи сразу как будто протух. Даже запах почувствовался. А Шрагину понравилось быть удачливым и наглым, жить и работать по своему собственному сценарию, по той программе, которую он сам накатал в своей голове.

Стеклянный лифт, похожий на стакан, спустил Шрагина в огромный гулкий холл. Его обогнала женщина, в которой и со спины, а точнее, с попы, можно было безошибочно узнать Вику Каширскую — белая или же хорошо выкрашенная коса, спущенная вдоль позвоночника, щекочет мягкой кисточкой сладкий кругляшок зада. Есть женщины, которым все идет, в которых всегда чувствуется сексуальный подтекст. Сегодня Вике шла длинная юбка в обтяжку, слегка просвечивающая под резкими лучами солнца, врывающимися в холл из-за бесконечных стеклянных стен.

Сереже почему-то всегда было жаль красивых. Красота способна испортить личную жизнь. Охота на красивых идет денно и нощно. Мускулистые уроды подкрадываются на коротких кривых лапах, потом бросок, недолгая погоня, и вот уже клыки впились в тонкую шею, после кровавого поцелуя лакомство нежной плотью…

Куда это лань и газель Виктория торопится в два часа дня? Неспроста это. В хорошо налаженной конторе типа «Шерман-слободы» секретуточка не свалит просто так, чтобы купить пучок морковки.

Когда Шрагин выскочил на улицу, Вика уже садилась в красный «фольксваген-гольф». Сейчас бы закатить классическую гонку с преследованием по-голливудски. А в карманах у него крошки одни, в смысле ни копейки, даже в такси не сунуться, только на общественном транспорте, и то до первого контроллера. А ведь полгода тому назад у него еще была машина. Настоящая черная «Тойота», всего двести тысяч ка-эм пробега, в семь кусков обошлась. Была, да сплыла. Он просто поцарапал бортик «мерса» у какого-то гражданина, и тот посоветовал заплатить. Промедлил Сережа и вскоре обнаружил на месте своего чуда техники нечто напоминающее мятую консервную банку. Менты сказали, что это бульдозер поработал…

Героически стараясь не думать о последствиях, Шрагин сел к какому-то частнику, когда «фольксваген» уже сворачивал у ближайшего перекрестка.

— Поезжайте вон за той красной машиной.

— Ты что, шпион что ли? — хмыкнул детина за рулем, источая ехидство. — Как я сразу не заметил, что ты не такой как все. Кинокамера в глазу, микрофон в дырке от зуба, в попе морзянка…

А красный «гольф» уже исчез. Зараза. Без двадцати три. Скоро заканчиваются занятия в старших классах средней школы. Вика поехала забрать кого-то из школы. Вряд ли у такой лахудры есть собственные дети. В рабочее время она может забирать только… сына господина Шермана. Ведь у него же еще сынок имеется. Кажется, тогда, в электричке, Андрей говорил про него. Ну да, неродной сын, приемный, сводный братец Ани Шерман. Парню должно быть сейчас шестнадцать лет. А еще в тогдашней электричке, когда Андрей Шерман рассказывал об этом парне, Анино личико отнюдь не излучало доброжелательность. Она даже сплюнула разок. Сплюнула и растерла. Обозначила, что братец — полное говно. Не все у них ладно, у сводных. По крайней мере, не все было ладно.

— Ну, куда, шпион?

Ближайшая приличная школа к дому банкира Шермана — это гимназия с углубленным изучением немецкого языка на Морской улице.

— На Морскую.

Увы, на Морской надо было еще и рассчитаться.

— Деньги, — сказал водила, перегораживая дальнейшую путь-дорогу шлагбаумом мощной руки.

Стало жарко. Конечно, отпустит, но даст вначале в морду.

— Ладно, бей, сатрап, — согласился Сережа. — Только не по очкам.

— А, значит, точно шпион. В очках вся эта мультимедия. Я тебе, значит, по мордам, а ты меня потом угостишь ядовитой иглой из пальца? Нет уж, прощай, товарищ шпион.

И дверка моментально распахнулась.

Красный «фольксваген» нашелся на Морской, в некотором отдалении от школы. Госпожа Каширская, похоже, и в самом деле ждала окончания занятий. Шрагин поискал позицию, из которой было бы удобно наблюдать за машиной. Позиция нашлась. И это, о ужас, был ближайший мусорный бак, инфернально вонючий, точка общепита и общесрача для местной крысиной общины. Заняв позицию, Шрагин потратил еще немало времени, чтобы «запереть» нос и спасти себя от агрессивной вони.

В хлопотах едва не пропустил самое главное — к «фольксвагену» вразвалочку направлялся стильный парень, прикинутый по последней гонгконгской моде: чего только стоит хакерская кепка с нацепленной цифровой микрокамерой.

Дорогого стоит. И улыбочка человека, у которого нет проблем. Действительно, упакованный такой мальчик. Ну да, конечно, это — молодой господин Шерман.

Того получателя шифровки от Милки-Крокодилки, эротической по форме и тревожной по содержанию, звали Шуля. А пасынка Андрея Арьевича — Саша. Саша — Сашуля — Шуля. Еще и созвучно с немецким Schueler [6]. Однако сходится.

«Я так больше не могу. Мне нужны твердые гарантии…» Какие-такие гарантии может дать этот щенок?

Стиляга залез в салон и… тут из-за облачка выглянуло солнце и ударило со всего размаха в глаза Сереже.

Ясно было только то, что машина стоит на месте. Чем там занимаются эти двое? Сексом, что ли? Два объекта установили, понимаешь, соединение интимного типа через правильно подобранный интерфейс. Неплохо это Вика придумала. Худосочный юнец вряд ли является ее идеалом (ей стоит только повести боками где-нибудь на пляже, и за ней сразу такая свора мускулистых самцов пристроится), но как ключик к семейству Шерманов сгодится. И маскировка отличная — господин Шерман поручил ведь забирать своего сынка из гимназии. И хотя умер, но поручения не отменил.

Наконец солнце сникло, и Сережа снова вперил взгляд в салон любви, прикрытый тонированными стеклами. Похоже, что внутри никакой двигательной активности. Шрагин вывалился из бака и подобрался вплотную к «фольксвагену».

В салоне и в самом деле ничто не двигалось. Вика опустила голову на руль, юнец откинулся на сидении, рот приоткрыт, струйка слюны ползет по подбородку. Что они там, скончались от радости, что ли? Или просто все иначе: вовсе они не любовнички, по-крайней мере, в данный момент, не было никакого сеанса секс-просвещения для быстро подрастающего поколения, они — два товарища-наркомана. Ширнулись и отдыхают себе, мечтают о чем-то.

Или точнее, они — два сильно запутавшихся человека, которые, однако, доверяют друг другу.

Нет, в этой истории ему одному не разобраться. Пожалуй, надо вписать в эти наркотическо-романтические отношения Сашину маму, госпожу Шерман.

5

Шерманы проживали, конечно же, в приличном доме. Могучая сталинская семиэтажка, где некогда рисовали и лепили на радость жителям коммуналок народные живописцы и скульпторы. В результате капитального ремонта социализм удачно соединился с капитализмом — сталинка обзавелась теплоизоляционным покрытием и моноблочными рамами по евростандарту. На крепкой бронированной двери парадной — переговорник и глазок видеокамеры. Но, кстати, мог бы финансист со своим семейством и в собственный особнячок перебраться, чтобы и колючка была, и полоса отчуждения, и собачки зубастые, и пара топтунов на посту. А здесь местечко, скорее, для заправил помельче.

Шрагин нажал на кнопку интеркома. Только через минуту раздался какой-то сдавленный и вымученный женский голос.

— Да.

Это явно Рита, вдова Андрея Шермана. Шрагин вдруг осознал, что она должна сейчас ненавидеть весь мир и его окрестности.

— Я хотел бы поговорить с вами о вашем сыне.

— А что вы такое, черт возьми? С какой стати мне с вами разговаривать даже о мусорном бачке, не то, что о собственном сыне?

Голос уже не был сдавленным, он с готовностью обрел агрессивные, даже высоконачальственные нотки. Да, Рите надо было срочно разрядиться на ком-то, выместить бессильную ярость.

— Я нечто такое, что работает у вашего мужа (или надо было сказать «вашего бывшего мужа»?) Но я не просто подчиненный. Я с Андреем в школе вместе учился, семнадцатой средней школы города Одессы.

— Ваша фамилия? — голос как будто выровнялся.

— Меня зовут Шрагин. Сергей Шрагин.

— Я ничего о вас не знаю, не знаю, кто вы такой и что вам надо. Попрошу меня больше не беспокоить, иначе я вызову милицию.

Все, обрыв связи. Коротко и ясно. С милицией ему лучше не встречаться. Скорее всего, слыхала уже госпожа Шерман о господине Шрагине когда-то, но это отнюдь не вызвало у нее желания пообщаться.

Сверхнапряжение последних трех часов спадало, оставляя после себя мутное озеро горечи. В этом озере он, конечно, жить

не сможет. Выход только один, с белой тряпкой в руках сдаваться психиатрам, аллигаторам, всем тем, кто может быстро положить конец мучениям.

— А что это вы тут высматриваете?

Шрагин вздрогнул и обернулся. Поджарая старушка породы «вечный живчик» поблескивала въедливыми глазами-бусинками и подозревала его в чем-то.

— Обидно, — сказал Шрагин. — Когда я говорю тихо, меня не слышат. Когда я говорю громко, все затыкают уши.

— Кто затыкает уши? — деловито спросила старушка.

— Да дамочка одна.

— Я знаю, кого вы имеете ввиду. Я ее свекровь.

Так это ж мама Андрея и Анина бабушка!

— Видите, молодой человек, за автостоянкой скверик крохотный есть? Там как раз есть пара скамеек. Идите туда первый. Встретимся через две минуты.

Бабушка явно была опытным конспиратором, оставалось только подчиниться. Как это сразу бросалось в глаза, потрясения последних недель и дней не сломили ее. Или другой вариант: она уже покрылась крепкой корочкой старческого маразма, которая надежно отгораживала ее от всякого горя.

Старушка, устроившись на скамейке, заговорила обстоятельно и деловито:

— Андрюша в морге. Рита ездила на опознание. Ее можно понять. К тому же последние две недели, с тех пор, как украли Аню, ей не раз звонили разные люди, как будто хотели помочь. Но все сводилось к одному — дай сперва денег.

— Мне не нужно денег. Я хорошо зарабатываю. Я работаю… работал у вашего сына.

— Да, вы внушаете доверие. Но выглядите как-то странно. — вежливо сказала старушка.

— Просто я сегодня утром сбежал из машины скорой психиатрической помощи. То есть, это была всего лишь разборка с соседкой. Мы с ней не ладим. Я сбежал, чтобы распутать это дело.

— Вас как зовут?

— Сергей Шрагин. Или Сережа.

— А меня — Розалия Самуиловна. И с чего вы взяли, Сережа, что можете распутать это дело?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Но кое-какая информация у меня уже имеется. Например, о странных отношениях вашего Саши и Вики Каширской, секретарши Андрея Арьевича.

— Ага, они трахаются, — старушка употребила далеко не

старорежимное слово, впрочем, отличное подходящее к автомобильному сексу, — я об этом подозревала.

— Нет, они вместе ширялись. По-крайней мере, при мне. А что вы знаете о Вике Каширской?

— Это Риточка предложила Андрею взять Викторию на работу — чтобы от «падения» ее спасти. Андрей не стал возражать, он вообще брал на работу кого ни попадя.

Как и любая еврейская бабушка, Розалия Самуиловна отличалась безразмерным любопытством и совала свой «алтер шнобель» во все дырки на свете.

— Почему это ее надо было спасать?

— У Вики очень нехорошее склеротическое заболевание нервных клеток, какой-то там ген дефектный. Но на интеллекте оно как будто не отражается. Раньше эта хворь смертельной была, а сейчас с ней и до пенсии дотянешь. Если, конечно, регулярно лечиться. Но из-за своей болезни Вика всегда была такой взбаламошной, такой капризной, если не сказать большего.

— Наркота входила в число ее капризов?

— Насколько мне известно — да. Конкретно, «колеса». — Розалия Самуиловна поняла, что настало время объяснить свою осведомленность и сказала не без смущения:

— Андрей ведь такой простофиля, поэтому мне непременно надо знать о его делах. Для этого и подслушивать приходится.

А в Вике вновь высветилась другая ее сторона. Не охотница и не хищница, а жертва. К красоте добавилась хроническая болезнь и связанная с ней хроническая уязвимость. Постоянная потребность в дорогостоящих лекарствах плюс зависимость от «колес» — синтетических наркотиков. Опять-таки фармацевтика. Колеса, если отбросить в сторону всякую дешевую пакость, все-таки более высокий уровень, чем бухалово или, скажем, игла. Алкоголь давно бы испортил Вику как женщину — ноги бы стали палками, морда синей. Игла же — это низкопробные друзья, инфекции, досрочная смерть.

А колеса — это, как правило, сфера интересов молодых интелигентных экспериментаторов.

Возможно, Шуля таскал Вике дроп дримс, рапчер и тому подобную муть. Типа на побегушках был, чтобы дамочке самой не светиться. Компанию составлял. А может, и спонсировал это дело. Мальчик-то он при деньжатах.

— Вика была подружкой вашей невестки?

— Наверное, когда-то. У них по молодости какие-то совместные приключения случались. Андрей Вику тоже давно знает, это как бы одна компашка была. Но Рита все-таки ученый, доктор наук. А у Вики даже высшего образования нет.

— Рита не боялась?.. Ну, вы понимаете… что рядом с ее мужем расположилась красивая и наглая бабенка.

— Да нет, она в Андрюше уверена. Они оба очень серьезные, очень подходящие друг другу люди. Он экономист, она — биохимик.

Знаем мы этих серьезных людей. Но не исключено, что Рита сама предложила Викторию на роль официальной секретарши — так было бы легче этих «давних знакомых» контролировать.

И тут Сережа понял, отчего у него заныло сердце. От этой манеры Розалии Самуиловны говорить об Андрее в настоящем времени.

Да и не какой-то там экономист он был последние лет десять, а делец — и это разные вещи. Постойте-ка, Рита — биохимик! Биохимия сейчас зациклена на фармацевтике, особенно на лекарствах, спасающих от старости и импотенции. Не приложила ли она руку по праву «первой леди» к проекту «Патоцид»?

Ну что ж, пора делать бабушке неприличное предложение.

— Простите, Розалия Самуиловна, вы бы не могли, так сказать, по…

— Пошмонать? — быстро догадалась старушка.

— В общем, да. На компьютере Саши, когда его не будет дома.

Шрагин протянул дискету со «взломщиком».

— Не бойтесь, Сережа, давайте. Или можете бояться, но все равно давайте. Я же математик по профессии, экс-доцент Одесского университета. А ваше хакерство-какерство не бог весть какая математика. Саша на тусовку ушел, ролевая игра называется. Он вообще гулена. В тот день, когда украли Аню, я приболела, и Саша должен был забрать ее после продленки; Анина школа, в принципе, в двух шагах от дома. А он взял и свалил на эту проклятую игру… Ну, встретимся здесь через два часа…

Она повернулась и пошла к дому.

И почему она только такая спокойная? Просто как компьютер.

Розалия Самуиловна вдруг остановилась.

— Вы, Сережа, наверное, думаете, с чего это я такая невозмутимая. У меня, в сорок втором, в городке Белая Церковь убили всех: маму, папу, сестер, брата, дядю-нэпмана, тетю-коммунистку. Только я просочилась через какую-то щель в заборе, прошла пятнадцать километров и, благодаря своим светлым волосикам, оказалась в детском доме. А там, в Белой Церкви, сперва разминались шутцманы, это что-то вроде бандеровцев, потом работала немецкая айнзацгруппа, успокаивая

скулящих от страха людей выстрелами в затылок. Все вполне однообразно. Несколько больше изобретательности применялось по отношению к детишкам. В любом случае, группе понадобилась только пара часов, чтобы уложить всех жителей местечка в двадцатиметровый ров по методу, называющемуся «сардины в банке». Через два часа от людей не осталось ничего, кроме аккуратной грядки. Вот что значит работать по-европейски. Так что я прекрасно знала, что кошмар у меня всегда за спиной, что он только ждет удобного момента.

Нельзя просто сказать «ага», подумал Сережа, но и нельзя сейчас впустить этот ров в свою голову.

— Ваш сын, наверное, пытался узнать, кто командовал этой айнзацгруппой?

— Андрюша, конечно, узнал. Имя — Андре Энгельманн. Звание — хауптштурмфюрер СС. Выпускник Гейдельбергского университета, философ по образованию, по должности офицер СД, по национальности полунемец-полуфранцуз. Интересный человек, правда? После войны житель Аргентины. Был женат. Сын его, Антуан Энгельманн-Ферреро, во-первых, известный биохимик, во-вторых, прогрессивный общественный деятель.

И старушка твердым шагом отправилась к свое парадной. Два часа в запасе. Сережа перебрался в другой микрорайон и там зашел в телефонную будку, которую, похоже, чаще использовали по другому назначению.

Сдается, что Вика сперва искала себе не лекарства (лекарствами мог и шеф обеспечить), а наркоту. И доискалась — нехорошие люди взяли ее под контроль и заставили делать нехорошие дела. Да, к сожалению, без Володи Матова сейчас не обойтись.

— Можно поговорить с капитаном Матовым?

— А кто его спрашивает? Да ладно, какая разница. Эй, Вова… Да не чокай, возьми трубу.

— Кто там меня захотел? — раздался зычный голос Матова. Товарищ капитан когда-то выпустил Сережу из КПЗ, куда его посадил другой товарищ капитан — за торговлю сидюками в неположенном месте.

— Шрагин. Сергей.

— Кто? А, мальчуган Сереженька. Ну, что стряслось, вундеркинд? Банк считает, что ты у него срубил пару миллионов в киберпространстве? Или соседка отметелила в пространстве физическом?

Придется терпеть, хотя Володя Матов моложе «мальчугана» лет на десять.

— Извините, товарищ капитан, Володя. Сегодня я очень хочу

спросить, кто у нас в городе, в смысле из преступных группировок, занимается, «колесами»?

— Какой шустрый мальчуган. Хочет все узнать о «колесах». А может, еще и о девушках, которые всем дают? Я к телефону бежал его спасать, не попался ли опять по дурости душевной, а он, вон, о «колесах» задумался. Нет уж, иди уроки делай.

— Володя, тормозни. Я тут пытаюсь одно дело распутать.

— Ты «распутать дело»? Да у тебя, Серго, другой талант: чтобы дела запутывать.

— Ну, просто скажи. Там от меня много зависит. Кроме меня никто ей не поможет…

На том конце провода возникла небольшая пауза. Володя Матов был боевым ментом, схлопотавшим когда-то пулю от горцев, поэтому он и отмазал нелепого торговца сидюками от нелепой статьи, поэтому он иногда и задумывался в хорошем смысле этого слова.

— Блин, ну, не телефонный это разговор. И вообще… Этим занимается группировка Князя, Князева. Особенно его подручные Акула и Панцер. Черт, и чего это у них такие красивые прозвища? Почему никто не назовет себя Рвота или Засранный Толчок? Да они тебя раздавят и не заметят. А больше я тебе…

Телефон отключился, потому что карточка простилась со своей недолговечной телефонной жизнью… Можно, конечно, снова в нее жизнь вдохнуть, но лучше не стоит. Матов все-таки мент, хотя и не вполне стандартный. Скорее всего, он больше бы ничего такого не рассказал, но мог бы еще и пару неприятных вопросов задать…

Про Князевскую группировку попадались пару раз сообщения и в прессе. Если точнее, информация выбрасывалась из ГУБОПа, пока там был начальником боевой полковник Гамаюнов. Князев имеет отличное легальное прикрытие — десяток так называемых «международных» аптек, где полки ломятся от дорогущих импортных средств. Писали, что при этом ряд «отечественных» аптек закрылся после наездов князевских ребят. Сколько в этом было правды — фиг знает, может быть, «отечественные» аптеки с малым выбором препаратов и хамоватым обслуживанием просто не выдержали честной конкуренции. А еще в какой-то статье, где фамилия автора уже в траурной рамочке, чиркнуто было, что штаб-квартирой Князева являются аптечные склады неподалеку от станции «Электросила», некогда принадлежавшие Главному Аптекоуправлению.

Ладно, пора уже на конспиративную встречу со старушкой, авось надыбала чего-нибудь. Авось…

Около сталинского дома, оборудованного по евростандарту,

стояла машина скорой помощи — возле той самой парадной. У Сережи защемило сердце. Он почувствовал себя загнанным и обреченным. Он уже понял, кого сейчас вынесут на носилках.

Из дверей показалось двое санитаров, которые, похоже, не чувствовали веса тщедушного тела, почти незаметного под одеялом. Вот и дотянула Розалия Самуиловна до второго землетрясения в своей жизни. Старушку, практически потерявшую телесность, пронесли на расстоянии метра от оцепеневшего Сережи. Осталась ли жизнь где-то в этих мощах? И вдруг мощи открыли глаза — яркие, голубые, прямо лазерные, как у Виртуэллы. В глазах жизнь была, да еще какая.

— Хватай дискету. Я кому сказала, быстро.

В сухой старческой руке мелькнул черный квадратик. Шрагин рефлекторно метнулся вперед и выхватил дискету.

— Не подведи, Сереж.

Закрылись за старушкой двери «скорой», а он вдруг увидел светловолосую девочку Розочку, похожую на маленькую Виртуэллу, только в стоптанных башмачках, она убегала в молочно-белый туман, оставляя за спиной кровь и боль…

Надо было срочно прочитать дискетку. Успела ли Розалия Самуиловна что-то выведать, прежде чем ее хватил инсульт или инфаркт? А может, это ее Шуля хватил чем-нибудь тяжелым, типа молотка, завернутого в одеяло?

Домой добираться долго, да и вообще не стоит. В библиотеке имеется несколько компьютеров, но они оккупированы всегдашней кодлой школьников, до тошноты режущихся в «Дино-Стадиум». Тогда, может, податься в Интернет-кафешку на Смоленке? Ее хозяин как-то зазывал его прочитать популярную лекцию по основам программирования на Ява-Плюс.

6

— Так что произойдет с числом при сужающем преобразовании из дабл во флоут? — донимал его упитанный подросток. Достал зануда: хавает как заведенный свой попкорм и вопросиками сыплет. Основная масса посетителей кафе уже откровенно отключилась от лекции. И это типово: одному чего-то неймется, но подавляющему большинству подавай только неприличные картинки и чат[7] с какой-нибудь далекой, но априорно прекрасной Джессикой или Франсуазой. Благодаря порночату оба жанра прекрасно сочетаются. А эта Франсуаза на самом деле, может быть, транссексуал Петя Курочкин из ближайшей деревни, поди проверь.

— Останутся только младшие биты. Для вас, юноша, персональное упражнение. Возьмите максимальное флоут-число и конвертируйте его в максимальное-дабл число. Ну и оцените, что вы при этом потеряли. Всем остальным — отбой. Не человек для техники, а совсем наоборот. А иначе зачем надо было когда-то изобретать колесо и унитаз?

— Да, вывернулся ты, — похвалил хозяин. — Чего пить будешь?

— Колу и чипсы, пожалуйста. Дай еще компьютер на часок.

— Скромный, завидую. На, вон, зайди за стойку и пользуйся там агрегатом сколько влезет.

Розалия Самуиловна, как выяснилось, не сплоховала. Программы-следопыты со Шрагинской дискеты обшарили весь Сашин комп.

В папке бродилки[8] остались следы его прогулок по Сети. Мальчик Саша не раз лазал на голландские сайты, которые специализируются на «собраниях священных трав Тибета» и прочей синтетической дури.

А еще он старательно «убивал» свои электронные письма, в том числе, самые безобидные на вид. Но, несмотря на старание, знаний у Саши на окончательное уничтожение не хватило, так что «Страшный Суд» воскресил почти все.

В почтовой папке мальчика обнаружилось викино послание со слетающими по-птичьи трусиками. Однако пионер Саша не стал облизывать этот псевдоэротический клип в одиночку, а отправил дальше, некоему знакомому.

«Я так больше не могу. Мне нужны твердые гарантии», — взывала Вика.

Знакомый вернул клип Саше, но уже с другой шифровкой:

«Твердые гарантии только при твердом участии в нашей

работе».

А еще с каким-то дружком переписывался Шуля насчет сюжетов и ходов компьютерных игр.

Переписка шла и в день, предшествующий похищению Ани.

У дружка, любителя игр, и у знакомого, интересующегося Викой, были разные адреса электронной почты, но стиль у них похожий оказался, если не одинаковый. Чем черт не шутит, может, это одна и та же личность?

Сгущаются подозрения, конденсируются, выпадают в осадок, но пока ни во что конкретное не превращаются.

Вика влипла в какую-то историю, Саша Шерман ей в этом деле активно помогал, еще в этом деле как будто задействованы зарубежный фонд и пока неназванные силы внутри России. Возможно, ниточки ведут к «аптечной» банде Князя, но у нее, конечно, справку не попросишь. После «беседы» с людьми из этой команды справки обычно выписывает патологоанатом.

Опять загвоздка, опять тупик.

И чтобы не мучаться в этом тупике, Шрагин пошел по пути наименьшего сопротивления и стал вылавливать из Сети все, что касается фармаландовского перфекцина и прогрессивного Энгельмана-младшего.

Перфекцин фирмы «Фармаланд» презентировался в Сети с большой помпой, как панацея от разных горестей и болестей, связанных со старением населения в развитом мире.

Ведь на одного работника уже навалилось ноль целых семьдесят пять сотых пенсионера, плюс еще четвертина вечно больного хроника, а завтра будет еще хуже. Пенсионный возраст в большинстве переразвитых стран уже составляет семьдесят лет, а завтра надо переходить на семьдесят пять. Какой уж там сталевар или инженер из маразматика с расстегнутой ширинкой?

Однако стоит лишь пройти краткий курс лечения перфекцином, и не только ширинка застегнется, даже рассосутся трупные швы.

Нашлась в Сети и другая реклама. «Всех излечит-исцелит добрый дядя, производящий патоцид».

Интересно, знал ли зарубежный изготовитель перфекцина о начинаниях господина Шермана? Ведь как будто оба средства из одной оперы — в смысле чудодейственные.

Но насчет того, как они там функционируют — ни гу-гу, патентная тайна.

Впрочем, имелись бы тут формулы и молекулы в разных позах, ему бы легче не стало…

Спеленутыми мушками были разбросаны по «паутине» и персональные сведения об Антуане Энгельманне-Ферреро. Он,

как выяснилось, был не просто биохимиком и прогрессивным общественным деятелем, но и председателем благотворительного фонда «Исцеление без границ» со штаб-квартирой в городе Дюссельдорфе. Стоп, это же тот самый фонд, куда обращалась за вспоможением хворая красотка по имени Вика Каширская.

Стало жарко, так заскакали разные мысли в голове, даже ядовито шипящая кола не помогла охладиться.

А вообще Энгельманн-младший оказался колоритной личностью. По крайней мере, на российский дремучий взгляд. А на европейский взгляд, он, возможно, самый обычный деятель, служащий миру и прогрессу, правам человека и гуманизму. Педикам дарит вакцину от СПИДа, один укол в попку, и любите друг друга, не умирая. Наркоманов снабжает метадоном, от которого ломки не бывает. Презервативы прямо с самолета сбрасывает, чтобы дети вдруг не появились. Раненым повстанцам чудо-пластырь присылает, чтобы меньше на койке, больше в бою. Даже нищим, которых в Индии пруд пруди, и то лекарства отправляет, особенно средства от ожирения … Хотя в той же Индии был небольшой скандальчик. Кто-то из местной коррумпированной элиты пытался доказать, что лекарства просроченные, и что Энгельманн проворачивает выгодные для фармацевтических фирм мероприятия, когда неликвиды можно перекинуть в благотворительные пожертвования и тем самым вычесть из налогообложения приличные суммы. Однако индийские клеветники ничего не доказали, да еще заплатили через суд за свое вранье.

Еще этот прогрессивный Энгельманн организовал выставку пластинатов — навеки законсервированных и художественно оформленных человеческих трупов — несмотря на протесты дремучих попов и раввинов. Выставка называлась «Наконец нетленны»…

Ладно, это уже, наверное, причуда, вряд ли имеющая какое-то отношение к реальному бизнесу, разве что уводящая некоторые суммы из под налогов.

В отличие от господина Энгелманна, Андрей Арьевич Шерман, как и многие из наших дорогих россиян, мог всю свою не слишком долгую жизнь руководствоваться иррациональными мотивами. И при этом быть абсолютно упертым, не тормозящим на полпути, энергичным как паровоз.

К примеру, хотелось ему во что бы то ни стало поквитаться с Энгельманнами, штандартенфюрером и биохимиком. Причем, не просто завалить из волына в подъезде, а переиграть по-крупному. Для этого он, презрев всех легкомысленных красоток, женился на ученой-биохимичке, ведущей соответствующие разработки, для

этого вложил все бабки в сомнительный патоцид.

Впрочем, на этом направлении больше думать не о чем. С чего уж так патоцид должен волновать Энгельманна-младшего, не говоря уж о старшем?

Но, в любом случае, контакты склеротической красотки Вики с фондом, где заправляет Энгельманн-Ферреро, исконний враг Шермана, тянут на предательство…

Эх, в кафешке хорошо, даже уютно, век бы тут просидел, но надо идти на скверную филерскую работу. Сперва возле Аниной школы пошукать на предмет… как там вообще все выглядит. Потом детей пораспросить. Возможно, кто-нибудь из пацанвы и приметил что-нибудь интересное в тот кошмарный день.

— Ну, заходи еще, — сказал хозяин напоследок и сунул в руки пакет со всякой снедью на дорожку.

Надо было б денег у него напрямую попросить, но опять-таки показалось это несовместимым со статусом интеллигентного человека…

Ура, в пакете нашлась-таки зеленая купюра. И среди бизнесменов люди чуткие встречаются, пусть и с такой же частотой, как альбиносы среди папуасов. Хотя, конечно, после девальвации доллара такие бумажки не во всех обменниках берут…

По мере приближения к Аниной школе Шрагин стал выписывать круги, пытаясь определить, каким же путем в тот поганейший день девочка отправилась домой.

Через полчаса Шрагин понял, что если бы Аня пошла домой по-кратчайшей, ее ни за что не украли бы. Проезжая часть отделена от тротуара широкой полосой газона. На тротуаре еще и ларьки стоят с не слишком загруженными продавцами попкорна и всякой ерунды. Здесь очень неудобно красть девочку.

А вон там, перпендикулярно к Приморскому бульвару, идет более подходящая улица, где узкий тротуар вплотную примыкает к мостовой. Подворотни еще какие-то. Только протяни из автомашины злодейскую руку, и добыча уже сидит у тебя в пыльном мешке. Но с какой стати Ане понадобилось бы туда сворачивать?

Сереже прошел вдоль и назад по улочке. Скоро продленке конец. Пожалуй, вряд ли кто из одноклассников Ани захочет с ним разговаривать, все и так напуганы.

А это еще что такое? В водостоке застрял какой-то небольшой предмет, как будто даже комочек, дохлая мышь, что ли. Или нет? Шрагин не страдал брезгливостью, как и большинство жителей коммуналок, поэтому быстро выковырял непонятную вещицу.

Пушистая мягкая игрушка, типа тех, что цепляют к школьным

ранцам. Вдобавок еще и с электронной начинкой. Наверное, это — модный киберсовенок Бубби со съемным микродиском на гигабайт. Только не бормочет, не общается уже ни фига, как минимум батарейка размокла. В любом случае, такую стильную дорогую игрушку ни один ребенок не швырнет просто так в дорожную грязь.

Шрагин подошел к школе и увидел жидкую группку из двух мальчиков и одной девочки возле выхода. Похоже, после похищения Ани даже самые пьющие родители постарались на оставлять своих детей на продленке.

— Эй, хлопче, не знаешь, чья это игрушка? — спросил Шрагин у ближайшего мальчика. — Кто-то из ваших, наверное, уронил.

— Ну-ка, дядя, дай, — голос у мальчика был хриплый, а руки в ссадинах и ямках от чьих-то выбитых зубов.

Да, такого пацана не побоятся оставить ни на продленке, ни даже одного в целом доме.

— Хрен его знает, — мальчик повертел и помял игрушку, пытаясь добиться от нее каких-то звуков. — А, говно, мне бы лазерный пистолет. Есть такие, вроде игрушечные, луч слабый, но добавь линзу, и глаза можно выжечь, — сказал он, возвращая грязный комочек Сереже. Впрочем, игрушка была перехвачена проворной девочкой, быстрой и резкой как хищная птица.

— Да это ж Анькина. Где вы ее взяли? — девочка колючим полицейским взглядом проткнула Сережу. Даже неуютно стало.

— Нашел. Что, нельзя?

— Да ладно, верю, что вы не этот самый киднеппер. Он, наверное, сейчас за нами наблюдает вот с того высотного дома — так, чтобы самому не попадаться на глаза.

— А в каком направлении пошла Аня после продленки?

— Чего-чего?

— Куда она почесала после школы?

— Вот куда-то туда, — мальчик махнул рукой в сторону улочки, где нашлась игрушка.

— Одна?

— Я ей говорила, останься, поиграем с этим твоим Бубби, — сказала девочка, — потом я бы ее довела до дома. Но она сказала, что ей надо в магазин зайти. Кто-то ей поручение дал.

— Какой еще магазин?

— Не знаю. Много тут всяких. Я Бубби себе оставлю, ладно? Может, еще заговорит.

Эта девчонка, в отличие от Ани, видно, не была избалована подарками. Бубби провалился в карман ее широченных штанов, и стало ясно, что она его ни за что не вернет.

— Ладно, бери. — вынужденно согласился Шрагин.

— А, кажется, это был магазин, в котором книжки продают… — мальчик стукнул девочку ранцем, и она побежала за ним, радуясь дармовому Бубби.

Вход в книжный магазин находился метрах в тридцати от того места, где Шрагин нашел Анину игрушку, на той же узкой грязной и малоприятной улочке. Да и магазин давно уже потерял невинность. Сказать, что там «книжки продают», можно было лишь с большой натяжкой. Пушкины с гоголями изрядно потеснились, пропустив вперед нагловатых пришельцев — пестрые коробки с компьютерными дисками и картриджами. Игры-стрелялки, бродилки, гонялки, вонялки, стратегические, фантазийные, ролевые. Ну и, конечно, особо модные в нынешнем сезоне исторические, вроде «Американского воина-освободителя» — где надо добиться максимального участия «джи-ай» во всех событиях мировой истории: победить террориста Ганнибала, разбомбить шумеров, всыпать Наполеону, надрать задницу ассирийцам и освободить от русских Сталинград.

Повсюду высились груды журналов и комиксов на те же темы. На полках густыми рядами стояла всякая периферия: 3D-шлемы, мультимедийные очки, вибротактильные наклейки на кожу и слизистые покровы, в том числе вагинаторы и мастурбаторы, а также ароматизаторы, видеокамеры, рули, педали, дэйта-перчатки и дэйта-комбинезоны, ну и все остальное, что нужно для улета в иной цифровой мир.

Вот именно сюда брат и мог направить Аню. И это выглядело вполне в его духе. «Слушай, Анькин, мне сегодня забирать тебя влом, мы в клубе шикарную игру с аватарами делаем, сам Пашка Мерлин из Москвы притаранился. Дойдешь без меня, не маленькая. Да, кстати, зайди по дороге в книжный, купи мне четвертую версию «Барбареллы», там еще на обложке марсианин с красной звездой на лбу высасывает голую девку. Я те деньги железно отдам».

— Ну чего, шеф, загляделся, брать-то будем? — поинтересовался продавец, маленький сильно напомаженный педик, и ткнул куда-то пальцем: — Тебе, как образованному товарищу, рекомендую вот это. «Они сражались за Родину», об обороне Древнего Египта от ассирийских захватчиков, историко-батальная игра.

Шрагин покачал головой.

— Не хочешь? Значит, ты у нас пролетарий и тебе киберсекс подавай. Вот, хит для малоимущих, известен под названием «Ебена мать».

— Да мне что-нибудь попроще, типа этого, — Сережа показал

пальцем на коробку с Барбареллой.

— Смешной ты. Или избалованный. Тоже мне попроще нашел, это ж, считай, топ сезона. Я большую партию заказал месяц назад, и все расхватали, хотя народ у нас, как говорится пресыщенный. Эта на полке — последняя. Ее, дядька дорогой, даже дети хватали. Если в «Барбареллу» в 3D-шлеме играть, то полное ощущение, что тебя в жопу засовывают, даже тесно становится.

— А девочка лет двенадцати, с рыжеватыми такими кудряшками, тоже покупала эту игру, скажем, пару недель назад?

— Я ж тебе говорю, ее хватали и девочки, и мальчики, и кудрявые, и бритые под ноль. Ну, чего брать будем, ковбой?

Шрагин поспешно вышел из магазина, подальше от трескучего приказчика.

Стоп, а какую игру обсуждал парень Саша со своим приятелем по электронной почте? Именно «Барбареллу». Вот почему она в память запала.

Но Саша и приятель обсуждали «Барбареллу» еще до похищения Ани!

За день, за два, за три дня до того.

Причем именно в топографического стиле. «Куда надо идти Барбарелле после того, как она растворила марсианского полководца в своем квази-влагалище? На вращающиеся гелиевые болота или на мономолекулярную гору? Нет, к жидкокристаллическому пруду с ботающей по фене медузой. Та подарит ей всепрожигающий лазерный сосок».

Нет, тьфу, наваждение. Это не может быть обсуждением похищения, не может! Брат же, брат, хотя и сводный. Разве я свою сестренку сдал бы куда-нибудь, будь она даже стерва?.. А может, и сдал бы, если бы я был такой же противный как она. Только мама, по счастью, не родила мне сестренку. Поэт Кривоходько больше на стихи и пьянку налегал…

Значит, «Барбарелла» у Саши уже имелась. Однако это не исключает, что в день похищения молодой господин Шерман послал свою сводную сестру в книжный магазинчик, скажем, за дэйта-перчатками — с ними игра куда круче.

В растерянности Шрагин прошел еще десять метров за тот самый водосток и заметил небольшой дворик, полуколодец, зажатый тремя домами. Два измученных жизнью дерева, две сильно пострадавшие скамейки, на одной из них старичок. Старичку-то, считай, пол-улицы видно. И, судя по позе, на этой скамейке он не случайно, и не временно, у него с ней симбиоз. Подойти, что ли, пообщаться?

Старичок не дал деру, хотя и притворился слепоглухонемым.

Впрочем, зеленая бумажка с портретом генерала Гранта, которая призывно запорхала в руке у Шрагина, отверзла глаза и уста старого большевика. Черт, это ж здорово, что все старые большевики так же свято верят во всемогущество доллара, как и в нетленность вождя.

— Товарищ полковник, вы тут ничего такого не видели?

Обращение старичку явно понравилось.

— Да я в этом доме с сорок пятого года, чего я только не видел.

— А конкретно две недели назад?

— А мне что две, что сорок две, никакой положительной разницы. Для меня все недели как одна.

Похоже, со стариком пролет. Непрошибаемый боец, специально склепанный для партизанских действий в тылу врага. Пора дальше.

И вдруг старик его окликнул:

— Ты про девочку, что ли?

Шрагин быстрым шагом вернулся назад и вложил старику в кирпичного цвета руку сильно девальвированное зеленое «спасибо».

— Менты про нее тоже спрашивали, но я ничего не сказал. Потому как у меня информация, а она денег стоит; и если я её просто так отдам, то, значит, я — супротив рынка, который нынче всему голова… Запихивали девчонку двое. Так она вырвалась, но за ней еще третий побежал. В темных очках таких. Раз, и слямзили девку.

— А машина какая?

— Машина большая, но не грузовик, фургон, а впереди вроде звездочки такой. Только не наша пятиконечная, и не еврейская, а трехконечная. А сзади были буковки. «Шмарт», «Смант», как-то так.

— Неужели вы с такого расстояния разглядели, в ваши-то годы?

— А у меня это есть для подсматривания. — Старик вынул из кармана старинный бинокль с приклеившимся к нему хлебными крошками. — Трофейный. Карл Цейсс. А что, немцы до сих пор хорошую оптику делают?

— Не самую лучшую, но неплохую.

Со старичком можно было попрощаться. У немцев, помимо оптики, автомобили еще ничего, вроде этого фургона «мерседес-смарт», в котором увезли Аню. Да только где его искать? Машина неплохая, но далеко не самая редкая. Мед нынче дорог, «мерседес» не очень.

А если сходить в налоговую инспекцию, попробовать

разведать, кто такими тачками владеет? Или порасспрашивать работяг на бензоколонках, не попадался ли Мерседес «Смарт» вместе с этим типом в очках. А ведь, точно, у него глаз не в порядке. Это «за бугром» к месту и не к месту дамы и господа надевают темные очки. А у нас в пасмурную погоду это делают только, чтобы скрыть глаз или «незабудки» под глазом.

Итак, частному детективу нужны время и деньги, плюс собственная машина, чтобы отследить то, что можно отследить. Иначе он никуда не успеет, везде получит от ворот-поворот, а то и непосредственно в морду. Или еще раз общнуться с Ритой? Ну, не такая же она дура, чтобы любые протянутые руки помощи на корню отсекать. Ему нужна ее помощь. Прямо смешно даже. Он нуждается в ее помощи, потому что хочет ей помочь.

7

Шрагин долго формулировал и репетировал фразу, прежде чем нажать на кнопку интеркома.

— Я не псих, Рита. Ну, не более псих, чем средний гражданин. И, как мне кажется, я могу помочь. У вас не слишком-то много вариантов, чтобы мной пренебрегать. Почему я хочу помочь? Потому что Андрей когда-то взял меня на работу, когда я был не в форме, и даже не уволил после одной болезни нехорошей. Но сегодня я вполне здоров, я в норме. И мне уже удалось распутать пару ниточек. Пожалуйста, поговорите со мной.

Интерком напряженно гудел, выдавая сражение разных чувств, происходившее сейчас в Рите.

Сражение закончилось победой каких-то надежд.

— Ну, хорошо, сейчас спущусь.

Она встала около дверей парадной со скрещенными руками, с потемневшим лицом. Ему даже показалось, что он как-то святотатственно пытается вторгнуться в чужое горе и порезвиться там. Внутри все сжалось, оцепенело и Шрагин немалым усилием заставил себя рассказать о том, что удалось выяснить за день. Единственное, что он решил опустить, это свои подозрения насчет того, что мальчик-засранчик Саша в закамуфлированной форме обсуждал с кем-то план похищения сестры. На данном этапе общения с Ритой это было бы явным перебором…

— …Немного я накопал, конечно. Но тут уже есть над чем поработать. Этот мерседесовский фургон, человек с поврежденным глазом, подозрительные стегано-шифровки, которые посылала госпожа Каширская, и ее контакты с этим самым Энгельманном, которые вряд ли бы пришлись по вкусу вашему мужу. И мне, само собой, очень неприятно об этом говорить, но неспроста Виктория вовлекла вашего сынулю в свою наркологию. Я никоим образом не пытаюсь замарать Сашу, но он невольно мог стать пешкой в чужой игре. Салажонок же еще. У меня, вон, тоже герой вырос, так мамаша его на меня науськала — хочет теперь мне пару зубов высадить.

Неизвестно было, слушает ли его Рита. А если и слушает, то понимает ли? Или она думает о том, что очередной очернитель пытается вбить клин между ней и сыном, единственным близким человеком, который остался рядом с ней?

Неожиданно Рита вынула из кармана мобильник. Вот черт, сейчас как кликнет милицию. Пропал. Пока она набирала номер, внутренности у Шрагина сползали сверху вниз как помои.

Нет, госпожа Шерман звонила в налоговую инспекцию.

— Записывайте номера владельцев «мерседесов-смарт», — голос ее вдруг стал собранным и почти нормальным по тону. Шрагин прилежно записал четыре номера.

— Только одна из машин числится за физическим лицом. А вот фирма, которую вы назвали, «Международные аптеки», среди владельцев не числится.

— Ну, конечно же, Рита. Они — бандиты, но не дураки. Зачем им на такие дела выезжать в машинах, зарегистрированных на свое имя?

— Если эта машина легальная, то можно еще через дилеров «мерседеса» проверить. Я как раз сейчас это и делаю…

И вдруг послышался ломкий мальчишеский голос:

— Пошел вон, сволочь.

Рядом стоял Саша Шерман с огромной псиной. Юноша продолжил торопливо, звонко и подло:

— Мама, как ты можешь с этим типом разговаривать? Он же пришел с той стороны, со стороны воров и бандитов. Он хочет нас поссорить, теперь, когда из всей нашей семьи остались только мы с тобой.

Женщина сразу как-то обвисла:

— Да нет, сыночек… Все, уходите, Шрагин, мне это совершенно неинтересно.

Это уже ему. В глазах Риты слезы, мука. Похоже, не притворяется.

Саша пихнул Сережу в грудь, прилично, аж зубы лязгнули. Следующий толчок Шрагин попытался отбить. И едва сдержался, чтобы не приложить сынуле в наглую прыщавую ряху.

— Мама, он меня ударил. Это просто преступник, рецидивист.

Собака явно собиралась цапнуть «рецидивиста» за ляжку. Килограмм-то точно откусит.

— Уходите, уходите, мне ничего от вас не нужно! — непритворно завизжала женщина.

— Да, да, непременно. — Шрагин повернулся и пошел максимально быстрым шагом, стараясь не сбиться на постыдный бег.

Он остановился только через квартал.

Этот сраный Саша для нее действительно свет в окошке. Мама Рита не даст сынка в обиду, а он своей истерикой будет давить ее, держать под контролем. Шрагин машинально сунул руки в карманы и пальцы наткнулись на то, чего там раньше не было.

С виду пластиковая карточка, а на самом деле навороченный

мобила, настоящий смартфон, который Рита потихоньку сунула ему в карман. Или он потихоньку выдернул у нее из руки? Все случилось пару минут назад, но из-за перенапряжения он почти не помнил подробностей этой свалки.

Сперва Шрагин вызвал по мобильнику тот самый номер, по которому не успела соединиться Рита из-за своего сраного Сашули. Номер мерседесовского дилера. Ответил спокойный голос с легким иностранным акцентом. И мы не будем суетиться. Сявки этого номера не знают и по нему не звонят.

— Чем могу служить?

Сейчас будешь служить, будешь.

— Моя фамилия Кобаладзе (тот самый мужик, что лично владееет «мерседесом-смарт»). Я тут из длительной загранкомандировки вернулся, а меня, понимаете, сюрприз поджидает — с моего пупсика-«мерса» сняли колеса, фары и даже бампер. Вот я и думаю, кому они могли понадобиться? Ну и конечно, хотел новые у вас заказать.

Небольшая пауза — собеседник искал Кобаладзе в компьютерной базе данных. И нашел. Поэтому разговор продолжился.

— По нашим данным, господин Кобаладзе, на территории России не более десятка украденных «мерседесов» той модели, что у вас. Примерно две недели назад выловили один такой, в Ростове на Дону. Возможно, новый, так сказать, владелец и заказал кражу вашего бампера и прочих дел. Но вы же понимаете, мы не уголовный розыск, хотя и собираем информацию.

— Там кого-нибудь прихватили?

— Простите? — собеседник явно перевел на русский язык немецкое недопонимание «битте».

— Ну, в Ростове кого-нибудь задержали?

— На этой машине как будто семья в отпуск ехала. Девочка, мать, отец и водитель. Семью отпустили в гостиницу переночевать, и с тех пор о ней не слуху, ни духу. А водитель как-то из КПЗ удрал.

— Отец этот не в черных очках был?

— Судя по полученными нами описанию, да…

— У девочки случаем не рыжие кудрявые волосы?

— Да, да, но, простите, откуда вы знаете? — насторожился собеседник.

— Я много чего знаю, работа такая. А что знаете вы? В порядке обмена, так сказать.

— Что женщина была красивой брюнеткой с очень светлыми глазами. — Собеседник спохватился. — Так заказывать будете?

— Да, то есть, чуть-чуть позже. Извините, ко мне тут

делегация.

Делегация. Это, пожалуй, слишком. Надо было сказать, что проситель сквозь приемную прорвался. Черт бы подрал эту «мать» с «отцом». Аня наверняка была накачана транквилизаторами. Вика не брюнетка, но красивая, сменить масть нынче не проблема. А глаза у нее действительно одно загляденье — награждает же Московия своих блядей. Поэтому он не виноват, что Элла шаг за шагом неумолимо маскировалась под Вику.

Но самое главное, что снова возникла личность в темных очках. Не тот ли киднеппер, которого старичок-истребитель зафиксировал? Что ж это за тип? Может, из группировки Князя?

Придется снова Матову звонить.

— А, погибель ты моя, — отозвался капитан милиции. — Нет, не уговаривай, не хочу с тобой разговаривать. Ты в прошлый раз даже без «до свиданья» трубку бросил.

— Всего один маленький совсем невинный вопрос. У кого-нибудь из людей Князя поврежден глаз?

— У тебя странные понятия о невинности. Бьешь не в бровь, а в глаз. Вроде, глаза у всех там на месте. Или нет. Руслан там есть такой, приятель Акулы. Тоже не последний человек. У него, кажется, глаз один вставной, стеклянный… Эй, погоди, во что ты там вляпался? Не пора ли тебе и на парочку моих вопрос ответить?

— Я не вляпался, я накопал.

— Ладно, один хер. Что ты накопал?

— Володя, я не хочу вас подставлять. Насколько мне известно, ваше начальство не склонно, так сказать, «драматизировать ситуацию» с одной похищенной девочкой. Но все-таки, на случай, если мои кости будут найдены в каком-нибудь мусорном баке — в похищении Ани Шерман участвовала банда Князева, по крайней мере в лице этого самого Руслана. Все, конец связи.

Домой он пробрался незадолго до трех ночи, когда соседка уже дрыхла с гарантией. Фрамуга в его комнате была закрыта. Нет, не программой «Спокойной Ночи», которая должна была сработать только в три.

Значит, Зинка все-таки побывала у него. Вот, даже стул как будто не на месте стоит.

У Шрагина, как у любого добропорядочного невротика, каждая вещь была точно прописана в пространстве. Стул был на сто процентов сдвинут.

— Тузик, Тузик, ко мне.

Не загавкал приветливо Тузик, не замигал красными фонариками глаз, даже с места не тронулся.

Шрагин откинул панельку на его загривке и вывел на дисплей тест-информацию. Разрядилась флэш-память у Тузика, вернулся он в исходный непрограммированный вид.

Шрагин походил по комнате, возле компьютерного стола наклонился и провел рукой по полу, затем поднес ее к лицу. На пальце висел волос, чужой, не его.

Единственной симпатичной деталью в Зинаиде были ее волосы, длинные, золотистые — так что со спины она даже могла показаться привлекательной. Этот волос и был длинным, золотистого оттенка.

Шрагин сел на стул, задумался и заснул, уронив голову на компьютерный столик. Проснулся сам, без будильной программы, почти ровно в шесть.

Надо было срочно побриться, одеться и идти на работу. А там уже и выспаться — все равно презентация накрылась.

Зина проснется в семь, сон у нее крепкий, богатырский. Но до этого он уже исчезнет. Так, умыть тело, рыло пусть какое-никакое, но побрить надо, надо… Он неожиданно подумал, что надо одеться так, словно он уже никогда сюда не вернется.

Шрагин надел крепкую куртку с сотней кармашков, как у Шварценеггера, напихал в нее документы, деньги разных стран, не забыл трофейный мобильник, свой карманный компьютер, диски со «взломщиками», «следопытами» и песнями любимых певиц Лидии Руслановой, Махэлии Джексон и Имы Сумак в формате ликвид-аудио.

Под тяжестью куртки Шрагин слегка присел — она весила сейчас не меньше кольчуги русского витязя, какого-нибудь Добрыни Никитича. Но биться ему предстояло не с несчастным Змеем из Красной книги, а с кем-то посерьезнее, поядовитее.

Ну и все, поскорее выметаться, пока Зинка не впилась ему в загривок крупными белыми зубами, которые, надо признаться, у нее тоже ничего.

Шрагин неслышным шагом призрака, с легким позвякиванием деталей пошел к выходной двери и машинально замер около двери в Зинину комнату. Сон у соседки богатырский, то есть с храпом-свистом. За дверью же сейчас царила абсолютная могильная тишь.

Лекарство от храпа, что ли, стала принимать?

На внутреннем экране вдруг возникла Зинаида Васильевна, лежащая с пробитой головой, лицо мокнет в кровавой лужице… А, ладно, чего с ней станется, противные соседи всегда живут долго и счастливо. И, выходя, Шрагин нарочито громко хлопнул дверью — не спать!..

В отделе разработки бухгалтерских программ, его родном

отделе, все выглядело как обычно. Здесь не бросали на него злобных взглядов. В этом тихом отстойнике сидели и занимались своими делами семь женщин предпенсионного возраста, которых банкир Шерман по странной забывчивости еще не уволил, — и для которых Сережа еще являлся каким-то авторитетом. Тетушки были далеки от мира новых технологий, поэтому толку от них было немного, что порой злило Сережу. Но не сегодня. Плюс сидел тут Валентин Полубянский, начальник Валя, кстати, тоже его бывший ученик.

— Напиши заявление на отпуск, за свой вчерашний прогул. У тебя, правда, все отпускные дни израсходованы, но что-нибудь придумаем, — сказал Валентин.

— Как вчерашняя презентация?

— Терпимо, Сережа, даже кое-что из твоего творчества понравилось. Могло быть хуже, но ты свой компьютер позавчера забыл выключить, так что не пришлось пароли полдня подбирать.

— Но я выключил! Честно. У меня бзик на это. Все боюсь как бы пожара не было. Мне ж достаточно сказать: «Сезам, закройся», и он получит команду выключения через звуковой порт.

— Тебе ничего еще насчет ложной памяти у невротиков не говорили? Пожар 1812 года тоже помнишь? Нет? Ну так еще вспомнишь. — Валя повысил тон, пытаясь отыграться за нервотрепку вчерашнего дня.

Ладно, замнем для ясности, может, действительно забыл. И забыл о том, что забыл.

Шрагин уселся на свое рабочее место и посмотрел на экран. Затем заглянул в протокол событий. Вчера Валя тыкал клавиши, щелкал мышью, загружал программы. Но зачем он писал что-то на диск. Или это не Валя? Кто же тогда пачкал вчера диск?

— Слушай, Валя, а… — докончить фразу Сережа не успел, потому что дверь отдела распахнулась, и в комнату, чеканя шаг стройными ногами, вошла блистательная белокурая Вика Каширская в светлом бизнес-костюме вместе с каким-то рослым блондинистым вохровцем в той шикарной форме, которую носят только в штаб-квартире: берет, кобура, кованые высокие ботинки, черный китель. По габаритам настоящий шкаф. Каждый новый миллионер старается набрать к себе в охранное подразделение каких-то чудо-богатырей, словно на него татаро-монголы собираются напасть… И эта парочка арийско-эсэсовского типа направилась к нему. По его душу!

— Вы ко мне? — пролепетал Сережа, съеживаясь под нависшими над ним посетителями.

Ответа пока не последовало.

— Валентин Андреевич, вы, случаем, не звонили вчера в

отдел сетевых разработок, Денису Петровичу Протасову? — обернувшись в сторону Полубянского, хищно промурлыкала Вика.

— Нет, а что? — почему-то покраснев, спросил Валя.

— А то, что ваш подчиненный, Шрагин Сергей Сергеевич, сделал это за вас. Подделав ваш голос, он добыл себе пропуск в отдел сетевых разработок. И это уже должностное преступление. Но если бы дело ограничивалось только этим…

— Сережа не мог! — воскликнула одна из напряженно прислушивавшихся тетушек, в то время как Валя просто побледнел.

— Дама, откуда вы знаете, что может Сережа, вы что с ним, так близко знакомы? И вообще, вашего мнения пока никто не спрашивал, — отрезала Вика жестяным голосом и сладко сказала вохровцу: — Храбрых, начинай шмон.

Шкаф-вохровец пнул Сережу вместе с катящимся стулом, отчего они оказались в другом конце комнаты, после чего стал выбрасывать бумаги из ящиков письменного стола. Шрагин почувствовал движение потной змейки где-то в нижней части спины, потому что у вохровца в руках оказался сидюк, которого в столе вовсе не было, плюс еще какая-то незнакомая дискета.

Да и вообще его ящики невозможно открыть, потому что они на замках, которыми управляет радиопульт, вмонтированный в брелок его ключей…

А Вика тем временем старательно копошилась в его компьютере, который он как будто позавчера выключил, но на самом деле нет.

— Программа взлома защищенных каталогов, шпионящая программа «Х-Сниффер», генератор компьютерных вирусов, графические файлы эротического содержания, если не ошибаюсь — со сценами растления несовершеннолетних, еще всякая непотребщина…

Господи, этого никогда не водилось в его компьютере. Только стопроцентный кретин станет на служебном компьютере писать вирусы и устанавливать всякие «взломщики»… хотя, конечно, дома у него кое-что водится, в том числе и «Х-Сниффер». А «растление малолетних» это вообще не его жанр. Ему всегда нравились зрелые, хорошо сформированные женщины, такие, как… Вика Каширская.

«Хорошо сформированная» женщина сунула в дисковод компьютера один из тех сиди-дисков, который вохровец вытащил из его письменного стола.

— Закрытая информация, касающаяся коммерческой деятельности нашей фирмы… Это можно хорошо загнать на сторону, — прокомментировала Каширская и вставила во

флоппи-дисковод незнакомую дискету.

— Здесь уже не про девочек вообще, а про одну уже конкретную девочку, снимки скрытой камерой на улице…

Вика впервые за все время обыска в упор посмотрела на Шрагина своими хрустальными безжалостными глазами. В глазах хрусталь, в сердце чугун. Черт, обидно за Виртуэллу, надо ей срочно сменить викоподобную внешность. Ведь эта Вика просто красивая и хищная нелюдь.

— Ну, что, Сергей Сергеевич, поедем в ГУВД? Там вам еще карманчики вывернут и даже в попу заглянут. У многих хакеров-шмакеров там накопители данных спрятаны. Может быть, понадобится и обыск на квартирке.

— Сережа, как ты мог? — спросила одна из тетушек. — Ты же такой тихоня, такой инфантильный.

— Казался тихоней, — поправила Вика. — Как и все извращенцы.

— Да не мог я, не мог, — проглотив комок в горле, наконец сказал Шрагин. — Они пришли сожрать меня за то, что я узнал про них.

— Но ты же подделал мой голос, — глухо произнес уже посеревший Валя.

— Да, блин, не всегда приходится жить по правилам из учебника. Твой голос послужил делу правды и справедливости.

— Давай, давай, — вохровец уже подталкивал Шрагина к выходным дверям.

— Сезам, закройся, чтоб тебе пусто было, чтоб ты сгорел, проклятый… Прощайте, люди моего отдела, — первый и последний раз возвысил голос Сережа в родных стенах, а затем еще попытался обернуться в дверях: — Дайте мне кредит доверия. Хотя бы под большие проценты.

— Да кому ты нужен, псих, — вохровец окончательно вытолкал его, и Вика закрыла за ним дверь отдела. Похоже, что навсегда.

Белокурые бестии повели Шрагина по коридору, как настоящего заключенного, конвоируя с двух сторон.

— Ну что, милый мечтатель, небольшое затруднение, да? — сказала вдруг Вика голосом не резким, а пожалуй, даже кокетливым. Неужели это все была шутка? — Храбрых, постой-ка здесь, я с Сергеем Сергеевичем немного наедине пообщаюсь. Может, он уже осознал ошибки.

Они находились в холле третьего этажа. Вохровец занял беспроигрышную позицию возле двери лифта. Вика зажала Шрагина в угол. Как же он ее за газель принимал? Газель-то с клыками.

Последние слова Шрагин вполне случайно произнес вслух.

— Причем с ядовитыми. — подтвердила Каширская. — Но и вы, господин Шрагин, оказались не так просты, как я думала. Кстати, можно нам на ты? Не возражаешь, Сережа?

— Да нет, Вика, — с надеждой отозвался Сергей.

Она зажимала его в угол примерно также, как солдат зажимает пэтэушницу. Эти хрустальные глаза размягчали его, ее отлично вылепленные губы обдавали его тягучим полушепотом, ее атласная кожа, переходящая в ложбинку между грудей, всасывала его взгляд. Ее круглая коленка подталкивала его ногу, отчего по ноге вверх взмывал какой-то сладковатый вихрь.

— Ну, Серенький, скажи, что ты все это сделал ради меня, и я тебя прощу. Эта Виртуэлла на твоем компьютере как-то подозрительно пользуется моей внешностью. Ты нарушил мои авторские права, негодник.

Откуда она знает про Виртуэллу? Ну да, от Зины. Значит, Зина, точно, побывала у него в комнате.

— Откуда я знаю про твою мастурбационную программу? Отсюда, дурачок. — Вика постучала его по лбу. — Излучает сильно.

Может, Вика намекает на то, что кто-то ловил излучение монитора, по которому можно восстановить картинку на экране? Тогда Зина ни при чем. Что же случилось с Зиной? А, опять эта Зинка, не до нее сейчас…

— Ну, я жду. Я хочу простить тебя, несмотря на все эти шалости, я могу простить даже вынюхивание и подглядывание. Тем более, что ты давно этим занимаешься, поднаторел уже. Тебя и с прошлой работы за это поперли. Забыл, что ли, про свои подвиги, вуайерист ты наш? Да, девушка там была еще та. Мясо в мини. Сейчас твой выбор, надо признать, получше, прогресс налицо…

Голос ее еще более съехал вниз, на жарковатый шепот. Не все слова уже разобрать, но обволакивает.

— Ты ведь и меня снимал, шалун. Ты хотел не только украсть у меня личико для своей Виртуэллы, но и более интимные детали.

Что она несет?

— Но все можно уладить, эротоман ты мой. Интересно, чем ты там занимаешься по ночам с этой кибердевкой? Я понимаю, неудачи в личной жизни, серое житие, пресное бытие толкают тебя на поиски необычного… А ведь я могу повторить это, только не перед камерой, а наяву, виртуальный ты мой…

— О чем ты, о чем?

— Ну снять что-нибудь. Буденовку, сапоги, трусики… У меня

хорошо получается, мне есть, что показать народу.

Носок ее туфельки наступил на его ботинок. Голова как-то плохо варила… А вот Викин взгляд охладил его, внимательный, кошачий какой-то, и лишь где-то в глубине взгляда тоска не тоска, а усталости пропасть.

— Мы с тобой можем еще заключить соглашение, Сереженька. Ты возвращаешь все, что надыбал в головной фирме, обещаешь себя вести тихо и благопристойно, мы возвращаем тебя в отдел и говорим, что это было что-то вроде учений. Более того, я в виде Виртуэллы тоже остаюсь у тебя, онанируй сколько хочешь. Но начнем с того, что ты выложишь на подоконник то, что у тебя в карманах. Что твое — твое, что не твое — мы изымаем. И не забудь вернуть смартфон Шерманам — хотя, я понимаю, штука крутая, с массой полезных номеров и волшебным личным номером.

— Жалко ее, в яме сидит, — сказал вдруг Сережа. — Ей отрубили пальчик.

— Виртуэлле? Пару раз ударь по клавишам, и вырастет новый.

— Ане Шерман, а не Виртуэлле.

Замерла как будто Вика. Остановился поток веселого коварства.

— Ты ничего не можешь изменить, ты можешь сделать только хуже, — сказала она изменившимся голосом, — ты ведь никто и звать тебя никак.

— Ты ошибаешься, Вика. Насчет «никто» ты заблуждаешься. У меня прадедушка — адмирал царского флота по фамилии Рождественский. Его большевичка-истеричка Лариса Рейснер расстреляла. У меня бабушка — гречанка, ее предки в Древней Греции жили, они приплыли на берега Понта Евксинского, на Черное Море то есть, две с половиной тысячи лет назад.

Он понял, что лепит чушь и остановился.

— Что у тебя за каша в башке, инок Сергий. — голос ее снова перешел на какую-то истеричную скороговорку. — Бабушка из Древней Греции, Медуза Горгона наверное. Дедушка — царь морской. Меня с товарищ Рейснер путаешь. Я тут ни причем. И Сашка Шерман — тоже. Наследницу украли «друзья» Андрея Арьевича, причем не какие-то зарубежные конкуренты, а свои, отечественные, друзья-враги-олигархи, которые когда-то помогли ему подняться, а сейчас попросили поделиться, продать им какой-нибудь пакетик акций по подходящей цене или предприятие небольшое, но успешное. Андрей не стал и поплатился за свое жмотство. Тебе совершенно нет смысла беспокоиться о девчонке. С богатенькими ничего никогда не случается. Рита уже нашла

посредника, тот договорится о приемлемой сумме, и Анка-миллионерша вернется домой. А вот ты можешь сгореть за свою дурость. Ну, давай же, расслабься, Сережа.

Она провела изящными, но твердыми пальцами по его плечу. Как будто даже искренне.

— Шрагин, ты действительно показал себя крутым парнем. Денис Петрович это вполне осознал. У тебя было несколько лет недоразумений, но сейчас ты можешь выплыть. А можешь и на дно пойти с большими пузырями. Протасов-то должен вот-вот стать генеральным менеджером — все правление за него. Посидим у него в кабинете полчасика, покурлыкаем-покумекаем, и найдем тебе более подходящее место, чем этот курятник у Полубянского.

— Зачем ты ездила с кем-то из людей Князя в Ростов?

— Не будь придурком, — в голосе ее прорезались металлические нотки.

— У этого типа поврежден глаз. — продолжил Шрагин, точно не зная почему. Наверное, если б Вика только кудесила своими женскими чарами, он бы сдался, но она стала приплетать этого мудака Дениса.

— Это бред, я каждый день была на работе, каждый. У тебя вот тоже с глазом паршиво… Или у тебя насчет девочек действительно бзик, и тебе неинтересны нормальные бабы?

Вика еще раз надавила носком туфельки на его ботинок, но Шрагин заметил, что она слегка кивнула головой вохровцу Храбрых, и тот нажал кнопку вызова лифта.

— Мне ее жалко, да, наверное, и тебя жалко было б, если бы ты не несла всю эту херню.

Сценарий в его голове был уже дописан, совсем не тот сценарий, что придумала для него Вика. Психоинтерфейс был срочно дополнен новыми функциями. Сознание просканировало окружающее пространство, на полученных кадрах было видно, что охранник расслабился и подставился. Внутренний подпрограммист запустил поток событий. Сережу выкинуло из точки покоя, как пулю из ствола. Он схватил Вику и швырнул в сторону подбегающего вохровца. Тот не упал, но зашатался и, оказавшийся сбоку Шрагин нанес ему удар под коленки — подсмотренный в каком-то третьесортном фильме. А затем вскочил в подъехавший лифт.

Там нашлась очередная тетушка — из соседнего отдела.

— Мне вниз, — сказала она Шрагину, лихорадочно закрывающему дверь. С той стороны раздался грохот удара, но лифт уже тронулся.

— Мы же поехали наверх, — завозмущалась тетка. —

Молодой человек, что это вы себе позволяете?

— Извините, я очень испугался — по-моему, там молния ударила — ну и перепутал кнопку.

Шрагин нажал на «стоп», когда они находились между седьмым и восьмым этажом. Потом на кнопку первого этажа. Это был рискованный шаг, ведь каждый лифт по-своему коварен. Кабина, неприятно дернувшись, все же поехала вниз.

— Ну, если вы такой застрессованный, то пейте валериану. — посоветовала вконец возмущенная женщина. — Да, обычная валериана предотвратила бы пятьдесят процентов самоубийств и несчастных случаев.

— А остальные пятьдесят что?

— Остальные — мята перечная.

Не прекращать этот дурацкий разговор, чтобы тетка не ударилась в истерику. И продолжать рулить лифтом. Что ждет его на первом этаже? Может, Храбрых не дал себя одурачить и даже не побежал вверх, а все это время караулит добычу внизу. Или вохровец успел резво скатиться вниз и обогнал лифт.

Шрагин снова нажал на кнопку «стоп». Затем кнопку второго этажа. Лифт дернулся и чуть не застрял, вызвав обильное излияние гормонов ужаса. Однако поехал.

— Ну, что вы себе все позволяете? — в сердцах выкрикнула тетушка.

— Простите меня сегодня. Плохой день.

— Да-да, я читала, что у мужчин тоже есть что-то вроде месячных.

Шрагин выскочил из лифта и понесся по коридору. Вот туалет, пардон, это дамский, нет, лучше тот, что напротив. Здесь нет женщин, но ставни заколочены. В коридоре уже слышен топот. Так, встать на толчок и врезать ботинком. Черт, провалился в говно.

Вечно они не смывают, подлецы. Ну как с такими засранцами в Европу? Еще раз — и стекло вылетело. Вдоль рамы сплошные осколки — настоящая акулья пасть получилась, «Челюсти-4». Впрочем, сегодня — праздник, поскольку есть туалетная бумага. Вот так, выдавить осколки по краям и вперед.

Второй этаж оказался страшно высоким, но ведь люди же прыгали и с третьего, да еще в седло, да еще как будто сохраняли при этом функциональность яиц. И Шрагин, закрыв глаза, прыгнул.

При приземлении что-то хрустнуло. Он помолился, чтобы это был не мобильник. Нет, что-то хрустнуло в пояснице. И как он убедился за какой-то десяток шагов, это хуже, чем разбитый вдребезги смартфон. Господи, что же дальше? Саша Шерман—

просто падло, он тут же заложил его Вике. Эта шайка такого натворила, что никогда не выпустит его из своих когтей. Сейчас был Храбрых, а через полчаса добавятся купленные менты, а потом в охоту включатся ребята Князя. Зря он сказал Вике, что вычислил там этого одноглазого… Да еще дома сидит наводчица Зинька. Нет, домой нельзя. На работу тоже нельзя.

Но куда можно, куда? Куда можно бежать, да еще со скоростью полметра в час?

Он вынул из кармана мобильник и стал просматривать список телефонных номеров. Вот это вот подходит. Некая такси-фирма «НЛО» — не для всяких людей, а для лучших.

Такси непростой марки «Ситроен» с легким шипением шин появилось через три минуты. Без каких либо внешних признаков такси, но счетчик внутри имелся, и телеэкран, и стереосистема.

— Куда поедем? — ненавязчиво поинтересовался водила.

— Давайте-ка прямо по Наличной улице. Остальное додумаем по дороге.

Шрагин опять заглянул в «записную книжку» мобильника. Турфирма «Ковер-самолет». Та или та? В телефонном аппарате госпожи Шерман случайных номеров не должно быть. Сережа нажал на кнопку соединения.

— Спасибо, что обратились в «Ковер-самолет». Чем могу служить? — спросил идеально подстриженный клерк с крохотного дисплея.

— Я хотел бы в Германию слетать, в край, где течет рейнское и мозельское.

— А, Рейнланд. Одобряю, — пошутил клерк. — И когда? В смысле, сегодня или позже?

— Давайте сегодня.

— Визу?

— На пару неделек, не будем мельтешить.

— Загранпаспорт оформлять надо?

— Да не помешало бы.

— У нас хороший канал в МВД, так что до обеденного перерыва успеем. Ну, что еще осталось… Ваши данные. Фоточку пошлите мне сейчас, достаточно камеры вашего мобильника.

Главное не паниковать. Нагло имитировать крутизну и вседозволенность, стащить галстук с шофера и повязать его себе, широкой улыбкой скрыть помятость лица, взять как фон шикарный ситроенский салон…

Собеседник, ознакомившись с физиономией и фамилией беглеца, решил уточнить:

— Вы работаете в российском филиале «Герлинга»?

— Нет, в «Шерман-Слободе», — с сильным стеснением в

горле отозвался псевдоклиент, — здесь акции быстрее растут, ха-ха.

Ответ оказался правильным и больше не вызвал вопросов.

— «Шерман-Слобода» — тоже неплохо. После обеда мы посадим вас на самолет. К сожалению, сегодня нет рейса на аэропорт Кельн-Бонн. Дюссельдорфский рейс забит под самое «некуда». Значит, остаются Берлин-Шонефельд и Гамбург. Но Гамбург несколько дороже, поэтому отпадает. Мы бережем денежки своих клиентов. Секундочку, один пассажир отказался от Дюссельдорфа… Нина, не забудь с него неустоечку взять… Пардон, вы как расплачиваться будете: наличными или кредитной карточкой?

— Конечно, кредитной, «Мастеркард». — Сережа почувствовал, что входит в роль. — Кто ж сейчас наличными платит, только деревня.

— Тогда после сигнала произведите аутентификацию.

Собеседник «пикнул», и Шрагин быстро вспотевшими пальцами послал ПИН и номер карты.

Раз, два, три, дышать только носом…

Кураж таял как туман под лучами солнца, каждая секунда ожидания как будто процарапывалась у него где-то в желудке.

И тут, наконец:

— Аутентификация завершена. Заказ принят.

Глава 2. «Глаз за глаз»

1

Чужая кредитка действовала безотказно, как волшебная палочка старика Ибн-Хоттаба.

Какое же это воровство, уговаривал себя Шрагин. Трудовой договор с госпожой Шерман подписать он, правда, не успел, но по всем признакам работает на нее, скажем так, как частный детектив. Соответственно, и текущие расходы клиент обязан оплатить.

В агенство «Ковер-самолет» лично являться не требовалось, ведь в мире уважаемых персон достигнут определенный уровень доверия, позволяющий быстрее проворачивать дела. Билет физически ждал Шрагина в аэропорту вместе со свеженьким загранпаспортом, в котором сияла новенькая шенгенская виза.

Несмотря на достигнутые успехи, сам Шрагин сильно сдал, возможно даже постарел, потому что сильно боялся ареста или разбойного нападения и по дороге в аэропорт, и в зале ожидания.

При этом каждый прохожий или проезжий в надвинутой на нос кепке или в малиновом пиджаке казался переодетым ментом или непереодетым бандитом из аптечной группировки.

В итоге не осталось даже намека на личное мужество и присутствие духа. Только тоскливое ожидание конца, физическое ощущение времени как конфеты-тянучки и томление в собственном поту.

Когда за него взялась таможня, сердцебиение, вопреки ожиданиям, не увеличилось, а наоборот упало до сорока ударов в минуту, что соответствует пресловутому «предсмертному» пульсу.

Таможенник дознавался насчет дисков, рассованных по его карманам — не вывозите ли вы, милейший, народное достояние, информацию. При всем своем трупном окоченении Шрагин догадался подарить дознавателю сидюк с пиратской версией «Кибер-триппера» — после чего вопросы насчет народного достояния сразу иссякли.

Однако сразу появились другие волнительные темы: почему самолет так недопустимо медленно катится по взлетной полосе и зачем ему так преступно долго отрываться от грешной земли, ведь по ней стаями бегают разномастные хищники, мечтающие запустить остро наточенные клыки в хилый загривок Шрагина.

Но вот воздушное пространство наконец раскрыло ему свои аэрофлотовские объятия, и пошли стюардессы с вином в разлив, и, вопреки забортной стуже, стало теплее. Теперь можно было беспрепятственно развлекаться, есть, пить и спать в уютном бизнес-классе нового российского аэробуса. Можем же сделать,

если вдруг захотим. Преисполненный гордости за серебристые крылья и пузатый фюзеляж отечественных самолетов, Сережа прилип носом к стеклу иллюминатора.

И вдруг понял: опять что-то не то. Он засек что-то краем зрения, пока смотрел на атмосферу, невнятное, но сильно действующее как двадцать пятый кадр. Нет, соседи рядышком не внушали опасений. Шеренга мормонов с мирными тупыми одинаковыми лицами. Сто лет прошло с тех пор, как они трахали все, что движется по территории штата Юта, а сейчас успокоились и мысли, и члены. Сытость, ухоженность и, как следствие, моральное совершенство.

Сзади кто-то рыгнул. Ну, не совсем сзади, а рядов за пять от него. Шрагин инстинктивно обернулся и увидел человека, который поднялся со своего кресла, чтобы направиться на корму, в сторону туалета. Человек был обращен к Шрагину лицом едва ли секунду, а затем повернулся затылком. Но и за секунду лицо этого типа успело Шрагину не понравиться. И хотя тип носил очки, на стандартного вызывающего приязнь очкарика похож он не был. Может, потому что одно стекло было затемненным.

Ручеек опять заскользил где-то в кишечнике, и, чтобы отвлечься, Шрагин вынул из кармана смартфон.

Прошли те времена, когда в самолете мобильник был просто куском железа, теперь через специальный сотовый узел и стационарный спутник общайся с мировой паутиной сколько влезет, не боясь сбить навигационные системы с пути истинного. Шрагин выловил из Сети пару клипов эротического содержания и куда более скромную информацию по благотворительному фонду «Исцеление без границ». Много слюней, среди которых едва нашлись координаты. Дюссельдорф, Граф-Адольф-Штрассе 25, две остановки на трамвае от центрального вокзала в сторону Ландтага.

Адрес есть и повод прийти в гости тоже нашелся. «Целители» эти оказывают «помощь» непосредственно на месте. Иностранцы, страдающие нервными и психическими заболеваниями: вегето-сосудистая дистонией, маниакально-депрессивным психозом, фобиями, навязчивыми состояниями и тому подобным, приглашаются на испытания новых лекарственных препаратов. Возможно, это благотворительность по высшему уровню. А возможно, новые лекарства лишь ненадолго снимают симптомы, а все побочные эффекты благодарные иностранцы увезут домой. Не забыт и еще один притягательный момент — участники испытаний получат бесплатную медицинскую страховку на месяц пребывания в Германии.

Шрагин хотел было снова переключиться на клипы, но тут

какой-то вирусный линк соединил его с сервером политических пиратов, именующих себя «контр-глобализаторами».

Контент[9] шел в формате потокового радио, и вначале Сережа просто сопоставлял английский этой самой «контры» с тем английским, на котором написаны книжки по программированию.

Но потом звук пропал, потому что пилот люфтваффе обнаружил цеппелин вместе с сервером, висящий в сером небе где-то над Балтийским морем, и уничтожил метким ракетным залпом. Так по крайней мере сообщила «контра», продолжая кидать пакеты с текстовой информацией, только уже с какой-то джонки в Китайском море.

«Контра» вещала о том, что за какие-то пять последних лет в Западной Европе образовалось несколько очагов беловоротничковой преступности, о которых не заикается никакой Интерпол.

Дисциплинированные и исполнительные менеджеры из европейских финансовых институтов соединили свои усилия с шейхами, эмирами и полевыми командирами Кавказа и Передней Азии. Какое-то время в это дело пытались встрять российские авторитеты, но им, как ни смешно, не хватило респектабельности, чтобы занять важные позиции, а на меньшее они не были согласны. Так что снова победили «старики». Швейцарские банковские гномы, лихтенштейнские и люксембургские финансовые тролли, британские и голландские денежные гоблины. Как и всегда, гномы в полном ладу с законом, на своей территории они сами устанавливают правила, за ее пределами — орудуют в зазорах между национальными законодательствами, умело прикрываясь подставными фигурами и переводя стрелки на других.

Бледные пальцы гномов умеют творить разные чудеса: превращать чужие ресурсы в свои деньги, грязные доходы в чистые, нелегальный вывоз капитала в легальные счета, вырванные из людей потроха в законные международные банки человеческих органов, бесполезные и сомнительные лекарства в жизненно необходимые. Одним движением пальцы гномов сманивают интеллектуалов, чьи мозги будут работать теперь на них, а не на какой-нибудь «продажный-коррумпированный режим». Волшебные пальцы гномов ткут информационную паутину, в которой запутываются и погибают «коррупционеры» вместе с «душителями свободы», то есть конкуренты.

На своей территории гномы, как встарь, блюдут благообразие. Никаких заморенных заложников и забетонированных должников. Но достаточно отъехать к югу, и по

слову гнома тебя найдет кассетная пуля, ракета с интеллектуальной головкой самонаведения или игла с микропомпой, прыскающей ядом.

Это просто писк моды — ядовитая мономолекулярная игла, засаженная в глаз или затылок, срок действия как миллисекунды, так и целые месяцы. В конце концов жертва сама кончает жизнь самоубийством, и никто ни в чем не виноват…

Мормон машинально поскреб аккуратно подстриженный затылок, и Сережа ощутил некий кишечный позыв — имелась у него такая смешная детская реакция на внешние раздражители.

Но если гномы творят безнаказанно такие дела, то, значит, это кому-нибудь нужно? Да, это нужно всему западному миру — стареющему, глупеющему, болеющему и плохо размножающемуся.

Гномы должны обеспечить западный мир здоровьем и долгой жизнью: в виде органов, тканей, клеточных препаратов и прочей органики человеческого происхождения.

И дело вовсе не в сокращении штата работников, нынче ведь вкалывают машины, программы или нищая публика где-нибудь там, на Хуанхэ. Дело в уменьшении количества и качества потребителей, в том, что они хуже и меньше потребляют. Ветхому старичку не требуется Армани и Версачи, ему нужна туалетная бумага. Больной не станет рвать жилы, чтобы купить стереотелевизор во всю стену или автоматическую повариху — ему надо экономить глаза и просто меньше есть…

В городках, где остались одни пенсионеры и инвалиды, закрываются огромные супермаркеты, кегельбаны и бассейны. Рушится великолепно отлаженная система перепотребления. Сыплется вся мировая экономика, работающая на фиктивные потребности и ненужные нужды.

Гномам нужен потребитель, массовый, здоровый, прожорливый, жадный, поэтому они готовы закачивать в него здоровье и жизнь, а если конкретно — органику человеческого происхождения. И доставать органику гномы будут там, где ее в избытке, где нестабильность, репрессии или разбой.

Кое-где на Кавказе или, скажем, в Судане основной целью набегов для воинственных эмиров и шейхов уже стало снабжение Европы свежей человечиной.

Кое-кто из вождей уже перешел от простого воровства людей к разведению человеческих стад для тех же нужд.

Набеги с последующим потрошением где-то Там — это очень полезная вещь. Потому что человек, вернее, его члены и органы становятся доступным товаром даже для потребителей из среднего класса.

Наверное, это можно расценивать как Ренессанс людоедства в Европе. Одни люди потребляют других не при помощи традиционного пищеварения, а с помощью модерновой трансплантации.

И почему, кстати, пресса молчит о том, что супруга одного из лидеров западного мира на самом — то деле является мужчиной, которому пересадили гениталии, вырезанные из суданской девушки?

Тут джонку с сервером кто-то опять угостил ракетой, и «контре» пришлось окончательно утонуть. Напоследок она кинула анимацию с «умирающим лебедем». Гномы-вивисекторы оттяпали лебедю оба крыла и пришили их какому-то неприятному господину кощейского вида…

Весь треп «контры» насчет органики показался Шрагину неубедительным, так же как и «обмужчинивание» первой леди.

Начальство правильно этот сервер утопило.

Но некоторая неуверенность в нижней части тела по-прежнему чувствовалась. Шрагин встал, выбрал направление — на корму — и вдруг заметил того типа в очках с одним затемненным стеклом, который дефилировал теперь навстречу.

Как пить дать, не чужая морда, не из итальянской мафии, японской якудза или китайских триад, а из нашей родной братвы.

В глубинах черепа сработала поисковая система: киднеппер в темных очках, которого видел старик, якобы-отец семейства, которого зафиксировали в Ростове вместе с угнанным «Мерседесом», одноглазый Руслан из аптечной мафии, который является правой рукой Князя. А если все эти трое — одно лицо, которое и движется сейчас навстречу в салоне аэробуса?

Сверкнула и другая пронзительная мысль: а если эти трое — три ипостаси одного вечного изначального вселенского зла, которое много долговечнее любого добра, потому что добро всегда относительно, а зло ускоряет прогресс.

А еще ощутил Шрагин отчетливо, что этот тип порвет любого интеля как газету, и никакое психопрограммирование не поможет …

Из-за этой догадки Шрагин отшатнулся назад, чуть не завалив хрупкую стюардессу чулками вверх. Но, кажется, «Руслан» (так была обозначена темная личность) его не заметил.

Шрагин вернулся на свое место, решив как-нибудь дотянуть до земли…

Как будто дотянул. На посадочном трапе, когда он уже смаковал избавление от неприятного соседства, прямо за ним послышался голос:

— Я твою физиономию сразу заприметил.

Мафиози!

Все внутри сжалось и выдавило холодный пот, по спине словно терка прошлась. Шрагин, мужественно стараясь не обращать на преследователя никакого внимания, вступил на движущуюся дорожку, но тот по-прежнему дышал в затылок. Чтобы определить свойства этой личности, достаточно было голоса. Голос был неприятным, не интеллигентным, блатным.

— Ну, не европейская у тебя афиша, как ты ни старайся. А как ты бегал по самолету, разыскивая сортир? Чуть стюардессу не затоптал, носорог.

Все провалено, сейчас его будут убивать. Даже без иглы. Звать полицию? Как-то неудобно. Вроде, едут мирно два человека, общаются на родном языке.

— Слушай, земеля, сейчас мы будем погранцовый контроль проходить, — сказал неприятный тип, противно двигая ртом и сдавливая звуки до полной гнусности. — Они тут крысятники известные, не только в ксиву заглянут, но и по авоськам пройдутся. Возьми у меня бутылку и блок сигарет. Только не забудь потом отдать.

Конец. В бутылках героин, в сигаретах анаша.

— Да че ты волнуешься, кореш? Рыло воротишь, даже посерел. Не бзди, так все делают. Ты ж, похоже, пустой едешь.

Этот тип знает все, что у него есть и чего нет.

«Земляк», не особенно спрашивая согласия, стал засовывать Шрагину в рюкзак бутылку и сигареты. Отпираться было поздно — они уже были в зоне досягаемости глаз пограничного контроля. Если точнее, представителей BGS[10] и таможни…

Как ни странно, таможенница обратила ноль внимания на бутылку и сигареты, засунутые в рюкзак Шрагина мафиозным типом, а вот один из компьютерных дисков изъяла — по обвинению в пиратском происхождения.

Хотя таможенница дала отмашку «вперед»? Шрагин еще сильно, по-птичьи, вывернул голову и заглянул в раскрытый паспорт преследователя, который сейчас лежал в руках у немецкого пограничника. Руслан Тугаев! Все сходится. Сто процентов, что это Руслан из Князевской, то есть «аптечной» группировки.

Или не так уж все и срослось. Руслан из князевской группировки — наверняка, бандюга, каких мало, и внешность у него должна быть соответствующая. Мышцы навороченные, буграми, стриженая башка, мурло страшное, лоб сплюснутый. И по идее, кавказская должна быть у него внешность. А этот тип смахивает на самого Сережу. Если точнее, этот противный тип похож на Шрагина… ну, прямо как родной брат. Комплекция

средняя, такая же яйцевидная форма головы и лоб ни на миллиметре ниже. И по росту близок, разве что на пару сантиметров пониже. Если в профиль посмотреть, тоже сходство заметно. Где этому типу нос сломали — неизвестно, а Сереже одна девушка после танцев, потому что на ногу наступил. И, вообще, мало ли Русланов на свете? Да и по блатному сейчас все изъясняются, даже девицы милой наружности.

— Ну вот, а ты боялась, — господин Тугаев, благополучно преодолевший контроль, протянул хапкие руки к своему добру, — даже юбка не порвалась.

Пусть он и яйцеголовый, а левый глаз, тот, что виден через стекло, у него бандитский. Смотрит не на тебя, а на обстановку в целом. А что с правым?

Все-таки надо рискнуть и как-то выяснить, что же скрывается за темным стеклом у этого типа. Но как?

Вот так, показала Элла, вот так ты это проверишь.

Шрагин дернулся, словно желая помочь господину Тугаеву порыться в своем собственном рюкзаке, и ему удалось зацепить очки мизинцем. Те спрыгнули с носа «земляка», который хоть и успел подхватить их, но уже возле пола, так что Шрагин успел заметить — правый глаз у Тугаева был вставным!

Все-таки это Руслан из «аптечной» мафии.

— Ну, что ты за балбес такой? — вознегодовал браток от невозможности без промедления дать в рыло. Но потом заторопился к эскалатору.

Шрагину страшно не хотелось, но подпрограммист направил его следом за Тугаевым.

— Послушайте, товарищ, кроме вас некого спросить, какая тут гостиница самая дешевая, только чтоб без клопов?

Однако браток уже потерял к Шрагину всякий интерес. Лишь разок обернулся:

— Там у центрального входа стоит компьютер, нафаршированный этим делом. Тычешь пальцем в клавиши, выбираешь, что нужно, соединяешься и сразу бронируешь номер. Клопов и вшей можешь только с собой привезти. Теперь отстань, липкий, а не то помогу упасть.

Мафиози махнул рукой, и к нему тут же подкатило такси.

Диалог с таксистом был коротким. Но Шрагин явно разобрал слово «Рэдисон». Браток поехал в отель «Рэдисон». И, судя по всему, чувствовал он себя тут уверенно, значит, бывал уже не раз в денежном сердце страны Германия — городе, который комично именуется деревней — в Дюссельдорфе.

Шрагин, не медля, отправился навести справки у того самого компьютера, что силен по части отелей… Есть в Дюссельдорфе

«Рэдисон», причем отель-то не дешевый.

Шрагин отважно попытался с помощью смартфона забронировать номер в этом самом «Рэдисоне» — накось-выкуси, номер кредитки был уже аннулирован. Жить в западном потребительском рае предстояло скудно — на свои собственные активы, накопленные непосильным и бессмысленным трудом.

Пришлось Шрагину, в отличие от того типа, ехать в город на электричке. Жлобина Тугаев даже не проинформировал, что проезд до города бесплатный — авиакомпания угощает. Поэтому Шрагин просто ехал зайцем. Вот и достали его в электричке два чудака, по виду пидоры форменные. Серьги в ушах, накрашенные, напомаженные, у одного даже сиськи есть. И улыбаются как-то неприлично. Не сразу Шрагин осознал, что это контроллеры, которые хотят оштрафовать его за проезд без билета на сумму равную его месячному окладу. Сдаться этим пиндылам? Или столкнуть их лбами так, чтобы мозги зеленые брызнули? Наверное, с этого начинать визит в Европу не стоит… Или стоит? Ну не платить же такие сумасшедшие деньги. По счастью, эти трансвеститы и транссексуалы сами заметили у него в дрожащей от психоза руке авиабилет и тихо-мирно отвалили.

Город Дюссельдорф вдруг возник из мокрого тумана — и на мгновение показался собранием пустых остовов — ни людей, ни вывесок, ни стекол. Жуткий город Будущего, из которого вытекла вся жизнь.

Но тут из какого-то окна выглянула разукрашенная под Нефертити блядь — ага, это привокзальный дом терпимости — и все сразу встало на свои места, все забегало и заблестело…

А от железнодорожного вокзала до того места, где закрепились исцелители без границ — действительно две трамвайных остановки. Надо быть совсем больным, чтобы на трамвае туда ехать и платить за это, можно сказать, половину своего дневного оклада. Особенно после того, как отдал другую половину за автоматическую камеру хранения на вокзале. Дудки — на трамвае он уже на Родине наездился. Да и трамвай здесь не супер — сразу видно, что немчуки денег на ветер не бросают. Никаких там двухэтажных отелей на колесах. Старые скрипучие, внутри сидят примерно такие же скрипучие пенсионеры с добавлением молодых клерков дальневосточной национальности.

Дом на Граф-Адольф-Штрассе выглядел вполне обычно, не слишком даже презентабельно, хотя на одной из стен буйствовала жидкокристаллическая реклама с некрофильским уклоном:

«Захоронения в море, воздухе, космосе и даже на Луне. А вот цены — отнюдь не космические!»

«Веселая эвтаназия — возможно это именно то, в чем ты

нуждаешься. У нас ты даже не заметишь, как окажешься в лучшем мире. И всего за пять тысяч евро. Посетите наш эвтаназионный центр на райском острове Таити».

Подъезд был заперт, как и все остальные подъезды города Дюссельдорфа. Зато имелся набор маленьких никелированных кнопочек, на одной из которых нашлось название фонда. Хоть в этом нет обмана. Сережа нажал кнопку, и в ответ послышался голос, который что-то спросил на немецком. Робот, что ли, Машинный какой-то звук. И непонятно ничего, хотя Шрагин когда-то целый год проторчал в Германии, никто его не выгонял, сам уехал, шеф отдела на Сименсе даже не хотел отпускать. Как-то же изъяснялся тогда…

Робот снова задал вопрос, но уже на английском. На этот раз Сережа понял еще меньше. В третий раз робот опять перешел на немецкий. Только теперь Шрагин разобрал слова. Его спрашивали, куда собственно он лезет. Ну, надо отвечать. Шок от столкновения с забытым языком еще не прошел. Шрагин что-то уже понимал (пассивный запас), но сказать (активный запас) еще не мог.

— Ich bin… это… больной, то есть krank auch. Nervenkrankheit. So viel ich verstehe, suchen Sie nach Kranken[11].

Робот подумал и с легким жужжанием открыл дверь. Когда Шрагин входил, то ощутил даже, что его заглатывают. Зато подъезд чистый, белый, уютный, с позолоченными плафонами. С пепельницами на высоких ножках. Нигде не нассано, не наплевано. Цивилизация. Не должны тут обитать злодеи.

А на втором этаже нашлась дверь с тем же названием, что и на кнопке у входа. На этот раз обошлось без разборок, дверь плавно, без принуждения, распахнулась и впустила его.

За ней открылся офис. У благотворителей и обстановка оказалась навороченной, одни лазерные скульптуры чего стоят, и метраж немаленький. За невысокой стойкой сидел тот самый робот. Если точнее, секретарша. Нет, не наша секретарша, не тетка с вязаньем и старорежимной пишущей машинкой, и не вчерашняя блядь, пытающаяся попасть в клавишу офисного компьютера густо накрашенным ногтем. Нет, это была чисто немецкая секретарша, с нарисованными бровями, ловкая, собранная и хорошо выдрессированная.

— Извините, — сказала она медленно и максимально внятно, — я не сразу поняла, что вы русский… Значит, господин…

— Шрагин.

— Значит, господин Шрагин, вы хотите участвовать в испытаниях?

Шрагин поспешно закивал головой.

— Но вы должны учесть, что в испытаниях наших лекарственных препаратов могут участвовать только больные люди. По-настоящему больные. Вы можете чем-то подтвердить свое заболевание?

Сережа еще более поспешно закивал головой и протянул выписку из истории болезни.

— Хорошо, сейчас я сниму с нее копию и верну вам, — сказала секретарша, затем внушительно подняла одну нарисованную бровь. — Но вас еще должен осмотреть наш специалист и дать окончательное заключение, которое может сильно отличаться от записи в вашей медицинской карте.

Шрагин хотел, было, опять кивнуть, но вовремя остановился.

— Заполните, пожалуйста, анкету. Воду, кофе, господин Шрагин?

Она вручила ему анкету на немецком, длинную как бычий цепень. Плюс пояснения еще на десяти страницах, составленные якобы на русском языке компьютерной программой. «Если на наши вопросы ваши ответы будут правильно отвечены нет, санкционированы мы правом вас денежно наказать да». Безбровая даже кофе налила. Но почувствовалось, что это внимание — не просто так, не за ваши мутные глаза. Анкета непростой оказалась, хотя с виду бумага бумагой, или, может, это ручка была с секретом. Вы вписываете свои данные, и они тут же появляются на экране секретаршиного компьютера.

После заполнения этой самой smart-paper пришлось ждать доктора. Два часа ожидания и пять минут осмотра. Для профи этого достаточно. К тому ж профи показывает, что его время, в отличие от вашего, дорого. Но чтобы вы не почувствовали себя совсем никчемным и не обозлились, профи пожимает вам руку. Обозленный товар — подпорченный товар. Всио будет карашо, товарьиш.

— Ваша кандидатура одобрена, это означает также, что вы получите от нас медицинскую страховку сроком на месяц, — сказала секретарша через три часа и немножко подождала изъявлений радости. Женщина-робот была явно уверена, что ее фонд способен осчастливить даже подопытную крысу. — Сейчас, господин Шрагин, вас проводят на клиническое отделение.

От осознания чего-то нового и, возможно, страшного он ощутил позыв, тот самый, нереализованный еще в самолете. А что в этом неестественного после трех часов-то ожидания?

— Извините, где тут у вас…

— Вот там, налево, с надписью «Herren». Не перепутайте.

Ладно, позыв оставим на потом, главное запереться. Есть

мнение, что на клиническом отделении его переоденут и заставят сдать вещи. Сим-дискету со «взломщиками» и «следопытами» прилепить к ноге, заодно коробочку с одним неплохим фармацевтическим средством, которое уже не раз было испытано на себе. Да, кстати, не забыть спустить воду…

Какая-то немка цвета гренка (на Карибик не было потеряно ни минуты) и в розовом комбинезоне (где вы, наши медсестринские халаты, такие домашние, такие нескромные) препроводила его в переодевалку. Там он сдал в камеру хранения все личное, если не считать того, что прилепил к ноге, и надел белую испытательную униформу.

Потом был легкий завтрак за счет хозяев — угощал автомат, набитый всякой всячиной. Сок налила тоже машина.

И, наконец, на койку.

В этом «вольере» содержались и другие испытуемые, но их скрывали ширмочки.

А в одном из углов палаты сидел зоркий наблюдатель — медработник с компьютером и чашкой кофе. Как и многие жители современного Запада, он был непонятного пола и странной, почти неестественной наружности.

На пластиковом блюдечке протянула немка набор таблеток для герра Шрагина. Плюс стакан — немедленно запить. И смотрит в упор, не моргая, по старому гестаповскому обычаю. Одну из этих таблеток Шрагин узнал — фирменный штампик валиума, транквилизатора. Значит, ему почему-то предписано угомониться.

Кинул таблетки в рот, запил. Только тогда немка отвалила. Сейчас его сильно успокоит. Но надо ли ему это? Испробуем старый «туалетный» трюк. Шрагин зажал в кулаке свою собственную таблетку, вынутую из тайника на ноге, встал с койки и порулил к наблюдателю.

— Entschuldigen Sie mir bitte, aber ich moechte auf die Toilette gehen[12].

Наблюдатель привстал, как будто потянул руку к своему мобильнику, но потом передумал, туалет так туалет, и стал объяснять маршрут бесполым голосом среднего рода … geradeaus… und nach links… Доходчиво объяснял, неторопливо, даже отвернулся от стола. Поэтому и получил в свой кофе слабительное средство.

Так, правдами и неправдами, Шрагин снова оказался в туалете, чистом и уютном, как все немецкие санузлы, вне зависимости от их ведомственной принадлежности. В таком сортире не грешно встать на колени перед идеально белым толчком, склонить свою буйную голову, заглянуть в чашу унитаза

поглубже… и-и-и!.. Готово.

Когда Шрагин вернулся в палату, то наблюдатель уже отчалил. В какой-то «кабинет задумчивости», предназначенный именно для персонала. Ура, война таблеток выиграна нами. А его компьютер остался на месте, так же, как и глубоко отключившиеся подопытные. Сколько времени в запасе, неизвестно, понадеемся, что минут семь — если даже это немецкое существо среднего рода сделано из железобетона. А вообще-то среднестатический российский гражданин будет от данного снадобья безостановочно выдавать конечную продукцию минимум вдвое дольше.

Так, загружаем программного «следопыта». Вперед, родимый, только не споткнись. Маленький «следопыт» быстро устраивается в памяти машины, маскируясь под стандартный «эксплорер»[13], за секунду обшаривает всю файловую систему, затем прочесывает весь веер доступных сетевых соединений. Теперь совершаем глубокий нырок по протоколу IPX на другую машину. Там нащупан еще один сетевой выход, и снова прыг-скок. И вот уже «следопыт» на сервере компании «Фармаланд». Кажется, встречалось уже это имя. Ну да, тот самый великий и ужасный конкурент «Шерман-Слободы».

Сервер, похожий на мрачный немецкий замок, не собирается опускать перед русским киберказаком свой мостик и тем более поднимать решетчатые ворота. Но виртуальный Сережа с ловкостью горгульи прыгает прямо на стену и проникает в бойницу, или точнее, в порт 186. А затем, стараясь не отстать от «следопыта», бежит по кривым и узким улочкам замка, среди высоких башен, сложенных из программного кода, и пузатых амбаров, набитых данными.

Первые сведения. Фонд «Исцелители без чего-то там» является просто филиалом «Фармаланда». И Энгельманн — один из фармаландовских директоров. Вика, секретарша Андрея Шермана, обращалась за исцелением не просто к эсэсовскому отродью, а к главному конкуренту своего любимого шефа на международном рынке.

Залежи немецкого всплывали медленно. Кусочек валиума успел, видимо, раствориться в крови и сейчас мешал, зараза.

Виртуальный Сережа со своим ручным «следопытом» набрел на огромную базу данных, похожую на цитадель замка. Вход оказался легким, но затем киберковбой оказался в какой-то жужжащей Тьме.

Как прояснить ее? Как составить запрос?

Жужжащая тьма уже вошла в его мозг и теперь была похожа на рой тяжелых медоносных пчел. Лишь бы тот не слипся в

непрошибаемый комок непонятных сведений.

Элла, Элла, прости меня дурака, ты у меня одна.

Она пришла и коснулась его головы, рой сведений стал ленивым, быстро пропал страх и в освободившемся внутреннем пространстве заработал подпрограммист.

Меч-сканер рассёк тьму, разделил ее именами, сшиватель событий связал объекты.

Рой превратился в правильно организованный улей.

Вот обнаружился каталог, где хранятся готовые результаты запросов. Что такое Hypothek? Какая-то плата за землю. Концерн «Фармаланд» спонсирует музей «Миры человека», базирующийся в соседнем Люксембурге. Это музей занимательной анатомии, постоянная выставка нетленных тел, пластинатов, который откроется к рождественским праздникам вместо передвижной экспозиции «Наконец нетленны». Музей-могила.

Есть его виртуальный «слепок», наверное предназначающийся для инвесторов. Можно полетать по гулким мрачным залам, похожим на склепы.

Кстати, на плане показаны очень большие холодильные мощности. Зачем это музею-могиле? Или там не только пластинаты? По крайней мере, инвесторам это интересно.

А вот еще список партнеров нашелся, и среди них петербургские «Международные аптеки», контора Князя. Питерская малина — партнер солидного западного концерна?

Такое впечатление, что в этом Музее имеется какой-то «золотой ключик», и туда надо попасть во что бы то ни стало…

Ах ты! В коридоре обозначились шаги, летящие ноги сильно облегчившегося надзирателя. Все, сворачиваться и бежать, не забыть только выудить из щели дисковода сим-дискету с верным «следопытом»…

Шрагин рухнул на койку и замер — информационный улей в его голове рассыпался, отчего нагрелись щеки, дыхание участилось, и внутри пробежала легкая волна конвульсий.

Наблюдатель вернулся и, похоже, ему что-то не понравилось. Стал обходить боксы. Все испытуемые дрыхнут безмятежно, вон какой сап и храп стоит, или, по крайней мере, сильно отдыхают. Сейчас наблюдатель заметит его беспокойный взбудораженный вид. Надо расслабиться. К черту музей-могилу и «Исцеление без границ», хотя это почти одно и тоже, мысленно стереть их резинкой с листа. Смыть, как грязь, Энгельманна-Ферреро, хотя он, скорее всего, лично руководит обоими организациями и не последняя шишка в «Фармаланде». Мысленно раздавить и Тугаева-бандюгу, брызнул, и нет его. Все, объекты финализованы, им на смену приходит сон…

Через тридцать секунд Шрагин уже пребывал в стране сновидений, где командовал гвардейской аэрокавалерийской дивизией из семи тысяч грифонов, где во дворце из розового мрамора его ждала ясноглазая Элла.

2

Пока поезд мчался в столицу едва заметного на карте, однако великого герцогства Люксембург, Шрагин решил вынуть почту из своего электронного «почтового ящика». Там лежало письмецо от Сарьяна, главного разработчика сверхязыка «Арарат». Сарьян вспоминал Сережины заслуги и звал обратно в команду, потому что спрос сейчас нешуточный, а в новом языке еще немало пластов неразработанных, к примеру, пакет самовизуализации объектов. Команда теперь базировалась в Гамбурге, точнее, в Санкт-Паули, в двух шагах от знаменитого Рипербана, так что и хатку предлагалось снять тоже недалеко, чтобы не слишком расходоваться на бензин. Короче, если Шрагин не против, то виза будет моментом готова, и Сарьян сразу даст поручение, чтобы ему подыскали апартаменты…

Кстати, Сарьян когда-то настоял, чтобы проектируемый язык был назван «Арарат». Ну, Арарат, так Арарат, ничем не хуже, чем Ява, и название прижилось. Тем более, что разработчики очень уважали одноименный коньяк, также предоставленный Сарьяном — по крайней мере, не меньше, чем проектировщики языка Ява уважали одноименный сорт кофе… Почему же тогда Шрагин не поверил, что из этой затеи что-то выйдет? Потому что она была слишком смелая.

К миру объектов а-ля Платон со товарищи, который свойствен, скажем, языку Ява, были добавлены субъекты, этакие зародыши искусственного интеллекта, способные накапливать знания. Эти маленькие искусственные программисты должны были осмысленно определять свойства объектов и приписывать им поведение. Затем и объекты, познавая виртуальный мир вокруг и совершенствуя самих себя, должны были превратиться в новые интеллектуальные субъекты.

Ну, и в итоге куча мала из слабопрорисованных прототипов эволюционизировала бы в стройную иерархию киберорганизмов…

Он не сумел «перепрыгнуть через перила», в отличие от Сарьяна, не нашел в себе веры. И поэтому проиграл…

Выйти бы сейчас из этого дурацкого поезда, торопящегося в карликовый Люксембург, хотя бы в Герольштайне, и к ночи он в Гамбурге.

Гамбург, выплывающий из холодной воды Северного моря, единственный немецкий город, который когда-то приглянулся ему.

Так хочется в Гамбург, но выйти сейчас… это все-таки

струсить и снова проиграть…

Выйти не получается, и он едет дальше, в мирок прилизанных и жестоких гномов, в Люксембург. Потому что на этот раз он перепрыгнул через перила. Потому что ему надо опередить Руслана Тугаева…

Сегодня утром Шрагин три часа провел в «Рэдисоне», возле Тугаевского номера, благо неподалеку располагались холл и зимний сад, где легко прятаться. «Подсесть» на разговоры братка было сложно, закодированная сотовая связь — это дело для мощных дешифрационных программ и приличных компьютеров, вроде тех, что работают на «Эшелон». Но Тугаев производил звуки, сотрясал воздух и дверь, на которую Шрагин прилепил пьезоэлектронное «ухо», купленное когда-то по случаю около Крупы[14].

Тугаев собирался в Люксембург, хотя и не сегодня, потому что ждал «босса». Скорее всего, Энгельманна. Босс должен был пожаловать завтра. Значит, этим днем можно воспользоваться…

От Люксембург-штадта Сергей взял такси. Герцогство оказалось страной контрастов. Жестокосердные и ограниченные гномы обитали в красивых краях: поросшие кленом и буком долины; озера, похожие на спокойные глаза вечности; высоты, как будто сгустившиеся в зелень облака.

Выйти пришлось просто на шоссе, где ничего похожего на стоянку. Лишь только грунтовый съезд в кленовую рощицу. Но за ней обнаружилась стройка весьма солидных масштабов.

Основное здание чем-то напоминало сдвоенную пирамиду. Намек на египетские города мертвых. Намек усилен до невозможности изваянием Сфинкса, который должен был встречать посетителей сразу за воротами. У огромной скульптуры, выполненной в традициях национал-социалистического реализма, было тело хищника, женские сиськи а-ля Долли Бастер и развратная физиономия гомосексуалиста.

Неподалеку от пирамид имелся котлован, похоже, что под отель или ресторан, где людей должны были отвлекать земными радостями от мыслей о вечности.

Место было живописным даже по люксембургским канонам. Вдали, на склоне, многобашенный замок очередного графа — смотрится как сильно потрепанный инопланетный корабль. Неподалеку озерко, в озерке отражается яркое, слегка сжатое высотами небо. Парк, точнее, слегка переделанный лес, состоящий из теплых широколиственных пород, где так уютно местным эльфам, был нелепо заставлен фигурами различных божеств, заведующих царствами мертвых различных религий. В общем, райский уголок.

Шрагин нацепил темные очки и полюбовался своим отражением в стеклянном портале главного здания. Похож на этого блатного Руслана. Весьма даже похож. Кое-кто даже может их спутать.

Затем перед ним распахнулась одна из дверей, и он оказался под могучими сводами «пирамиды». Из-за какого-то саркофага вышел охранник. Мрачный тип, отчетливо смахивающий на основоположника нацизма. Античеловеческий взгляд хищной рыбы. Сережа едва взял себя под контроль и решил, что никакой дурной приметы тут нет, просто это австриец или баварец, наверное. Надо, как и запланировал, назваться Тугаевым и побазарить с кем-нибудь из местного начальства. Если ему скажут: вы вовсе не Тугаев, тогда можно назваться братом Тугаева, если ему снова скажут: вы вовсе не тот, за кого себя выдаете, тогда надо просто развернуться и дать деру. И никто не имеет права его задерживать.

— Mein Name ist Tugaev. Kann ich mit jemandem von Ihrer Fuehrung sprechen?[15]

Охранник связался с кем-то из начальства при помощи мобильника, потом сказал с лающими интонациями и заметным верхненемецким акцентом:

— Zimmer Achtundzwanzig. Zweite Etage nach oben.

Этот тип сказал: «Второй этаж вверх». Не похоже на ошибку. Выходит, имеется и второй этаж вниз. А, чуть не забыл, счет этажей европейцы начинают с нуля, значит, этот второй — на самом деле третий.

Шрагин шел по гулким и сумеречным музейным залам, декорированным под египетские склепы, и им постепенно завладевал густой первобытный ужас. Кругом были эти пластинаты. Мертвые как живые. Сценки за столом, при игре в шахматы, у телевизора. Показанные с помощью сечений и разрезов анатомические детали. Мягкие части тела остались мягкими. То, что сгибалось при жизни, сгибается и сейчас.

Неожиданно луч света выхватил из темноты женщину с прозрачными кожными покровами — она плыла к нему, сверкая словно бы посеребренными внутренностями. Изо рта лился мелодичный голос: «Die topografische Gliederung des menschlichen Koerpers umfasst Kopf, Hals, Rumpf…»[16] Боже, это же Зинаида!

Призрак замер в полуметре от Шрагина, продолжая двигать челюстью и прозрачными губами.

Шрагин с трудом унял панику в собственном теле. Всего лишь экспонат с обесцвеченными мягкими тканями. Вся эта автоматика, в том числе подсветка и имплантированные сервомеханизмы, включились при приближении посетителя.

Несмотря на естественно-научное объяснение, Шрагин устремился в кабинет номер 28 почти бегом. И едва не потерялся.

В следующем музейном зале царило веселье. Зал изображал шикарный супермаркет типа «Реала». Эскалаторы, имеюшие вид водопадов, зимние сады, фонтаны, играющие брызгами под лазерными лучами, чучела экзотических зверей. При появлении Шрагина оркестр заиграл самбу.

Толпа экс-людей отоваривается на полную катушку. Нет, приставка «экс» должна быть отменена. Шопинг продолжается, жизнь тоже, причем райская жизнь.

В религиях без моральных претензий, кажется, рая не было. Ничего лучшего, чем скучное теневое прозябание, старорежимные жрецы придумать не могли. Поэтому история и смела всяких там друидов. Когда религии стали дрессировать народы моральными предписаниями, в награду за хорошее поведение и муторную жизнь был предложен интересный выбор посмертных услуг.

Шрагину показалось, что Энгельманн-Ферреро как будто внушает свой, третий вариант. Будут вам посмертные услуги, шопинг на полную катушку, и притом никакого занудства на моральные темы.

Заплатил и пользуйся на здоровье, которое теперь железное, точнее пластиковое…

За дверью номер 28, в противовес жуткому пространству музейных залов, было довольно уютно. Обычная конторская и в то же время довольно неформальная обстановка. Две улыбчивые девушки наводили порядок с папками. На стремянке возле высокого шкафа сидел ученого вида человек в старомодных очках, с симпатичными залысинами, он снимал папки с верхней полки и передавал какой-нибудь из девушек.

— У нас вначале даже не было компьютера, — сказал очкарик на очень четком и понятном немецком. Все на бумаге. Музей еще не открыт, а мы уже запутались в документации. Вы, значит, господин Тугаев. А я — Йозеф Динст. Пройдемте, не будем мешать девушкам.

Он показал рукой на смежную дверь. Похоже, что сработало. Этот хренов Динст ничего не заподозрил.

Соседняя комната была кабинетом. Здесь не было и следа какого-либо лоска, столь любимого многими менеджерами. Здесь занимались делом. Хотя на полках стояли удачные образцы пластинатов: головы, руки, другие бывшие члены человеческого тела, в хозяине кабинета трудно было признать какого-то Кощея или Харона.

— До завтрашнего дня шеф вряд ли появится, поэтому рабочие вопросы можно решить со мной. Что представляет собой

ваш товар?

— В принципе, выбор сейчас достаточно широк, — уклончиво произнес Лже-Тугаев.

— Детские экземпляры нас уже не интересуют, — предупредил господин Динст. — Детский сад мы уже собрали. Хотя от зародышевых тканей мы не откажемся, однако в ваших условиях подготовить и сохранить их практически невозможно. Но вот другая тема: сейчас мы оборудуем зал патологий.

Патологии, в отличие, от предыдущей темы, вселили в Шрагина некоторый оптимизм.

— Ну, этого у нас более чем достаточно.

— Здесь, в Европе, тоже немаленький выбор… Так что нам нужно от вас нечто особенькое. По данным ВОЗ сейчас в двух селениях на юге вашего региона свирепствует геморрагическая лихорадка, занесенная, видимо, гостями с Нила. Мне нужны целые головы, а не только лишь мозговые ткани.

Шрагин представил отрубленную, раздувшуюся обсиженную мухами голову своего собеседника, и у него случился первый в Музее Человека приступ тошноты.

— Но…

— Я понимаю, что это достаточно опасно. И для вас, и для нас тоже, пока мы не произведем необходимого обеззараживания. Но, если быть внимательным и не облизывать кое-что лишний раз, то можно отделаться только легким испугом. Если вас заинтересует это предложение, то технологию консервации препарата мы оговорим несколько позже.

— А что еще вас интересует? — поддержал разговор Лже-Тугаев.

— Что-нибудь свеженькое. Нам нужны живые ткани. Что такое смерть де-факто и де-юре? Это необратимое отключение некоторых отделов мозга. Но тело-то еще на девяносто девять процентов живое! — подчеркнул с заметным воодушевлением господин Динст. — У нас есть портативные холодильники разного размера — для сохранения и перевозки внутренних органов, конечностей, целых торсов — мы могли бы вам предоставить их под определенный залог. А у вас — прекрасные возможности работать, так сказать, без излишних формальностей. На то, чтобы изъять нужные нам ткани, у вас имеется от пяти минут в теплую погоду до получаса в прохладную. Улавливаете? У вас в запасе не слишком много времени…

Для того, чтобы унять головокружение, Шрагин стал внушать себе, что он, в принципе, тоже людоед, что его мама не была кандидатом филологических наук, что Пушкин бил в барабан на берегах Нила, а Глинка играл где-то там на там-тамах. Немного

помогло.

— Так что ж, мне самому убивать и самому расчленять, чтобы протухнуть не успело? — деловито справился Шрагин.

— Зачем самому убивать? У каждого своя работа, которую надо делать качественно. Например, вам становится известно, что кто-то хочет казнить преступника, зарезать заложника или расстрелять пленного, и вы сразу оговариваете свои права, желательно с заключением договора. Чтобы там никакого разбрасывания внутренностей по всей округе и швыряния голов в кусты. Все должно быть аккуратно, а не так, как у вас там, в горах, принято. Кстати, желательно, чтобы человек перед смертью не был подвержен сильному стрессу, иначе в крови появляется слишком много разрушающих факторов. Договоритесь о передаче казнимому успокоительных средств.

— Да, мы обязательно поработаем над хорошим настроением, — поддержал Шрагин, несмотря на одолевавшую его тошноту.

Тут в кармане у господина препаратора заиграло турецкое рондо.

— Это шеф вернулся, почему-то на день раньше. Ну и славно, он же знает вас лично.

Внутри у Шрагина все упало с ускорением три «же».

— Шеф у меня смешной, — поделился Динст. — Он всегда звонит с входа, как будто в служебное время я могу заниматься любовью с посторонними. Но он, действительно, очень деликатен… Все, упавшее внутри Шрагина, расплескалось где-то на полу, как раз дверь открылась и в комнате появился Антуан Энгельманн-Ферреро, а вместе с ним истинный Руслан Тугаев. Дальнейшее Шрагин воспринимал с изрядной долей отстраненности, находясь примерно на том же расстоянии от событий, что и телезритель от телеэкрана.

Энгельманну натикало, сутя по косвенным данным, лет сорок пять, но у него было изящно вылепленное лицо, покрытое тонкой свежей кожей. Шрагин не раз уже видал в Германии сомнительные лица, но физиономия господина директора скорее подошла бы девушке. И вместо рукопожатия Энгельманн поцеловался со своим замом. Тугаев ни с кем не поцеловался, а вместо этого пробуравил Лже-Тугаева злым взглядом своего единственного глаза.

— А я с герцогом и герцогиней, — похвастал Энгельманн, — они пока осматривают новинки на третьем этаже.

— Ну, этот парень в короне к тебе просто неравнодушен.

После поцелуя Энгельманн-младший подошел к Шрагину и уже вполне стандартно протянул руку. Сильно смутившийся

визитер встал из кресла и пожал некрупную, однако предельно твердую «хирургическую» руку директора Музея и распорядителя Фонда.

— Вы — господин… — начал Энгельманн.

— Тугаев, — охотно подсказал Динст. — Это господин Тугаев.

— Что за хрен? Это я — Тугаев, а не этот урод! — взревел истинный Тугаев и повторил по-немецки, ударяя себя в грудь кулаком. — Их бин эхтер Тугаев.

— Нет, я, — отважно заявил Шрагин.

Энгельманн предусмотрительно отошел на два шага от Лже-Тугаева, однако сохранял дистанцию и до Тугаева истинного.

— Их не может быть двое? — справился шеф у зама. — Ты в базе данных смотрел? В таблице поставщиков.

— Еще нет. — Динст защелкал клавишами старомодного компьютера.

— Нет, тут всего один Тугаев. Как же узнать, кто из них настоящий?

Энгельманн задумался:

— А у вас, господа, есть национальные паспорта?

— Ой, я забыл, — погрустнев, произнес подлинный Тугаев.

— И я не захватил с собой, — сказал несколько осмелевший Шрагин.

Энгельманн ненадолго нахмурил свой почти девичий лоб.

— Истинный Тугаев, наверное, должен быть мусульманином, то есть с обрезанной крайней плотью. Господа, снимите штаны.

— Да, да, да, но только при мне.

В комнате возникла шикарная дама в перьях райских птиц, на вид герцогиня.

— Мальчики, мальчики, что вы все о штанах? — пропела она. — Сегодня вы заставили меня снова поверить в жизнь после смерти. — Дайте я вас поцелую за это. Или укушу.

— Я люблю качественные укусы, а вот он, кажется, нет. — Энгельманн показал пальцем на Динста и засмеялся жеманно.

Герцогиня, напоминавшая своим богатырским ростом и плечами хорошо сложенного мужчину, сделала свое дело и удалилась.

— Ну, ты давай первый, — сказал Тугаев Шрагину.

— А почему не ты?

— Этот боится больше, — сказал Энгельманн, кивнув на настоящего Тугаева.

Шрагин перевел дух, находившийся где-то в солнечном сплетении — кажется, обошлось.

Неожиданно он заметил, что Динст просто давится от смеха. Вот он прыснул, не удержавшись, затем к нему в порыве

искреннего здорового хохота присоединились Энгельманн и Тугаев.

Шрагин почувствовал неладное, но было уже поздно.

Наконец Энгельманн перестал смеяться и, немного отдышавшись, произнес:

— Добро пожаловать в Музей Миры Человека, господин Шрагин.

Полный абзац. Однако Шрагин заметил, что герцогиня забыла закрыть за собой дверь.

В три прыжка он преодолел расстояние до выхода, но там уже стоял Тугаев, который мгновенно оказался в нужном месте, перемахнув через стол.

У Сережи мелькнула мысль, что надо немедленно вмазать Тугаеву, и лучше не в челюсть, а в пах — ведь тот беспечно и уверенно стоит на широко расставленных ногах. Но как же — прямо в пах? Это ведь так больно. Однажды хулиган-пятиклассник ударил в пах десятиклассника Шрагина, и тот хорошо запомнил все эти неприятные ощущения… В голове привычно хороводили мысли, отражаясь одна от другой. И никакого доступа к психопрограммному интерфейсу, полный паралич.

— Ты куда, двойник? — весело поинтересовался Руслан.

— В туалет, — бесхитростно отозвался Сережа.

— Я тебя сейчас облегчу.

И врезал.

Работник умственного труда легко перелетел через кресло, неловко попытался смягчить падение плечом, но все равно въехал в ламинатный пол левой стороной затылка, после чего его сознание оказалось в темном, абсолютно непроницаемом мешке.

3

Шрагин словно выплывал из склизского тошнотворного омута. Неужели это нокаут так подействовал?

— Дурной ты, Серега.

Вот позорище-то, выключили как щенка, без сопротивления. И не какой-то звероподобный Тайсон выключил, а человек его роста и комплекции. Но словно кирпичом врезал. И почему это русские люди не дерутся как ковбои, у русских людей один дает себя бить, а другой с удовольствием это делает.

<код>
мойСлабыйХарактер = ИнтеллигентныеРодители. воспитывать(я);
ушибЛица = Противник. использовать(мойСлабыйХарактер);
</код>

И откуда эти типы знают его имя? ведь все документы остались в камере хранения на дюссельдорфском вокзале. Или все знали с самого начала?

— Дурак ты, Серый, — повторил далекий голос, словно бы стиснутый его собственной тошнотой. Или же этот голос вызывал тошноту? — Зачем полез сюда, Шрагин? Думал с кондачка и тебе отломится? Ты ж, блин, не герцог. Если уж вырвался за кордон, так тикай, куда глаза глядят, хоть в Парагвай.

Шрагин не мог пошевелить ни одной мышцей, ни одним членом, непонятно даже, как еще дышал. Чужой голос проходил к нему как сквозь вату. Взгляд постепенно фокусировался, но, в итоге, не захватил ничего, кроме потолка. Веки не закрывались и не открывались, какие-то трубочки увлажняли глаза, которые затем подсушивались потоком воздуха…

Почему не получается ни одно движение, неужели Руслан сломал ему позвоночник?

— Да нет, цел ты пока, даже не обосрался, хотя в таких случаях положено заранее клизму делать. Я тебе только анестезию дал, а один, с позволения сказать, мужчина ввел тебе нарколептик. Теперь Энгельманн с Динстом решают, как с тобой дальше дружить. Я предложил распилить тебя циркулярной пилой на тысячу ломтиков, но они не согласились, гуманисты хреновы, сказали, что пила может засориться. Может, они сперва тебя в жопу хотят, уж больно ты для них привлекательный, неподвижный такой, как Ленин, они ведь самые настоящие некрофилы-педофилы, да еще в глубине души троцкисты, как все

западные интеллектуалы … Извини, меня мобила зовет. Наверное, девушка.

Даже не обосрался, обидно. Вообще никаких хлопот для этих сволочей. Раз — и превратился в полено, можно стругать и тесать…

Тугаев вернулся пару минут спустя и обратил на себя внимание пинком ноги.

Боль от удара показалась какой-то приглушенной, отдаленной. Впрочем, через несколько секунд она достигла своего максимума. Сережа подумал, что Руслан скорее всего разговаривал с Викой…

— И все-таки ты не дурак, Сережа. Ты — псих, типичный случай параноидальной шизофрении, комплекс жертвенности, жизнь, значит, за царя. Никто не ожидал, что ты так быстро окажешься здесь. Да, у меня есть право поставить тебе этот диагноз, потому что я отучился два года на медицинском факультете Петербургского университета. Теперь мне тебя и не жалко вовсе. Может, тебя уже не жалеть, а уважать пора. Ведь все выдающиеся личности были по диагнозу параноидальные шизофреники. А вот, кстати, и наши педики-медики идут. Щас вынесут свой приговор.

Знаешь, Серый, в воздухе так и витает тема донорства. Модная тема, ети ее налево. У тебя, кстати, нет лишнего глаза? А то что-то мой куда-то запропастился. А вон у Антуана, похоже, с яйцами неполадки… Папа у него штандартенфюрер СС был, так, по крайней мере, Шерман думал, но сынок больше думает не об арийской расе, а о собственной жопе…

Руслана какое-то время не было слышно. Спустя безразмерный кусок времени его голос, куда более острый, чем раньше, стал снова проникать в мозг Шрагина.

— Все, Шрагин, не волнуйся, жизнь прожита не зря. Потому что принесешь ты пользу людям. Только людям надо еще подготовиться… А ты, кстати, экскурсии любишь? Наверное, любишь, как любой порядочный интель. Ну, я тебя пока покатаю по музею. Много интересного узнаешь. Я ведь тут уже изрядно пошастал с любезного разрешения хозяина. Да и сама коллекция не без моего участия собрана… Дай-ка я тебе голову поверну направо, потому правый у тебя пока что лучше видит, чем левый. Вот так удобно? Хорошо видно? Увлажнители для глаз клейкой лентой прилеплены, так же, как и вентиляционная трубка для твоей дыхалки, так что все в порядке, не отвалятся.

Шрагин заметил сейчас, что ему в рот уходит прозрачный стебелек, и услышал легкое, но беспрерывное шипение. Насос работает. А затем все поплыло вокруг, и он понял, что экскурсия

началась. Поскольку за нее ему, похоже, предстояло дорого заплатить, оставалось только одно — участвовать.

Потек, нигде не застревая, словесный поток из Руслана, дружелюбный, лекторский, не вызывающей возмущения.

— Тут все для человека, Серега. Мне даже не надо каталку толкать, сама мягонько так катится, я ею с пульта управляю. Но если даже перестану управлять, то она, скорее всего, никуда не трахнется, потому что у нее собственные сенсоры и собственная управляющая программа имеется. Ну, ты понял, ты ж у нас тоже программы мастеришь. А вот голос робота-экскурсовода я отключу, во-первых, он только на немецком талдычит, а во-вторых, многое не договаривает, железяка хренова…

Эти мертвецы, дружище, получили жизнь вечную в результате кропотливой работы многих пластинаторов почти на протяжении столетия. Некоторые способы сухого сохранения тканей были найдены эсэсовскими врачами в концлагерях, в результате многочисленных экспериментов. Выдающуюся роль в создании органических консервантов сыграл немецкий ученый фон Хагенс. Но вот знамя подхватили, как Ахилл и Патрокл, как Маркс и Энгельс, Энгельманн-младший и герр Динст. Не только подхватили, но и унесли далеко вперед, в чем можно сейчас убедиться. Именно потому, что они разработали самый замечательный на свете маринад — точнее, поликонсервант на основе метапропиленгликоля — столько тут нетленных мощей стоит, для любой религии, на любой вкус. Наши гении даже прозрачности тканей добились с помощью какой-то разновидности глицерина.

Сказать тебе честно, Серега, я, как увидел пластинаты в первый раз, так вегатарианцем стал. Не навсегда, конечно. Но даже и сегодня, как пережру, то на местные консервы без конвульсий смотреть не могу. Что жизнь человеческая? Как было спето не раз, только миг между прошлым и будущем. Помнишь, один урод по кличке Сфинкс спросил у Эдипа: кто утром ходит в штаны, днем в подъезде, а вечером опять в штаны? Правильно, человек. И годы жизни человеческой — цитирую псалом девяностый — семьдесят, от силы восемьдесят лет, да и то при правильном питании и поведении. Это всего лишь день один в космическом масштабе и проводишь его порой, так сказать, в загаженном сортире. Короче, отгадав загадку, Эдип впал в эдипов комплекс и завершил свой день досрочно к обеденному перерыву. Он еще не знал, что после пластинации у Энгельманна можно простоять или просидеть в неизменном виде почти миллион лет, по сравнению, например, с пятьюдесятью тысячью годами у Хагенса. Так можно и второго пришествия дождаться в

прекрасной кондиции, как бы с ним ни медлили высшие инстанции.

Ну и так кто же у нас дождется второго пришествия?

Вон там, на пьедестале, кружится гигант-полковник Мансуров из «Альфы». Вальсирует он тут с ярко подкрашенными мышцами за то, что поднял руку на своих братьев, на свободный Кавказ.

А вот, глянь на поднос — все сто частей принадлежат телу одного человека. Если точнее, то господину Бетакису, крупному бизнесмену из города Сочи. Не захотел делиться прибылью с национально-освободительным движением. Вот теперь из него пазл получился, детская мозаика. На первый взгляд его сложнее собрать, чем кубик Рубика, особенно в полумраке, но у меня получилось! Дело в том, что все части грудной клетки фосфоресцируют белым светом, а все кости, скажем, левой ноги — зеленым, и так далее.

А вон там с собственной головой в руках некто Григорян, поднимает ее и опускает за счет встроенного сервомеханизма.

Этот тип отлично владел арабским и вайнахским, внедрился в «Аль-Харамейн», но служил в российской разведке. Причем неплохо служил. За это глотку пилили ему медленно, тупым ножом.

Соответственно распилке, он присутствует тут в двух частях.

Знаешь, Серега, хоть ты и работал на опережение, а все ж таки скажу тебе, шансов выиграть у тебя имелось — кот наплакал. Ты ведь был глубоко один. Даже ради Аньки Шерман никто с места не стронулся. Менты, наверное, ждали, когда Андрей Арьевич их как следует, многослойно, подмажет. А всякие посредники ждали, когда им предложат приличный процент. Есть еще так называемые международные гуманисты, от Хьюман Вотч до Адама Сергеевича Крикалева, это те, кто приковывает внимание мировой общественности, когда поступит команда от босса. Но и они не включили Аню в свои списки. Потому что команды не было. Ведь Анин папа враждовал с самим «Фармаландом», который кормит всех профессиональных гуманистов на свете.

Понимаешь, можно сторговаться почти по любому вопросу, если есть желание.

Мансуров, Бетакис и Григорян не вызвали ни у кого желания поторговаться. Свои посчитали их отыгранными картами, гуманисты «не-своими».

К примеру, если бы этого осетина, этого грека и этого армянина украли ряженые казаки из города Краснодара, вот тогда появилась бы на ТВ-экранах нужная картинка, взывающая к лучшим чувствам, и босс сказал бы «фас», и гуманисты кинулись

бы гурьбой на выручку, на спасение от русско-имперского коммуно-царизма…

Теперь мы зал проезжаем, где, слава богу, нет сиюминутной политики.

Тут жертвы всяких великих потрясений. Под стеклянным колпаком — гренландский викинг Сигурд Даниэльссон, пролежавший вместе со своей чумой семьсот лет в естественном холодильнике. Заполз чумной гренландец чего-то под водопад и окочурился. А водопад замерз. Сейчас можно и робота-экскурсовода послушать, он лучше расскажет… Эпидемия чумы сыграла огромную положительную роль в развитии, понимаешь, европейской цивилизации. Спрос на рабочую силу превысил предложение, уровень оплаты труда повысился, это вызвало подъем культуры и технологии, бу-бу-бу-бля-бля-бля. Да, недосчитались мы каких-то там гренландских викингов, а поголовье европейских людей уменьшилось на две трети. Однако нам их совсем не жалко, потому что у оставшейся трети зарплата выросла и благосостояние. Я вам больше скажу, товарищ, у оставшейся трети Ренессанс начался. И так далее, зарплата и благосостояние европейцев росли вместе с вымиранием индейцев и австралийских аборигенов, с голодом в британской Индии и кровавыми бойнями в опиумном Китае.

Ну, Шрагин, уловил идею? Болезни, травмы и даже дама с косой — это все страшно неприятно для индивидуев вроде нас с тобой, но зато способствует развитию всего рода человеческого. Хочешь большого прогресса? Заказывай хорошую эпидемию или мировую войну.

А оцени-ка эту композицию. Русский витязь с мечом в одной руке, другой прижимает малыша. Ах-ах. Это кости убиенных в старой Рязани, хан Батый постарался. В Музее Человека редко довольствуются костями, но здесь уж больно сцена красивая. Поэтому и облачили их в пластиковую плоть. Экскурсовод нам сообщает, что нашествие Батыя сыграло огромную положительную роль в становлении почты, транспорта и статистического учета. Это он не отсебятину порет, а цитирует всем известного Льва Николаевича Гумилева и британскую энциклопедию.

Слева тоже антиквариат. Стеллаж с черепами хиосских греков. Если тебя к живописи приучали, то ты должен знать, что сам Делакруа «хиосскую резню» намалевал. Тут, значит, коллекция в пять тысяч черепушек, которые куплены за большие, между прочим, деньги у одного обедневшего монастыря. На самом деле турки вырезали в десять раз больше, а оставшееся население продали в рабство. Самая масштабная резня 19 века. А

результат какой — на острове наступила долгожданная стабильность, которая очень понравилась всем великим европейским державам того времени. И туркам понравилось, поэтому они повторили еще раз, только с армянами. И опять пришла стабильность. Немцы думают: чем мы хуже, и проделали тоже с евреями по всей Европе при активной помощи просвещенных европейцев. Да вот незадача — как раз войну прокакали. Немцам не повезло, евреям тоже. Но стабильность-то в Европе наступила, и какая многолетняя. Не хуже, чем в Турции.

Динст, кстати, из иудеев. Пусть и шустрый, но исполнительный, честный, на лапу не берет. Идеальное второе лицо. Первое лицо, оно для мечтаний, а второе — для дела. Это как Ленин и Троцкий. Королева Виктория и Ротшильд. Если что не так, то на второе лицо можно все грехи свалить. И в Писании сказано, что воздается не по мечтам, а по делам.

Один лишь Адольф Алоизыч впросак попал, но это скорее исключение из правила. И все потому, что у него не было своего Динста. Вместо этого был у него Вагнер и прочие бредоносцы.

Ну, теперь ты убедился, насколько убийства, особенно массовые (назовем их аккуратно «прополкой»), играют положительную роль в истории человечества? Кому в самом деле-то лебеду жалко?

Вот ты, чувствую, хочешь спросить меня, кто я таков, на чей я стороне? Национальность моя не играет никакого значения, хотя по маме я карачаевец, есть такое гордое племя в горах, но по папе — воронежец.

Я на той стороне, которая приходит на смену гибнущей цивилизации. Приходят варвары: степняки, горцы, лесовики, жлобы, вандалы, монголы, франки и прочая жадная шпана. Ты, паренек, надо полагать, начитанный, так что в курсе того, как в пятом веке Рим накрылся, в пятнадцатом Византия, в двадцатом Российская Империя, ну и так далее. Варвары — они ведь не дураки, у них нет готовых схем и придурочных кодексов чести, но у них есть воля к победе, Серега. Поэтому они обманом захватывают города, жгут районные библиотеки и запихивают порядочным женщин сзади. А цивилизация не шибко-то и защищается, интеллектуалы чувствуют вину, извращенцы смазывают попу вазелином, бизнесмены ищут новые интересные в материальном плане контакты, а такие тонкие исследователи, как Энгельманн, еще и хорошо оплачивают варварство.

И я когда-то подумал, зачем мне стоять на стороне побежденных, я не хочу быть врачом в нищей больничке, я не хочу быть офицериком, которого сдает собственный генерал, я не хочу быть торгашем, который трясет мудями перед всякими там

отморозками. Я хочу выигрывать. Поэтому я и стал варваром.

Нарколептический укол обездвижил Сережу снаружи, а эта выставка и особенно треп распоясавшегося «варвара» — изнутри. Внутри образовалась яма, пустота, гармонирующая с онемением мышц. Тьма на бездной, день восьмой, творение закончилось. Но экскурсия продолжалась…

— Пластинаты, мумии и просто кости мы уже посмотрели, и вот теперь, Шрагин, начинается самое интересное, поскольку мы плавно переходим в отдел Светлого Будущего…

Сергей с некоторым опозданием заметил, что у него стынут конечности. Значит, они добрались до холодильных мощностей Музея Человека.

Тугаев аккуратно повернул голову экскурсанта, чтобы тот мог встретиться взглядом с Глазами. Это были не какие-нибудь заформалиненные органы, а настоящие, живые, реагирующие на свет глаза. И не просто реагирующие на свет — они натурально следили за ним!

— Вот, Серега, первый удачный опыт Энгельманна и Динста. Очи черные, очи страстные были разморожены, вставлены в контейнеры жизнеобеспечения, подсоединены через биоинтерфейс к управляющему процессору.

Вот тема вторая. Что сделало из обезьяны человека? Ручной труд. Поэтому на этой подставке мы видим отдельно взятую руку, которая способна трудиться. По крайней мере, она непрочь схватить вас за горло. И на укол иголкой реагирует правильной моторикой — дергается.

Помпа закачивает и выкачивает из нее кровезаменитель — жидкость из молекулярных машин-васкулоидов. На нынешний взгляд, пожалуй, немножко громоздко выглядит. А нервы Энгельманн с товарищем подсоединяли к биоконтроллеру целую неделю. Сейчас у них уже автоматика наноманипуляциями занимается.

А на правом столе танцы-шманцы. Что нам особенно интересно в танцах? Дамские ножки, и притом красивые. Энгельманн с Динстом взяли все остальное, оторвали и выбросили. Но, конечно, пришлось им помучиться с кровеносными сосудами, точнее, с тромбами. Как верно выразился анатом Оппен: человек — это цветок из кровеносных сосудов. Кучу времени наши немецкие друзья убили на то, чтобы отрегулировать кровяное давление, состав крови, конфигурацию сосудов. Нервы замыкаются на биоадаптеры, это такие органические чипы, а далее, через шину[17] на гигагерцные интеловские подпроцессоры, а те уже подключены на центральный процессор с терабайтной оперативной памятью.

А теперь следующий вопрос: что самое главное в любом красном уголке? Правильный ответ: бюст вождя.

И в красном уголке нашего музея бюст тоже имеется. Точнее, голова и верхняя часть туловища. Где-то ниже кадыка тянется шрам, цвет кожи у головы и туловища заметно отличаются, не правда ли?

Изначально Энгельманн с Динстом хотели одной говорящей головой обойтись в стиле наших сказок, но та никак не хотела функционировать сама по себе. Думали, что это органические повреждения виноваты. Стали выращивать нейроны из зародышевых клеток и закатывать внутрь. Однако опять не клеится. Только когда пришпандорили позвоночник, что-то забрезжило. Ну и тут масса проблем. Головной мозг отказался от сотрудничества со спинным мозгом, взятым от другого донора, поэтому пришлось отклонировать и вырастить, так сказать, «родной» спинной мозг. Впрочем, все остальные ткани, что от европейского, что от африканского донора, отлично сработались.

Интересно, а если будет голова мужика, а бюст женщины? Что окажется первичным?

— Ты — мачо, сексист и просто дремучий тип, — зазвучал немножко смешной, как будто даже из мультика, голос Энгельманна. — Если не считать гениталии, то количество отличий между средним мужском и средним женском телом куда меньше, чем количество отличий между однополыми индивидами.

— А если посчитать гениталии, то я бабе могу вставить, а она мне нет, господин Энгельманн. И это существенно, — пытался оспорить Тугаев.

— Хорошо, давай учтем гениталии. Я тебе перешиваю пенис на вагину, а ей делаю наоборот. Плюс колю гормоны, прогестерон и все такое, что заставляет расти твои молочные железы — у тебя они тоже есть — ты покрываешься жирком и теряешь волосы на лице. Курс лечения двадцать дней, и ты — просто большая неуклюжая баба, как ты выражаешься.

— Тьфу. Чур меня, чур, верю, верю, двадцать дней не надо тратить, — забормотал Руслан под игривый, почти девичий смех Энгельманна.

— Он, действительно, может, — вновь обратился Руслан к Сереже. — Он же не только богатый, но, блин, и умный, а не просто хитрожопый как наши. А еще ему достаточно подмигнуть, и нас с тобой тиранозавр бешеный поимеет. Не в Люксембурге, конечно, здесь он максимум может полицию позвать, а где-нибудь подальше Одера… Господин Энгельманн, а чего ж эта голова сегодня не говорит?

— Сегодня она не в духе. Мы там немного напутали с водно-солевым балансом, и сейчас она себя чувствует, ну, скажем, как человек, погулявший по пустыне дня три.

— А я все равно попробую. Привет, голова! Точнее, привет, Колян. У тебя ведь тоже имечко есть.

Голова разлепила синие губы и испустила стон. Боль и мука словно вылились из прорези рта тяжелой густой жидкостью.

— И в самом деле, не в духе голова, не хочет даже вещать истину и предрекать судьбу. Ладно, Шрагин, не расстраивайся, у нас еще в запасе настоящий гвоздь программы…

Странное существо старательно выдувало стеклянные сосуды по старинной технологии в закутке, который для стеба был обставлен по последнему слову средневековой техники. Существо выхватывало щипцами губчатую массу из горна, нанизывало на трубку, обмазывало присадками и начинало дуть. Затем подравнивало выдутый сосуд кусачками.

Стеклодув трудился как черт. Может, он и был чертом. Или нет, таких, кажется, называют химерами. Мускулистый волосатый торс и руки дикаря, ноги животного, даже хвост имелся, а голова искусного мастера…

— Вот он — рабочий класс будущего. — сказал Энгельманн. — Как жалко, что старик Маркс не может увидеть. Пока что.

— Господин Энгельманн, а можно я все это буду называть франкенштейн-технологией? — с фальшивым подобострастием поинтересовался Тугаев. — А вас Виктором Франкенштейном? Вы не возражаете? Или, может, Рубиком наших дней, вы же новых людей, как эти самые кубики, собираете. Возражаете? Ладно, не буду. Вы имеете полное право дать своим творениям собственное имя. Торжественно заявляю, что вы конструируете рабочий класс будущего по энгельманн-технологии. Только и про буржуазию не забудьте, чтобы было кому в оперу ездить и Вагнера слушать. А то ведь работягам только попсу подавай. И что, позвольте спросить, послужило для вас первым толчком? Расскажите пожалуйста что-то типа, как вы сидели под деревом и вдруг закричали «эврика»…

— «Эврика» надо кричать в ванной, господин Тугаев, — напомнил Энгельманн. — Сидел я однажды в ванной, рассматривая члены своего тела, и вдруг до меня дошло, что девяносто девять процентов всей органики свежего покойника может функционировать и дальше. Я вышел из ванной и рассказал об этом Динсту, с тех пор он повторяет эту мысль как свою. Почему бы это не использовать, спросил меня Динст, если уже появились новые эффективные методики по обеспечению совместимости тканей. И мы оба порешили, что делать новых

людей из старых — это здорово, и им приятно, и нам.

— Но это ж все равно расходы! А где доходы?

— Доходы — завтра. Когда правительство или корпорации будут платить мне за каждого нового гражданина, каждого нового работника. Но, дожидаясь светлого завтра, мы уже отработали немало бизнес-технологий. И домино-трансплантации, и конвейерные пересадки, и пересадки долями, и временные пересадки органов в промежуточного носителя, скажем, в животное.

— А почему нельзя новых граждан просто клонировать, господин Энгельманн? Это как будто модная тема.

— Потому что, господин Тугаев, моя технология на порядок дешевле, чем технология клонирования. Трупы ведь практически бесплатное удовольствие. А займитесь вы клонированием, и ваша касса начнет швырять деньги направо и налево, как автомат по продаже поп-корна. Операции ядерного трансфера, услуги суррогатной мамы или, предположим, инкубатор, многолетнее выращивание эмбриона, младенца, ребенка — за все отстегни, отстегни, отстегни. Плюс полная юридическая неопределенность, суды, адвокаты, кто есть мать, кто отец, какое гражданство, религия, выплачиваются ли социальные пособия и так далее, до бесконечности. Мои же творения принадлежат только мне, сконструированные мной существа — это не граждане, не налогоплательщики, не люди. Это композиции из частей трупов. Впрочем, я и клонирования полностью не отвергаю. Для выращивания отдельных органов и тканей это вполне годится…

Шрагин, незримо метавшийся в своем плену, понял, что экскурсия подходит к концу. Экспонаты остались где-то позади. То, где он сейчас оказался, можно было смело назвать операционной.

Над ним вспыхнул ослепительный после музейных сумерек свет. Энгельманн с Динстом стали советоваться, давать ли анестезию господину Шрагину.

Господи, неужели они хотят замучить его, эти европейские интеллектуалы, эти лощеные господа? Да еще и пожалеть денег на анестезию.

Это же Европа, Европа. Здесь этого не может быть, здесь все тихо и благопристойно. Слышится звон инструментов, их звон пробирает до костей. Где-то рядом гнусно шипит жидкий азот.

— Антуан, — сказал Йозеф Динст, — анестезию лучше дать. С болевым шоком мы уже однажды имели дело, в крови половина факторов заплясала.

— Ладно, без особых возражений, — согласился Антуан. — Знаешь, Йошка, я заметил, что с трупами мучеников как-то

неприятно работать, даже инструменты из рук выпадают.

— Абсолютно с вами согласен, — добавил Руслан, — пусть ты при жизни полный мудак, а замучают тебя, и станешь святым. И бабы, встав в оральную позицию, будут взасос целовать твои мощи.

Какое-то подобие облегчения — значит, в цивилизованной Европе уже не потрошат без наркоза даже врагов мира и прогресса. Здесь действительно все тихо и благопристойно.

Шрагин ухватил взглядом руку Энгельманна, подносящую шприц. На пальце было странное кольцо — с насечкой, изображающей молнию и рядом деревцо в круге. Где-то он уже это видел… О какой ерунде он сейчас думает … Но все-таки этот рисунок он уже видел… в книге по истории Waffen SS[18]. Руна «гибор»— сила в потомстве. Какое потомство у Энгельманна? Хотя… может быть оживленная мертвечина?

Вот так номер, Энгельманн поднес шприц к собственному предплечью, уже перехваченному жгутом, и сделал себе укол. При этом смазливая его рожица ненадолго исказилось в жутковатую личину смертносной богини вроде Кали. Блин, да он еще и наркоман. Творит под кайфом.

Исследователи себе раньше такого не позволяли, максимум, чем они стимулировали себя, так это булочками с изюмом и марципановые сладости.

И снова блестит игла. Шрагину кажется, что над ним вьется человек-оса. Жало входит точно в вену парализованной жертвы, и она сразу понимает, что случилось что-то непоправимое.

Тело как будто поехало вниз, но свет нагонял и обволакивал его, одновременно становясь густым, пестрым и многоструйным.

Свет что-то делает со Шрагиным, у него исчезает тело, слух, зрение, чувства, мысли, остается разве что набор безжизненных деталей, лежащих в темном пыльном ящике. Потом не стало ни света, ни ящика. Осталось только ощущение бесконечного падения.

Когда-то время возникло вновь.

Сквозь тьму стал просачиваться туман, а вместе с ним обрывки звуков, образов, ощущений. Фрагменты боли, струи дурноты. А вместо тела — камень.

Рядом с натужным попискиванием фурычил какой-то прибор. Не разглядеть, что за хрень. Шрагин видел один лишь потолок своим левым глазом, слабым и ненадежным, ну еще трубку от капельницы. Плохо видел, мутно. А что второй, куда более сильный, правый глаз?

Второй был чем-то залеплен. И на этом месте пробуждалась тяжелая надрывная боль, уходящая вглубь черепа.

Кто-то был рядом.

— Очнулся, спящий красавец? Это я, Руслан, твой двойник, твоя ожившая тень, если так угодно. Эпопея, дружок, подходит к концу. По-моему, неплохо все получилось. Динст и Энгельманн были на высоте. И обошлись сегодня без защиты прав человека и прочего соуса. Ушел от тебя глаз. Завтра подправят тебе еще нос и уши. И станешь ты такой, как я. А я стану такой как ты.

Мне надо чуть протрезветь и на пересадку ложиться. И на тех фотках, где я в компании с Вахой Абдуллаевым, окажешься ты.

Слыхал про этого интересного господина, который живет и работает в гористой местности? Классический похититель-потрошитель людей. Ваха, можно сказать, продает свою торговую марку. Кто с ним появился на одном фото — уже крутой парень. И уж ты, конечно, хочешь стать крутым.

В конце недели надо будет забирать товар у Вахи. Поехали со мной на юга, Серега, зачем нам терпеть этот дождь и туман? Ты ведь теперь такой же Тугаев, как и я сам, то есть должен любить солнышко. Пару деньков сестричка поколет тебе в ягодичку по кубику модельного психотропа, и ты отреагируешь абсолютно правильно на мое предложение… Или вместо сестрички ты предпочитаешь дядю-хирурга, который покрутит тебе винтики прямо в мозгах? На рентгеновском снимке, кстати, обнаружилось какое-то странное квадратное затемнение в районе твоей левой решетчатой кости. У тебя, часом, там кто-нибудь не поковырялся, пока ты занимался программированием на благо родины? Ладно, начальство пусть разбирается, если ему надо. А мне надо по-большому.

Шрагин почувствовал, как колышется пол под чьими-то крепкими ногами. Кто-то душный покинул близлежащее пространство.

Если бы и ему можно было также уйти от этой боли. Боли, удачно грызущей камень.

Элла, Эллочка, где ж ты? Преврати меня в машину, почини меня. Честное слово, больше я не стану тебя стесняться. Ну, зачем мне бояться безумия, если только лишь безумие может мне помочь?..

Если она приходила, то никогда не упрекала его. Не разругается и сейчас. Если только придет, если спустится с какого-то неведомого адреса в одном из бесчисленных виртуальных пространств, откликнувшись на имя… Она не отвергнет его, не отвергнет. Она придет, как правильно вызванный TCP/IP-пакет[19].

И Элла пришла. Более того, впервые Шрагин так явно ощутил ее.

Впервые с тех пор, как три года назад сшибся с катушек. Сейчас он уже не стеснялся ее присутствия, сейчас он хотел любой близости, на мгновение ему даже показалось, что у нее длинные волосы золотистого оттенка…

Элла коснулась ласковыми пальцами той груды щебня, которой он сейчас был, и началось превращение.

Элла показала схему его краниальных и спинальных нейроканалов в ортогональной проекции. Вот краниальный вагус, вот паутинка спинальных нервов. И они уже разблокированы.

Схема была такой же ясной, как и на экране компьютера.

Шрагин как будто почувствовал кресло, и руки его словно легли на клавиши психопрограммной консоли. Он снова стал подпрограммистом во внутреннем подпространстве.

Мало-помалу, очень медленно, как мед из банки, сквозь тоску и бессилие протекали очертания задачи.

Из груды щебня превратить тело в набор управляемых элементов, в объект типа «телесная оболочка», а сознание из расползающейся тухлятины в виртуальную машину.

Подпрограммист заиграл на клавишах психоконсоли. Но пока лишь немногие команды достигали цели. Главное — не запаниковать снова, не наделать в виртуальные штаны. Это просто работа над собой.

Перед ним была черная глыба его тела, и он вбивал в нее психоинтерфейсы, как клинья. Интерфейсы превращались в инструменты управления телом и сенсорные коннекторы.

Психоинтерфейс инкапсулирует поток боли.

Сенсорный коннектор подсоединяется к нейроканалу.

Шрагин видит прозрачный контейнер, заполненный чем-то очень холодным, наверное, жидким азотом. В азоте плавает пакет, пристегнутый проводками к мигающему чипу. В пакете лежит глаз.

Это не просто какой-то и чей-то глаз. Это его глаз, вон, даже заметно пятнышко, где циркулем случайно кольнул в пятом классе. Глаз — это его достояние, гораздо более важное, чем сорок миллиардов баксов у Билла Гейтса. Глаз нам дается всего один раз, и он, Шрагин, еще им, можно сказать, ничего хорошего и не видел. Только серые стены, свиные рыла, холодные котлеты…

В конце концов он не обязан ни с кем делиться частями тела.

Он не дерево типа яблони — подошел, сорвал то, что нужно.

Но даже яблоня стоит за высоким забором, а он лежит здесь, распаляя хирургическую похоть потрошителей.

Превосходящий разум Энгельманна уже просчитал партию на десять ходов вперед.

Глаз господина Шрагина прыгает в глазницу господина Тугаева, шпок-шпок, с помощью наноманипуляторов соединены нервы, пристегнуты кровеносные сосуды.

Простым вычитанием и прибавлением некто Шрагин превращается в преступника, а господин Тугаев выходит из-под подозрения.

Милиция, действуя по простейшему сценарию, ищет одноглазого (по фотороботу, сделанному в Ростове), и она его находит. Это безусловно гражданин Шрагин, ныне скрывающийся от правосудия то ли в горах Кавказа, то ли на берегах Рейна.

На всех фото, где Тугаев в компании разных злодеев, следователи теперь будут узнавать Шрагина. Да еще и новые снимки появятся, где гражданин Шрагин в компании Абдуллаева и тому подобных специалистов.

Есть, конечно, нестыковка во времени — в момент похищения Ани Шерман у Сергея Шрагина были еще все глаза на месте… но ведь их прикрывали очки со специально затемненными для работы у компьютера стеклами — похожие на те, что носил Тугаев.

К тому же все нестыковки легко заглаживаются, если умело поработать, если милиция куплена, по крайней мере, куплена в лучшей ее части. Если заброшен компромат в его квартиру. А ведь наверняка заброшен. Скорее всего, давно уже там лежит, недаром заклинило вдруг навесной шкафчик в ванной и стул в комнате не на своем месте стоял.

Перспективный господин Тугаев будет преуспевать и дальше, и больше, найдется применение и набору потрошков с этикеткой «С. Ш.».

Отправятся в путь-дорогу вслед за глазом и другие его органы.

Все уже обмыслено, все просчитано, разработаны уже «бизнес-технологии».

Конвейерные пересадки, пересадки долями, и в итоге происхождение органов теряется в тумане. Кто из доноров дал согласие на донорство, кто не дал — конечному покупателю совершенно неведомо. Трухлявые внутренности богатого пенсионера N. меняются на относительно свежие, вырезанные из некоего Ш. Дырявые мозги господина NN. снабжаются крупными красивыми нейронами, извлеченными из головы некоего Ш.

И притом конечные пользователи остаются абсолютно безгрешными. Они ведь ничего не ведают и ведать не хотят. Они заплатили своими честно заработанными деньгами. Кто имеет возражения против трансплантации? Только самые дремучие товарищи с бородой до пупа, фундаменталисты, почвенники.

Поставим себя на место не какой-нибудь продажной милиции, а нормально функционирующей полиции.

Как искать, как эксгумировать труп Ш.? Нормального трупа у Ш., к сожалению, нет, «эксгумировать» его по частям — негуманно. Ну, не вырывать же органы, некогда возможно принадлежавшие Ш., из живых граждан.

Господу Богу, и то незачем воскрешать Шрагина из мертвых — поскольку мертвого, по сути нет, большинство частей и органов грешнаго Сергея по-прежнему живы-здоровы.

И не жив, получается, но и как будто не умер.

Из-за тотального огорчения виртуальная машина сознания совсем зависла.

Зависание ощущалось как прострация, заполненная переливами мути.

Но внезапно тоска была уничтожена неким «сборщиком мусора»[20]. Не выйдет, но пассаран!

Если рука Шрагина станет рукой министра иностранных дел, то вместо рукопожатия она даст в морду другому министру. Мозги Шрагина, если окажутся в голове генерального менеджера, заставят его плясать чечетку на собраниях акционеров. Прямая кишка Шрагина, вставленная в президента какой-нибудь страны, будет издавать трубные звуки во время произнесения патриотических речей.

Сенсорный коннектор снова выдал картинку. На этот раз не только жалкий бывший глаз в пакетике, но и примыкающее пространство.

Не психовать, еще раз ощутить в себе маленького решительного подпрограммиста, у которого всегда руки на клавишах. Простых и красивых сценариев сейчас нет, но это ему знакомо.

Проникнуть в каждую мышцу психоинтерфейсом, реализовать там функции движения. Воля будет тактовой частотой, на которой заработают команды для его телесной оболочки.

Для начала овладеть шеей. Черт там с мышцами, он даже не знает, как они называются. Шея будет у него теперь выглядеть как машинный вал…

Психоинтерфейс вызвал функцию движения и задал голове новое положение, всего пару сантиметров вбок по кооординате «зет».

Потом подпрограммист отвоевал у косного неоцифрованного пространства еще пару сантиметров. Но Шрагину нужны были километры.

Он снова перепозиционировал голову, всего сантиметр

налево. Потом еще сантиметр.

Но это же так мало, так несущественно. Шрагина придавил очередной приступ отчаяния.

Найди другой сценарий, более подходящий тебе, сказала Элла. Господи, Элла, да мне все подходит, лишь бы унести ноги. Ну почему ты не можешь сказать ничего конкретного, абстракционистка чертова?

Увы, Шрагин больше не чувствовал ее присутствия.

Она приходила, когда хотела. Она уходила, когда считала, что он может справиться сам. Или если сильно обижалась.

Ну, какой тут может быть другой сценарий?

Меч-сканер рассёк окружающую муть и выявил, чем заполнено примыкающее пространство.

После операции Шрагина сняли со стола и переложили на каталку. На столе сейчас лежал труп другого неудачника, мускулистого, как Тайсон, африканца, а тело русского гостя откатили в угол операционного зала…

Объектный сшиватель связал объекты нитями событий.

Шрагин слегка согнул ногу и попробовал оттолкнутся… Да, комарик по сравнению с ним и то Шварценеггер.

Нет, пора сдаваться, смиряться, молиться кротко за врагов… И почему это жертва никогда не обблюет насильника и не обдрищет его, чего она стесняется? Почему приговоренный к расстрелу гордо марширует к стенке, вместо того чтобы визжать и поджимать ноги? Разве он не понимает, что только облегчает работу мясника и увеличивает производительность труда у людоеда? Почему висельник сам просовывает голову в петлю, вместо того, чтобы грызть зубами пальцы вешателя?

Подпрограммист стал вбивать клинья психоинтерфейсов, пробиваясь к правой руке, ближайшей к стене. Рука дрогнула, дрыгнула, звеня от непосильного напряжения, и оттолкнулась от стены. Каталка стала движущимся объектом…

Путешествие из пункта А в пункт Б благополучно завершилось через две секунды, можно теперь писать путевые заметки.

А вот это что? Это же пульт управления от каталки — лежит на тумбочке. Всего пятнадцать сантиметров. Надо вытянуть шею, надо еще немножко повернуть голову.

Шрагин снова наплевал на реальную физиологию и представил шею как поршень.

Минута изнурительного усилия — и поршень двинулся вперед, зубы подхватили пульт. Через секунду пульт едва не смайнал в зазор между каталкой и тумбочкой, но обслюнявленная добыча все же была перетащена на каталку.

Отдышавшись, Шрагин снова ухватил пульт зубами. Кнопки были на вкус противные, горькие, но каталка слушалась их, она развернулась, едва не впилилась в какой-то аквариум с потрохами, но благодаря своим сенсорам тормознула вовремя, затем двинулась на выход из операционного зала.

Не хочется бодать дверь операционной. Но иначе как выйти? Отключить сенсоры, блокирующие столкновения, откатиться назад, снова рвануться на приступ — Mon Diex et Mon Droit — и на этот раз распахнуть дверь.

Впереди был простор. Каталка понеслась через вытянутое помещение складского типа. Было также здорово как когда-то в горах, при полетах на вертушке. И чудному лихаческому кайфу не мешали даже странные упакованные в полиэтилен предметы, висевшие по сторонам на крюках.

Каталка с невероятной скоростью (пять камэ в час) «промчалась» через складское помещение и «вырвалась» в коридор! Это ли не победа, не апофеоз и не триумф? Он уже в охлажденной части музея, где проживают биоавтоматы, где он недавно побывал, так сказать, с экскурсией.

Триумфатор задал новое направление, предвкушая быструю езду, для которой пришлось так медленно запрягаться. Но тут на него посмотрела свинья, посмотрела грустными человеческими, чуть ли не профессорскими глазами.

Каталка застряла в узости среди стеклянных полувольеров-полуаквариумов и не желала никуда двигаться. Все, приехали, надо было вовремя включить каталочные сенсоры обратно…

Наверное, его теперь не просто разберут на части, а попробуют скомбинировать с «промежуточным носителем» вроде свиньи.

Свиньям-то какая радость, какие перспективы открываются…

Освинячившийся Шрагин не спасет Аню Шерман. Вочеловеченная свинья станет очередной вехой на победном пути Энгельманна и Тугаева к светлому будущему, состоящему из квазилюдей-энгельманнов и полулюдей-Тугаевых.

Еще раз ухватить психоинтерфейсом свою конечность — это просто бесконечность какая-то — и донести ее до шланга, выходящего из автомата «искусственные легкие».

Не донес, потому что рухнул с каталки. Из-за сотрясения он несколько минут ничего не слышал, кроме того, как булькает кровь, заполняя его нос и глотку. Похоже, это свинья с грустными профессорскими глазами как-то поучаствовала — ухватила своей пастью свисавшую с каталки простыню и дернула.

После жесткой посадки голова заполнилась тяжелой болью, Шрагин почувствовал движение рвоты вверх по пищеводу и едва

не захлебнулся ей. Мучительно отозвались многие дотоле спящие нейроканалы. Подропрограммист тут же набросил на них петли психоинтерфейсов, сыпанул с консоли командами, сенсорные коннекторы стали усиливать и фильтровать сигналы из примыкающего пространства.

Вызывая функции движения, Шрагин переместил свою голову вверх по координате «игрек». На полу осталась метка — лужица крови, вылившаяся из сломанного носа. Теперь выдернуть из вены капельницу, вытащить слюноотсос из рта.

Все успешнее управляя элементами телесной оболочки, Шрагин взгромоздился на карачки и, пытаясь не развалиться на отдельные детали, отработал несколько метров по горизонтали. Голова уперлась в какой-то ограничитель и не пускала дальше. Цепляясь руками за гладкую вертикаль, он встал на колени и уткнулся носом в стекло. Там размытым пятном обозначилась чья-то физиономия. Ну, так это ж его собственная, других дураков тут нет. Повязка на глазу, из-под повязки кровоподтек. Ниже носа тоже запеклась кровь, и на рубахе. Нет, это не физиономия, это харя какая-то.

А ведь мог сейчас сидеть чисто вымытый, выглаженный и обоеглазый, в каком-нибудь кабачке-кнайпе на бережке Альстера и потягивать дорогое бархатное пивко. Но Сам выбрал эту муку и каку, Сам прыгнул в кровавое говно.

Его уцелевший глаз спонтанно и болезненно перефокусировался и встретил за стеклом взгляд отрезанной головы. Судя по сказкам, мертвые головы дают полезные советы, но эта — совсем не сказочная.

Голова Коляна разлепила губы и, пустив струйку зеленоватой слюны, прошипела: «Лифт».

Она точно сказала «лифт». А еще она сказала: «цветок».

Лифт возле какого-то цветка. Но где этот цветок? Шрагину не по силам крутить оставшимся глазом, а поворачиваться всем телом — еще тяжелее. Да и вообще не видит он почти ничего — взгляд как будто продирается сквозь толщу мутной воды. Какой еще цветок? Здесь, в этом царстве мертвых, не может быть никаких цветов.

Башка Коляна бредит, если вообще еще способна варить. Или? Может быть, вот это и есть цветок для Коляна, заплутавшего в энгельманновской пустыне.

Если посмотреть в левый угол помещения, то несколько разноцветных приборов, расположенных вдоль линии взгляда, создают впечатление цветка. Особенно если потеряна объемность зрения.

Может быть, там лифт?

«Спасибо, Колян».

«Возьми это».

Что взять? Может быть, вот этот пенал, где внутри плавает какая-то гадость?

Шрагин кое-как подхватил пенал левой рукой и пополз в сторону лифта.

Лифт — слишком шикарно сказано. Маленький грузовой подъемник, очень удобный для плавного перемещения экспонатов и препаратов, которых нельзя брать в руки, встряхивать и бултыхать. Но ехать-то все равно надо. Надо убираться с этого минус второго этажа.

Все плыло перед единственным полуслепым глазом, кнопок на пульте лифта становилось то пять, то шесть, то вообще нисколько. Вот, кажется, зацепил зеленую кнопочку вызова. Надавил. Что-то происходит или нет? Лифт пришел, распахнулась незначительная дверца. Куда поедем? На нулевой этаж. Шрагин стал себя запихивать в ящик, где было бы просторно, пожалуй, одной только голове, да и то, если нос не слишком длинный. У Шрагина был длинный. Он как-то втиснулся, тут сработал сенсор, и дверца резко сомкнулась. Что-то треснуло, осталось снаружи, на минус втором этаже, возможно, воротник или прядь волос, но лифтик уже двинулся в сторону нулевого этажа.

После остановки сформулировалась очередная проблема. Дверь крохотного лифта можно было открыть только с наружнего пульта. Выпустить его отсюда мог любой, только не он сам. При этом спаситель автоматически делался погубителем.

К терзаниям душевным добавились все более непосильные муки физические. Анестетики испарялись из Шрагина, и в безбожно изогнутом теле, сломанном носе и вырванном глазе воцарялась законная боль.

Шрагин безуспешно подергался, потом попытался отключиться от своей телесной оболочки. Боль оказался теперь гораздо упорнее, чем раньше, и ему удавалось отфильтровать лишь самые крутые болевые пики.

Случайно среди собственных стонов и вздохов, он различил сигнал снаружи — с той стороны мерно приближались две ноги. Как бы изготовиться к приему гостей?

Некто, пытаясь разобраться с причиной странных шорохов, открыл дверцу лифта и получил каблуком в лоб. Вот тебе наша благодарность. Повезло, удар оказался снайперским, прямо в десятку, если точнее, в пятак, хотя лицо освободителя выглядело для полуслепого Шрагина, в лучшем случае, как жирное пятно на вощеной бумаге.

Шрагин неуклюже и скрюченно вывалился из лифта прямо на тело избавителя, что несколько смягчило падение. Как выяснилось, ему удалось сразить какого-то технического работника. В кармашке комбинезона у техника была нашарена связка ключей. Один — явно от машины. Другой, по логике — от разместившегося на этом же этаже гаража.

Слюна капала изо рта и оставляла некрасивую дорожку вслед за передвигающимся на четвереньках Шрагиным.

Около двери, ведущей в гараж, ее натекло больше всего, поэтому пришлось выдержать нешуточное сражение с замочной скважиной. В коленопреклоненной позе так ничего и не удалось добиться, ключ неизменно выпадал из замка, а следом валился и сам Шрагин.

Наконец он приставил себя к двери и стал медленно тянуться ввысь, только тогда и удалось овладеть замочной скважиной. Дверь распахнулась, и Шрагин рухнул на бетонный пол.

Обошлось без сотрясения мозга (мозг и так уже был как кисель), но в перечень ранений, травм и уродств добавились еще расквашенные губы. А в список достижений можно было внести значительное восстановление двигательных способностей.

Теперь можно было и встать, в прямом смысле этого слова, сделаться из четвероногого двуногим, хотя до гордой стойки современного человека было еще далеко.

Новоявленный хомо эректус обходил гараж, свесив руки к бетонному полу — красоты мало, но зато страховка при падении.

Какая из автомашин станет его трофеем? Можно, наверное, угадать по марке, но что-то ее плохо видно, так что остается только обшаривать эмблемы на капоте.

По счастью, с автомашинами в гараже в этот неприемный час было негусто. Два фургона ФИАТ «Ивеко» — явно не то. «Мерседес» и «БМВ» последней модели — тоже не годятся скромному технику. Шикарная «хонда аккорд» — сомнительно.

Скорее годятся ему этот «опелек» или тот «фордик». Но здесь ключ не подошел. Кстати, время уже отключившемуся технику включиться и завопить нечеловеческим голосом. А вдруг его машина стоит где-нибудь снаружи? Уже без всякой надежды Шрагин попробовал ключом «хонду». Подошло!

Шрагин запихнул себя в машину и рванул с места, чуть не проломив выходные ворота. Впрочем, те поддались сигнализатору на брелке, украшавшем связку трофейных ключей.

Последний раз автолюбитель Шрагин водил машину полгода назад. И это кончилось плохо. Но тогда он кое-что видел на дороге. А сегодня он едва различал разделительную линию. Каждое переключение скоростей сопровождалось

конвульсивными рывками. Каждый поворот заносом. Тоета прежних дней ездила по бездорожью и на русской равнине, а эта «хонда» — по иностранной дороге в гористом регионе. По какой стороне тут вообще ездят, по левой или правой? Чтобы ответить на этот вопрос, надо было вспомнить, в каком царстве-государстве он находится. Да, поездка нынче могла закончиться не просто в крепких объятиях местных гаишников, а на придорожном столбе, где окажутся и яйца всмятку и гоголь-моголь из мозгов.

Но что-то помогало Шрагину не превратиться в яичницу на первом же придорожном столбе — то ли Элла нашептывала ему путь, то ли его сенсорные коннекторы подсели на какие-то неведомые каналы, которые уходили, как усики гигантского насекомого, в темноту и делали ее немного осязаемой.

Теперь главное — не превышать скорость достаточно, скажем, семьдесят камэ. Иначе его ухватит какой-нибудь радар, и через десять минут он окажется в полицейском участке, с расквашенной физиономией и с вырванным глазом. Или ему надо именно в полицию? Нет, в полицию лучше потом. Полиция ему не поверит, сочтет все за клевету русского бандита на добропорядочных граждан объединенной Европы. А вот за «хонду», угнанную придется отвечать немедленно. Нет, надо добраться до Германии, еще лучше до Бонна, до российского генерального консульства. Нет, это тоже не годится. Там быстро всплывет, что его разыскивает родная милиция.

Шрагин посмотрел в зеркальце и увидел какие-то шмотки на заднем сиденье. Похоже, бывший владелец «хонды», придя на работу, переоделся в фирменную униформу, а свою цивильную одежду оставил в салоне.

Как там верно выразился один французский маршал во время сражения на Марне, «мой левый фланг разбит, мой правый фланг разбит, я перехожу в наступление».

Наступление начнем с утреннего туалета, то есть надо переодеться и умыться. Справа от дороги смутно мерцало какое-то озерцо. Шрагин своевременно заметил съезд, предназначенный для купальщиков и рыболовов, и омыл колеса трофейной «хонды» в люксембургской воде.

Затем искупался сам — температура воды не имела сейчас никакого значения, потому что кожа потеряла какую-либо чувствительность.

Смыл кровавую маску с лица. Натянул шмотки срубленного техника — хороший костюм, лишь немного широковатый в плечах, с этим у него всегда проблемы, и бизнес-туфли. Съел пару обезболивающих таблеток из бардачка, потому что на смену

всеобщей вялости приходила боль в ранах и особенно давала знать о себе кровавая дыра на месте глаза. Ублюдки, ублюдки! Сейчас, когда ему удалось унести задницу от расчленителей, ярость и обида корежили его, усиливая боль. А все началось с этого чертова олигарха Шермана. Нашел кого жалеть. Дельцы — не люди. Никого нельзя жалеть, кроме самого себя. Возлюби самого себя, а потом, если успеешь, уже все остальное. Он стал инвалидом, уродом, трехпалым, почти-слепцом — кому и как он может помочь? Ну разве что таким макаром, который изображен на известной картине Брейгеля.

Огорченный, но умытый Шрагин хлопнул дверью и рванул машину — видимо для того, чтобы при въезде на автобан подрезать другую машину.

В бесконечной истории неприятностей начиналась новая глава.

Из подрезанного «ауди» выскочил маленький вертлявый и чернявый человечек. Понесся к Шрагину с быстротой молнии. Что-то затарахтел на одном из многочисленных южноазиатских языков, в руке его прыгал мобильник. Но потом увидел лицо Шрагина в свете фар и резко перешел на спокойный и четкий немецкий язык, даже мобильник положил в карман.

— Я думаю, мы можем обойтись без привлечения полиции, — сказал этот типчик. — Дверца помята, молдинг сломан, бампер поцарапан. Триста евро минимум. Или вы привыкли считать в долларах?

— Я привык считать в бутылках. Слушайте… может, возьмете запасным колесом? — предложил Шрагин.

— Но у меня уже есть запасное колесо, — несколько озадаченно произнес человечек, видимо, полагая еще, что в «хондах аккорд» ездят приличные, пускай и несколько побитые люди.

Шрагин понял, что время пошло на секунды, которые вот-вот истекут, и тогда человечек, несмотря на некоторый испуг, попробует вызвать полицию. Так что, угомонить азиатца? Ударить, например, ближайшей каменюкой? Ударить можно, но можно и промахнуться, фары слепят. Да и вроде этот типчик ни в чем не виноват.

— У меня есть некоторая проблема с наличностью, — признался Сережа.

— Но, может, у вас есть чековая книжка? Или кредитная карта? Мы могли бы доехать до ближайшего банк-автомата.

— Да нет у меня кредитки, потерялась куда-то.

Человечек, сотканный сейчас из страха за свою жизнь и обиды за покалеченное имущество, пребывал в глубоком

сомнении, как же ему поступить.

— Вы чем занимаетесь, у вас есть визитная карточка? — занудил азиатец.

Все, пора трахнуть его булыганом, пусть даже наугад — достал, гад.

— А что с вашим глазом? — спросил он вдруг.

— Продал, — нашелся Шрагин.

— А еще что вы продаете?

Шрагин вытащил из бардачка пенал.

— Это похоже на гипофизы, — сказал человечек авторитетным голосом. — Три человеческих гипофиза. У меня в машине анализатор лежит. Давайте-ка ко мне в салон.

Пару минут спустя он оторвался от дисплейчика своего анализатора и поинтересовался:

— Сколько вы хотите за это?

— А сколько вы даете? — незамысловато отреагировал Шрагин.

— На официальном рынке это стоит порядка двадцати тысяч евро. Но вы же понимаете, там нужны документы. На полуофициальном рынке в Люксембург-штадте это котируется где-то на уровне десять тысяч евро. Но там тоже нужны кое-какие документы или, по крайней мере, рекомендации. Здесь, на темной дороге, это стоит не более пяти тысяч.

— А вы наличными будете расплачиваться? — спросил Шрагин, стараясь не выдать радостный трепет.

— Если вы не согласны взять чек, то наличными будет еще меньше. Четыре тысячи.

Что он будет делать с этим чеком? На обслуживание чека любой банк в Германии возьмет два-три дня и чем это закончится — неизвестно.

— Наличными. Но в евро немецкого выпуска.

— Окей. Почему-то считается, что немецкие купюры подделываются меньше, чем итальянские или греческие.

4

Сделка состоялась. Причем каждая из сторон считала, что серьезно надула другую. Скорее всего, Сережа напоролся на одного из торговцев человеческими органами и тканевыми препаратами, для которых Люксембург стал настоящей органической Меккой в последнее время. Возможно, азиатец направлялся именно в Музей Человека, чтобы совершить там какие-то сделки, например, приобрести эти самые человеческие гипофизы, столь необходимые для изготовления геронтологических лекарств…

В любом случае, комок купюр в кармане стимулировал выделение эндорфинов и функционировал получше любого обезболивающего средства.

В предместье Люксембург-штадта Сережа бросил трофейную «хонду» и прошел пару сотен метров в сторону яркоосвещенных шпилей местного Нотр-Дама, размышляя о своем дальнейшем перемещении в пространстве.

Возможно, тут бы его и сцапала полиция, но он нечаянно влился в толпу борцов с обществом массового потребления, так называемых «контр-глобализаторов», шедших маршем через Европу. Большинство борцов были несколько не в себе, их украшали синяки и кровоподтеки, не столько от столкновений с полицией, сколько от падений на дорогах и внутренних споров. Так что Шрагин на их фоне не особо выделялся. Несмотря на разрядку внутренней напряженности, его огорчила неспособность борцов сформулировать какие-то осмысленные цели. Лозунг «Работа — это говно» на роль ведущего явно не годился. Лишь несколько более-менее причесанных людей, именовавших себя «продуктивной контрой», выступали за натуральное хозяйство с замкнутым циклом. Как понял Шрагин, это яма с помоями, которые преобразуются наноботами, наноассемблерами, нанорепликаторами, наносерверами в продукты, необходимые для жизни; потом продукты опять превращаются в дерьмо, и так до бесконечности…

Ближе к центру города завязалась борьба с полицейскими машинами, которые стали лупить «контру» большими пластиковыми мешками, пытаясь направить их по другому руслу, мимо герцогского дворца.

«Контра» валилась как скошенная пулеметом. Чтобы не быть погребенным под кучей тел, Шрагин метался, словно подраненный заяц. Каким-то чудом ему удалось выскочить из гущи сражения.

Разгром «контры» в центре Люксембург-штадта сослужил ему хорошую службу и на некоторое время вперед — теперь его жуткая внешность уже не привлекала особого внимания. Шрагин поймал такси и не вылезал из него уже до самого Дюссельдорфа.

Минус двести еврок, и вот он на Дюссельдорфском вокзале, где тихо-мирно в камере хранения вещи дожидались своего непутевого хозяина. Шрагин чуть не всплакнул от зависти — бездушным шмоткам и железкам никто и ничто не могло причинить вреда.

Там, на вокзале, полицейский патруль опасно приблизился к нему, он успел повернуть свою изуродованную физиономию к какой-то витрине, оставив на обозрение только спину в хорошей пиджачной ткани. Затем отогнал парочку Schwul'ей[21] и заперся в платном общественном туалете. По счастью, в рюкзаке имелись запасные очки, а также белый антисептический крем, подходящий для улучшения цвета и вида лица.

Подумав, Шрагин решил выбрать гостиницу подешевле, из тех, что никогда не рекламирует свои услуги, где номер-сингл только тридцать «евро-тугриков» за ночевку. Нашелся такой, с позволения сказать, отель в паре километров от вокзала, в перестроенном пакгаузе.

Шрагину понравилось, что портье как будто не разглядывает его, да и сам похож на шута горохового. Вымазанные блестящей гадостью и зализанные вперед волосики, десяток колечек в ушах, бабья кофта в обтяжку на тощем тельце.

Расположившись на сильно продавленном диване в прокуренном номере, Шрагин стал мечтать о дальнейшем улучшении своего внешнего вида.

Как же улучшить вид и заодно защититься от возможных инфекций и прочих осложнений? Ответ простой: надо обратиться к доктору, воспользовавшись немецкой медицинской страховкой. Впервые с посадки в дюссельдорфском аэропорту Шрагин включил смартфон г-жи Шерман, и в списке полезных номеров нашелся некий хирург доктор Дидрихс, проживающий в районе Кельн-Дюссельдорф.

Шрагин нажал кнопку вызова, но вместо живого хирурга с ним стал общаться робот, автоответчик и автовопросчик.

Что беспокоит? Имеется ли немецкий страховой полис? Приемные часы такие-то, но без предварительной договоренности нельзя. По какому номеру вам позвонить? Когда? До встречи.

Теперь отдыхать. Душ завтра. А вот еда какая-никакая нужна сегодня. Вызвать по мобильнику пиццу? Почему нет? Вот тут под столиком есть нормальная телефонная книга. Набираем первую попавшуюся итальянскую лавчонку. Им-то какое дело?

Пицца пришла через десять минут. Стараясь не распахивать широко дверь, Шрагин протянул купюру и забрал коробку. Ариведерчи.

Еда была гадкой, жесткой, холодной, ее явно придумал какой-то мафиозный Буратино, вместо приятной сытости она вызвала неприятную тяжесть в желудке.

Но дело было сделано и, не снимая штанов, Шрагин завалился спать.

Его заставило проснуться сильно заколотившееся сердце. Прошло только три часа, болело все, что могло болеть, к тяжести в желудке добавилась тяжесть в голове.

Внизу явно хлопнула дверь, и кто-то вошел в гостиницу.

Ну, мало ли, подгулявший постоялец, проститутка там.

Шрагин заставлял себя встать и подойти к окну, когда вдруг заиграл мобильник. Так неожиданно, что Шрагин подпрыгнул на своей койке и провисел в воздухе куда дольше, чем положено гравитацией. Ах, черт, забыл выключить после звонка в пиццерию… Теперь надо «поднять» трубку.

Это была Рита. И хотя голос ее был ровным, даже монотонным, но высоковольтное напряжение почувствовалось сразу.

— …У вас дома был обыск, на вашей куртке нашли сломанный ноготок Ани, еще обнаружился «жучок», с помощью которого вы отслеживали каждый ее шаг, у вас лежало Анин «спрей» от насморка, на вашем рабочем компьютере имелся план района возле Аниной школы и ее снимки по дороге домой…

Даже обиды Шрагин не ощутил.

— Послушайте, Рита, у меня дома или на рабочем компьютере могли найти и фургон «Мерседес», на котором Аню везли до Ростова.

Шрагин задумчиво посмотрел на мобильник и положил палец на кнопку обрыва связи.

— Что у вас с глазом? — вдруг спросила Рита.

Ну да, как он забыл, мобила ведь не простой, а с видеоглазком.

— «Что», «что». Потерял в кустах. Точнее, мне его удалили, чтобы я больше напоминал похитителя Ани. Наверное, уже всплыло, что киднеппер был одноглазым. Учитывая, что левый мой глаз не способен отличить какашку от сардельки, то мне вряд ли светит карьера Нельсона, Моше Даяна или Кутузова.

Рите потребовалась некоторая пауза.

— Кто и где это сделал, господин Шрагин?

— Приличные вроде люди в как будто приличном месте. Типа великого герцогства Люксембурга, которое на карте не заметнее,

чем гулькин хер. В подразделении уважаемой фирмы «Фармаланд». Подразделение носит гордое имя Музей Миры Человека. Возглавляет его талантливый научный менеджер Антуан Энгельманн-Ферреро, помощником у него безмерно одаренный Йозеф Динст. Энгельманн является также шефом замечательного фонда «Исцеление без границ», с которым так активно контактировала прекрасная Вика Каширская. В музее я имел честь лично познакомиться с такой интересной личностью, как Руслан Тугаев. Интересен он в частности тем, что украл девочку Анечку, не каждый ведь это может. И в результате нашего знакомства у него с глазами теперь все в порядке, а у меня вот некомплект…

Госпожа Шерман никак не отреагировала на его слова, хотя голос ее словно потрескался, не выдержав внутреннего напряжения.

— Они прислали второй пальчик Ани. Вчера в больнице умерла Розалия Самуиловна. Саша уже неделю не появляется дома. Андрей мне ничего не оставил, кроме долгов. Это — все…

— Нет, Рита, это не все. Если я занялся этим, значит все продолжается. Ведь я никогда ничем таким не занимался, и вдруг. Вот вам первое чудо. Конечно, противник силен, это же будь здоров какая мафия, можно сказать, международного масштаба…

— Да, можно сказать, международного масштаба, — повторила она.

Даже тогда, около парадной, Рита производила впечатление куда более собранной и энергичной женщины.

И тут внутри Шрагина все деформировалось от ужаса — по гостиничному коридору, явно в направлении его номера, шли люди.

Трое, как минимум. Шрагин обрубил связь и сунул мобильник в карман штанов. Шаг почти торжественный. Не полицаи ли — чертов портье мог заложить его, получив оперативную информацию, которую Крипо[22] разослала по всем отелям. Немецкая полиция отличается завидной трусливостью и пускает оружие в ход еще охотнее, чем американская. А русских она боится пуще всего. Как никак, все русские — мафия. И каждый второй — пахан или киллер. Не поспешил открыть дверь, получи пулю.

Шрагин открыл не дверь, а окно. Четвертый этаж. В дверь постучали.

— Polizei. Tuer aufmachen![23]

Похоже, не полицейские, акцент чувствуется — значит, дело еще хуже.

Паника оформилась в какого-то зверька и стала биться под горлом.

Шрагин выглянул из окна.

Вот единственный оставшийся выход.

Пройти по карнизу, точнее по двадцатисантиметровому выступу, где-то три метра и перемахнуть на высоченную лиственницу? Или же просто открыть дверь ночным визитерам? Или получить пулю в лоб? Одно из трех, и это «одно» в любом случае — дрянь. Сердце, жалко вибрируя, упало вниз и долетело до уровня пяток.

Но, по счастью, у подпрограммиста не было сердца, он просто разработал сценарий и прочертил траекторию событий. Сценарий захватил тело Шрагина и толкнул на выход.

Шрагин вышел в окно и пошел по карнизу. Сейчас вы увидите, вороги, как падает и разбивается в хлам русский лейтенант запаса. Только не смотреть вниз, на полоску крепкого немецкого асфальта. Есть только стена дома и он. Стена моя, жена моя, долго ли нам маяться, только не отталкивай меня сейчас, когда я прижимаюсь к тебе всем телом. В его номере вылетела дверь. Ну, прыгай на дерево. Как прыгать, если прыжок — результат сгибания и разгибания, а как раз колени согнуть сейчас невозможно?

В окне возникла физиономия — нет, не полицейского, а бандюгана.

А среди темной листвы засветилось заговорщицкое лицо Эллы. Системная хранительница сформулировала задачу: повернуться к стене правым боком и, прежде чем упасть, оттолкнуться ногой и рукой. Шрагин исполнил все в точности, но как-то обреченно, и, наверное, больше упал, чем оттолкнулся. Руки его не схватились за ветки, потому что он не различал их во мраке. Конторский Дюссельдорф — это вам не сияющий огнями Лас-Вегас.

Но где-то на высоте третьего этажа ветви лиственницы сами приняли его тело, затормозили, самортизировали, а на уровне второго этажа ему удалось, наконец, ухватиться, ободрав кожу на ладонях.

По какой-то длинной ветви Шрагин съехал на несколько метров вниз, а потом истерзанные руки разжались, и он рухнул на асфальт, невзирая ни на какие психоинтерфейсы. Хотелось подольше полежать, но надо было бежать, потому что преследователи уже скакали по лестнице вниз.

Кроме темноты он видел только несколько световых пятен — они медленно плыли в неизвестном направлении, оставляя фосфоресцирующие следы. Похоже, это были уличные фонари.

Единственный глаз никак не хотел привыкать к ночной обстановке, хотя ноги уже несли куда-то.

Присутствие Эллы еще ощущалось. Подпрограммист создал психоинтерфейс, который проник в геометрию города. Через бог весть какой коннектор пришла визуальная информация — вытянутые призмы улиц и втиснутые между ними россыпи кубиков-домов.

Шрагин бежал сквозь геометрию и остановился только на мгновение, потому что его глаз уткнулся в слегка освещенное стекло автомобиля. За стеклом была Рита, а рядом незнакомый тип с мерзким рылом. Шрагин сделал рывок, перевалился через какое-то проволочное заграждение, обогнул кубик гаража и наконец замер, втиснувшись между мусорных контейнеров, слушая, как мечутся легкие по клетке из реберных костей.

Ошибки быть не могло, Рита привела к нему братков, которые переломали бы ему все кости, вытянули из него кишки и стали бы играть на них блатными аккордами. Она не верила ему ни на полслова, хотя даже изливала перед ним душу. Как же она узнала, где он? Элементарно — смартфон «светил в ночи». Похоже, там, в Питере, она просто подсунула мобильник ему в карман…

«Рита не поверила, что я чист перед законом, что меня оклеветали и подставили… Или же она поверила, но дело не в этом? Если она просто заключила сделку с Тугаевым и Энгельманном, и условием этой сделки является то, что она «сдает» меня? Иначе ей не получить дочку назад. Даже этот разговор по телефону был ей нужен, чтобы задержать меня… Риту понять можно. Она решает задачу по спасению своей Ани, и в этой задаче я не герой, а мелкая разменная фигура. Мои схемы не работают, прототипы и классификаторы, которые существуют в моей голове, не достоверны. Зинаида, может, и не хищник вовсе, а верный друг, который был убит теми, кто подбрасывал компромат в квартиру… Все теперь как-то иначе видится. Зинаида ненавидела мои электронные замки, потому что они мешали ей контролировать квартиру — в моих же интересах. Она забила гвоздями тот шкафчик в ванной, чтобы в него ничего не подсунули. Ее ликвидировали незадолго до того, как я последний раз побывал дома. Компромат уже был в моей комнате, она его нашла, тут как раз появился убийца — Тугаев, наверное. И после недолгой схватки Зинаиды Васильевны не стало, светлая ей память. Сделав свое дело, киллер навел в комнате марафет, только стул не там оставил, да и пара зинаидиных волосков потерялась на полу. Уходя, киллер закрыл фрамугу, не зная, что в это время программа держит ее открытой. У Зины были чудесные

волосы, зубы, хороший зад, грудь тоже неплохая, почему же я так ее ненавидел?..»

А почему он чурался Насти из Носопаткино? Она его приняла, когда все и вся его отвергали. Она родила ему сына, у нее был ласковый голос и гладкая кожа.

Почему он все время бежит от людей, которые любят его, и льнет к тем, кто готов предать его сто раз на дню?

Ну и каково теперь сальдо? Надеяться ему больше не на кого. Это — глобальная мысль. Конкретная мысль — от шикарного трофейного костюма остались только брюки, которые ему лень было снимать перед сном… Пиджак так же как остальные пожитки, стал добычей врага.

Впрочем, бумажник по старинному обычаю русских челноков и туристов висел на шее, под майкой. Да и с одеждой дело поправимо.

Из мусорного контейнера с надписью «Kleidung» Шрагин выловил нечто напоминающее пиджак, а из прислоненного к контейнеру мешка выудил какие-то полушлепанцы-полуботинки.

Затем он вытащил из кармана смартфон, чтобы закинуть его в мусорный бак. Никогда больше эта штука не будет выдавать его врагам. Вот черт, мобильник по-прежнему был включен. Он был включен, и он бибикнул. Вызов!

Ритины ребята могут появиться здесь в любую секунду. Шрагин запустил смартфоном в какую-то неведомую даль. Куда бежать?

Кто-то дотронулся до его плеча, заставив вздрогнуть от корней волос до промежности. Он обернулся — перед ним стояла женщина азиатской наружности…

— Спокойной ночи, — сказала она по-русски, — я доктор Дидрихс, а вы господин Шрагин, если не ошибаюсь.

Она такая же Дидрихс, как и я, первым делом подумал Сережа.

Она вытащила пистолет, он беспомощно заслонился руками, но пистолет оказался всего-лишь зажигалкой для длинной коричневой сигареты «More». Надо было что-то сказать, но что?

— Вы хотите спросить, как я вас нашла?

— Нет, то есть да, — охотно согласился Сережа.

— Когда вы звонили, у вас камера на смартфоне работала, так что мой автоответчик видеоинформацию тоже записал. На видео все выглядело так, будто вы нуждаетесь в срочной помощи. В реальности, кстати, тоже. Так вот, насчет срочной помощи. В моей дюссельдорфской практике я бы вас могла принять только в субботу, потому что сейчас я лечу на всех парах в Амстердам, у

меня там работа в клинике, оперативная хирургия. А вам как раз что-то оперативное и требуется…

— Но как конкретно… — промычал в нерешительности Сережа. Все его рентгеновские взгляды отражались от гладкой непроницаемой наружности этой женщины, сделанной по технологии «стелтс», и возвращались назад, не принося никакой информации.

— Я понимаю, нервы у вас на взводе… Но мне не хочется терять драгоценное время на объяснения, тем более, что для вас оно сейчас даже важнее, чем для меня… Во время соединения сотовый оператор распознает ваше местоположение с точностью до десяти метров. И если вы не запретили оглашать эти сведения, то я имею право их у оператора получить — за небольшую плату, разумеется. Этим обычно пользуются мамаши и папаши, которые желают присматривать за своими детками. Ну, ответ удовлетворительный?

Врет, не врет? Ее машина стояла в двадцати метрах, а из-за ближайшего дома уже выруливал какой-то подозрительный автомобиль.

Пожалуй, не врет.

— Вопросов больше нет. Заберите меня отсюда в Амстердам.

«Порше» госпожи Дидрихс мягко тронулся с места. Сережа не знал, как намекнуть, чтобы докторша прибавила темпу, но она сама сказала:

— Похоже, вас ищут друзья. По-крайней мере, кто-то хочет с вами пообщаться.

— Я сегодня не с той ноги встал, поэтому лучше в следующий раз.

Госпожа Дидрихс сделала несколько крутых поворотов, промчалась по территории строящегося объекта, показав сноровку и скорость, достойную автогонщика.

— Все, мы оторвались, — Подытожила она. — Сразу видно, что они не местные и не знают, что такое езда без ограничений скорости. Вы, похоже, тоже не коренной дюссельдорфец.

— Да, я из Питера. Я программист из Питера, хотя тоже не коренной.

— Ну и?

— Ну и ваш телефон мне дала одна женщина, потому что я ехал в Дюссельдорф. Так сказать, на всякий случай.

— И этот «всякий случай» настал. И эту женщину зовут — Маргарита Шерман. Верно? А вас как по имени, господин Шрагин?

— Сережа.

— А меня Долли. Или можно — Даша. Так называл меня

господин Шерман. Он меня и русскому научил, вернее, доучил. У меня папа Баумановку закончил в те времена, когда «русский с китайцем братья навек». А с Ритой мы однокашники. В число однокашников по кельнскому университету можно внести и Андрея, хотя он, вообще-то, с другого факультета. Шерман, можно сказать, дружил со мной, но женился на Рите, потому что в России она была девушка со связями. Так, по крайней мере, я себе это объяснила.

Мурашки толпой пробежали по коже. Как густо все намешано. Долли с Ритой не то две подруги, не то две невесты одного жениха, то есть две злейшие врагини…

— А вы кажется тоже не здешняя? — с невольным провинциальным акцентом спросил он.

— Да, я из Китая. Европейское имя я сама себе придумала, а фамилия — от муженька-голландца.

5

По дороге в Амстердам она дала ему обезболивающее средство, а он вдоволь поразглядывал ее вытянутый скуластый профиль, какой-то очень древний и воинственный на фоне унылой Европы. Она была красивой — по своему, конечно. И кожа у нее была вовсе не желтая, а скорее бледная, с легким бронзовым оттенком.

Насчет обстоятельств пропажи глаза она не выспрашивала, само собой и он не рассказывал. Это полиция выспрашивает обстоятельства, а доктор интересуется совсем другим.

— Значит, господин Шрагин, у вас есть немецкая страховка. И она лежит в камере хранения на вокзале в Дюссельдорфе. Да, в Голландии она тоже сгодится. Европа едина и неделима, особенно в том, что касается денег. Но, впрочем, некоторые различия еще сохранились. В Голландии марихуана и синтетическая дурь продаются свободно, а в Германии есть кое-какие ограничения. Поэтому сегодня утром на шоссе так много потрепанных машин, набитых молодыми людьми сомнительной наружности. В некоторых авто поприличнее можно увидеть за рулем делового молодого человека, а на заднем сиденье старика или старушку. Эвтаназия в Голландии производится, так сказать, без лишних формальностей… Кстати, ваша страховка покрывает только операцию и больничный уход, а вам понадобится еще и протезирование. Ведь надо что-то делать с вашим глазом, вернее, с его отсутствием. Да и взамен потерянных пальчиков можно что-нибудь изваять при желании…

— У меня при себе четыре тысячи евро…

— Ясно, господин Шрагин, до зарплаты вы еще не дотянули… Но у меня есть на примете несколько хороших медицинских инженеров. Они хороши уже тем, что много не берут, потому что все из стран третьего мира, и работают, между нами девочками, как леваки, без лицензии, руля и ветрил…

Дидрихс сделала несколько звонков по своему мобильнику, лихо тараторя на каких-то абсолютно тарабарских языках.

— Значит, так, иных уж нет, а те — в тюряге, — обратилась она снова к Шрагину, — поэтому я договорилась с господином Ваджрасаттвой. Этот господин будет в клинике к полудню. Мне его только на днях порекомендовали, а разговаривала я с ним вообще первый раз. Судя по рекомендациям, господин Ваджрасаттва любит экспериментировать, и иногда у него это получается. Даже не знаю, в плюс это или в минус. Надеюсь, что сегодня он будет в форме…

Амстердам понравился Сереже, хотя свежеиспеченный циклоп едва мог разглядеть город единственным своим оком. Амстердам казался слегка прорисованным в тумане, состоящем из воды и мокрого воздуха, зыбким и даже призрачным. Жилье, склады, конторы, мосты словно выплывали из бездны, напоминая свободные космические тела. Неудивительно, что и частная клиника Долли Дидрихс оказалась суденышком, бывшей баржей, застывшей на туманной поверхности одного из каналов в районе Старой Гавани. Впрочем, в полупризрачном городе люди были по контрасту очень приземленные и узкофункциональные. На улицах это были конкретные наркоторговцы, педики, азиатские моряки, проститутки и неонацисты. Торговцы продавали азиатскую дурь педикам, педики продавали железные кресты своих папаш-нацистов молодым неонацистам, у которых папаши были, наверное, педиками, проститутки продавали свою благосклонность азиатским морякам… В клинике это были конкретные медсестры.

Ни одного слова на отвлеченные темы вроде «вы мне чем-то напоминаете моего шурина», только четкие команды и ожидание четкого исполнения. Помыться, побриться, переодеться в голубой «саван» и загрузиться в палату-каюту, тесную, как гроб, но чистую как одноразовый шприц.

С медиком-инженером Шрагин познакомился минут за двадцать до начала операции. Щуплый смуглый индус, немало похожий на обезьянку из мангровых зарослей. Он странно смотрелся на фоне сребробородых портретов Вирхова, Коха и других научных корифеев Европы, украшавших процедурный кабинет. «Обезьянка» тщательно измеряла Шрагина, то бишь занималась антропометрией, и снимала электрические потенциалы кожи. Чудаковатый индус продемонстрировал совсем неголландский менталитет, по крайней мере, бормотал он о том, что индусы-брахманы родом из Челябинской области, откуда и принесли свои Веды.

Последнее, что заметил Шрагин перед операцией — это был взгляд Долли, не добрый и не злой, но предельно цепкий, сконцентрированный.

Когда он очнулся, ему показалось, что он в центре глубокой ночи. Только поворочавшись, Шрагин понял, что видимости — ноль из-за того, что на лице повязка. Сквозь темноту пробивались лишь какие-то искорки.

Однако искорок становилось все больше, и кончилось это тем, что Шрагина окружили огромные геометрические фигуры. Он как будто был живьем перенесен в мир геометрии. Что-то вроде пирамиды Хеопса повисло над ним, заставив втянуть

голову в плечи.

— Здорово, да? — прорезался голос Ваджрасаттвы. — Я знал, что вам понравится. И это пока лишь тестовая программа, господин Шрагин. Все еще впереди. Вы еще не такое увидите, когда снимете повязку.

— Спасибо за обещания. Этот мой новый глаз — что-то типа цифровой видеокамеры?

— Это две цифровые микрокамеры, господин Шрагин. Одна работает в оптическом диапазоне, другая в инфракрасном спектре. У обоих каскад чувствительных к электромагнитному излучению полупроводниковых кристаллов на десятки мегапикселов и конденсорная линза, которая дает вам естественное поле зрения без потери освещенности. С помощью пинцета можно вытянуть любую из камер и использовать ее, так сказать, в ручным режиме. Она будет по прежнему соединяться с базовым прибором полуметровым световодом, тонким и, что немаловажно, эластичным. Но камерами, естественно, дело не ограничивается. Гибкий полиуглеродный чип с производительностью приличного компьютера приращен к вашей коже на месте брови — извиняюсь, но лучшего места я не нашел. Этот, с позволения сказать, бровекомпьютер управляет камерами и посылает сынтегрированное изображение наноэкрану, толщиной всего в одну молекулу, который вживлен под веко вашего левого глаза.

Несмотря на чудесное спасение и как будто даже обретение нового зрения, Шрагину было жутко. Живого в нем стало меньше, неживого больше. И этот процесс явно был необратимым. Да и видок с этим киберглазом еще, наверное, тот.

— Наверное я теперь похож на этих страшноватых ребят из вашей индийской мифологии — на ракшасов.

— Некоторые ракшасы пользовались успехом у дам, — утешил Ваджрасаттва. — Женщины любят ушами. Говорите им то, что они хотят услышать. Я родился на востоке Индии, знаете, у нас до сих пор практикуется полиандрия. У красивой женщины минимум четыре-пять мужей. И все они хорошие ораторы.

На левый «экранный» глаз сейчас проецировалась демонстрационная графика, порой настолько резкая и яркая, что просто выгрызала зрачок.

— А почему, господин Ваджрасаттва, нельзя было сигналы от микрокамер направлять прямо в мозг?

— Интерфейс, преобразующий цифровой сигнал в приятный оптическому нерву биохимический вид — мягко говоря, дорогое удовольствие, учитывая что и сам нерв у вас далеко не в порядке. Но если время и деньги будут, как говорится, в правильном

сочетании, я вас переоборудую. А сейчас давайте поработаем с настройкой.

Клавиатура, вернее сенсорная панелька была непосредственно нанесена на бровекомпьютер и имела несколько «кнопок». Постукиваешь, значит, себя по лбу в разных местах, прохожие тебя за идиота принимают, а на твоем внутреннем экране разворачиваются меню, с помощью которых ты управляешь глубиной цвета, яркостью, разрешением[24], четкостью, контрастностью, короче, качеством картинки.

Ваджрасаттва вызывал уважение и страх. Такого наворотил за весьма умеренную плату. Человек обычно работает или за деньги, или за другой интерес. Какой другой интерес может быть у Ваджрасаттвы? Скажем, любовь к чистому искусству. Тогда как далеко он зашел в своем творчестве и была ли эта активность подкреплена могучим профессионализмом?

— Как-то мерцает, — нервно переключился Сережа на конкретику.

— Всего лишь мерцает? Прекрасно. Надо просто увеличить частоту развертки, скажем, до сотни герц.

— Послушайте, господин инженер, а ведь изображение никогда не будет объемным, если задействован всего один глаз?

— Кто вам сказал? Просто эффекта объемности добиться труднее. Собственно, я устанавливал эту оптическую систему из расчета на то, что вы хороший программист. По крайней мере, так мне вас представила госпожа Дидрихс. Поэтому отнеситесь к своему новому глазу, как к компьютеру на рабочем столе. И на этом компьютере установлена операционная платформа, напоминающая Яву-Плюс…

Откуда-то сверху донесся странный звук, будто какое-то увесистое тело шмякнулось о палубу.

— Хм, э, окей…. С глазами вы как-нибудь сами разберетесь, так что перейдем, пожалуй, к теме пальцев, — сказал Ваджрасаттва, явно пытаясь скрыть беспокойство.

А Шрагину стало стыдно, что он забыл про свои пальцы. Наверное, потому что глаза занимают в жизни героя нашего времени гораздо большее место, чем верхние конечности. Для жизнедеятельности Сереже обычно хватало одного пальца, и лишь когда надо было высморкаться, требовалось два.

— Первый протез — с чувствительным вибрационным датчиком, который переправляет очень нужную, очень полезную информацию на ваш бровекомпьютер. Если интересуют потребности — то кожа, особенно немытая — отличный проводник.

— А другим пальцем, надеюсь, можно будет ковырять в носу

без особых последствий? — пошутил Шрагин.

— Ни в коем случае. Заклинаю вас, не делайте этого никогда.

Тоже, что ли, шутит?

— Он что, теперь ядовитый, пропитан цианидом калия в смеси с кураре?

— Хуже, — лаконично и непонятно отозвался Ваджрассатва.

В это время с верхней палубы снова донеслись какие-то малопонятные звуки.

— К сожалению, время моего пребывания в мире людей завершается.

Ваджрасаттва торопливо кинул еще несколько фраз и убежал. Как будто не хотел с кем-то встречаться лишний раз.

Имплантированный экран забрасывал в сетчатку левого глаза кубы, тетраэдры, параллелепипеды, некоторые из которых — субъективно, но внушительно — были по размерам с небоскреб. И этот небоскреб мог рухнуть на Сережу при малейшей неловкости. Раз мог, то и рухнул, вызвав неприличный вскрик «япона-мама».

Мозг придумывает боль для нашего же блага, чтобы мы не варили руки в супе и не совали пятки в костер. Мозг Шрагина ошалел и толком не знал, должна ли тут быть боль и какая. Иногда Сереже казалось, что острая грань очередного параллелепипеда разрезает стекловидное тело его левого глаза. Цвета были жуткие, разрешение недостаточным, мелькание кадров вызывало головную боль.

Но, что правда, то правда, киберглаз был похож на компьютер, поэтому Шрагину удалось вскоре проникнуть в тайны управляющего кода.

Через двадцать минут Шрагин уже уверенно барабанил по лбу, кидая киберглазу команду за командой. Через полчаса киберглаз был настроен так, что перешел на автоматический режим и почти не нуждался в неприличных постукиваниях.

Впрочем, оба глаза, и живой, и кибернетический, были по-прежнему закрыты и в какой-то момент виртуальные виды стали утомлять Шрагина. Им не хватало той пестроты и детальности, к которым мозг привык в реале. Пора вызвать кого-нибудь из персонала, чтобы повязку снял. Да и не повязка это, а пластиковая ширмочка.

На вызов никто не отозвался. На второй звонок тоже. Эй, кто-нибудь, поднимите мне шторки.

Такое ощущение, что команда покинула судно и превратила его в Летучего Голландца. Неужели те шумы обозначали что-то вроде полицейской облавы на лекарей-леваков? Но сейчас-то вроде тихо, значит, свалили полицейские.

Надо для начала выбраться из каюты. Может, где-нибудь все-

таки завалялась медсестра.

Шрагин встал, шагнул, ударился о переборку и неожиданно сенсорная блокада была прорвана, он начал различать каюту. Ошеломленный еще более, чем при недавнем падении небоскреба, Шрагин не сразу понял, что киберглаз тут ни при чем. Он видит с помощью большого пальца правой руки, вернее, вибропротеза на его месте!

Палату-каюту заставил проявиться его собственный топот, из-за которого пронеслась по переборкам и палубе волна вибраций, колебаний и дребезжаний — то, что мы почти никогда не замечаем.

Каюта предстала размытыми контурами, но Шрагин быстро дописал интерфейс визуализации и упаковывал входные потоки данных в геометрические формы.

Теперь очертания стали куда более четкими.

Это было далеко от того реала, к которому привыкли нормальные люди, но это был уже отпечаток настоящего мира: и дверь прояснилась, и иллюминатор. Кибернетика, которую ему установил Ваджрасаттва, оказалась изощренной, но надежной.

Ява-Плюс — заморочный программный язык. Но здесь работал другой язык, еще более крутой. Самый настойщий Арарат, о чем Ваджрасаттва почему-то не сказал.

Этот Арарат заметно отличался от первой версии, над которой когда-то корпел Шрагин, но все-таки преемственность проглядывался. Кто же таков этот Ваджрасаттва? Похоже, для Даши медик-индус возник также внезапно, как и она сама для питерского программиста.

Какой бы мощности ни был бровекомпьютер, установленный Ваджрасаттвой, одного его мало; Арарат работает только на собственной операционной платформе, и для нее этот надбровный чип слишком слаб. Тут нужен компьютер типа «гиперкуб». И куда же мог спрятался «гиперкуб», имеющий минимальные размеры старинной библии — в дупле зубе, в мочке уха? Или «гипер» вообще далеко отсюда и общается с бровекомпьютером через сеть, посредством радиоинтерфейса? Еще одна неразрешимая загадка…

Шрагин вышел из своей каюты-палаты и пошел как будто по трапу. Потом перед ним возник трудно определимый простор — наверное, это что-то вроде кают-компании. Шрагин сделал еще шаг и полетел в сторону центра Земли…

6

Человек Шрагин оказался за бортом, в одном из амстердамских каналов. А когда он вынырнул, выплевывая изо рта жидкость туалетного типа — амстердамские каналы были куда лучше снаружи, чем изнутри — то ширма с его глаз уже исчезла, и шторки видеокамер открылись сами.

От белого света его сразу затошнило. И снова неприятное ощущение, как будто что-то острое угрожает его единственному уцелевшему глазу. В глубине черепа словно образовались вакуоли.

Однако и с вакуолями Шрагин понял, что расстояние между ним, как плывущим телом, и судном-клиникой увеличивается: то ли его уносит течением, то ли оно не стоит на месте. Он кое-как подправил яркость изображения, наглотавшись попутно резкой на вкус воды, затем поплыл к берегу.

До берега путь был недолог, Шрагин причалил лбом к какому-то гнилому бревну, торчавшему из набережной. Потом ухватился за него обеими руками и стал внимательно всматриваться в сушу.

Вскоре он понял, что раньше материал заслонял для него геометрию, а теперь важнее стали поверхности, плоскости, линии, которые своими пересечениями и образовывали мир.

Этот внешний мир, проникающий через интерфейс визуализации в его мозг, не имел былой фактурности, он выглядел как набор контуров. Поэтому даже заваленная всяким мусором набережная смотрелась совершенно по-инопланетному.

Очарованный Шрагин стал вытаскивать свое тело из воды, подтягиваясь по бревну и… неожиданно заметил два новых предмета около своего лица. Несмотря на потерю фактурности, смахивали они на ботинки с крепкими носами.

Вскоре ситуация прояснилась полностью. Над Шрагиным стоял полицейский и, более того, направлял на него пистолет, что-то лопоча на своем голландском.

Полицейский был настроен, судя по всему, отнюдь не благодушно.

— Да-да, я сейчас, вы только не нервничайте, а то, хоть и наелись прекрасного голландского сыра, все равно почему-то психуете.

Шрагин выползал на берег, а блюститель порядка явно собирался заковать его в наручники. Только этого не хватало.

Когда Шрагин оказался полностью на суше, полицейский заорал что-то особенно грозное, тыча в него пистолетом. И тут

голова крикуна украсилась нимбом. Но за какие-такие заслуги стал он святым? Почему не я, к примеру? Шрагин сперва изумился, но потом сообразил, что это работает киберглаз, снабженный чем-то вроде видоискателя. А еще Шрагин увидел крест. Тут уж сразу стало ясно, что это прицел, связанный как-то с его искусственным пальцем.

Затем прямо в воздухе возникли светящиеся письмена. Шрагин, конечно, понял, что это всего лишь инструкция по дальнейшим действиям, выведенная бровекомпьютером на экран под веком.

«Совместите прицел с оконтуренной целью».

Совместил.

«Надавите на вторую фалангу наведенного на цель пальцепротеза».

Надавил.

«Спасибо».

Протез откликнулся щелканьем и коротким писком.

Полицейский вдруг стал смурнеть, оседать — может, потому что у него из шеи теперь торчала довольно длинная серебристая игла. Еще мгновение, и он канул бы в воду.

Но Шрагин перехватил беспомощно падающее тело и уложил на грязную насыпь. Госслужащий пребывал в глубоком обмороке.

А в кармане у госслужащего нашелся бумажник, в бумажнике пятьсот еврок. Так Сергей Шрагин впервые взял чужое, причем не собираясь отдавать.

Деньги были ему нужнее, чем работнику полиции, потому что лечение кончилось облавой, Долли Дидрихс исчезла то ли вместе с баржей, то ли отдельно от нее. В любом случае, искать ее в Амстердаме не стоило, да и не очень-то хотелось.

Значит, сейчас в ближайшей индийской лавчонке надобно купить какую-нибудь новую одежонку, темные очки и держать курс на Дюссельдорф.

Глава 3. Сломанная шея

1

Руслан летел на юг, это было ясно и дауну. Разговор с Его Крутейшеством Вахой Абдуллаевым, конечно, не мог быть отложен. И наиболее вероятным казался маршрут самолетом на Стамбул, а далее на перекладных. Существовал однако и другой вариант, как будто более протяженный — через Одессу. Судя по той информации, которую удалось собрать, таскаясь по дюссельдорфским магазинчикам, принадлежащим южанам, немало «перелетных птиц» пользовались именно этим маршрутом. Может, потому, что в бывшем городе-герое их опекали какие-то необандеровцы, в смысле тамошние национал-демократы, или дело было в том, что в Одессе и базар хороший, и девушки невзыскательные. Из одесского порта лица, имеющие сомнительные промыслы, отплывали на комфортабельном «Метеоре» в сторону Сухуми, а уже на абхазском берегу пересаживались на джипы-вседорожники и поднимались в горы.

Для выбора одного маршрута из двух предстояло найти максимально осведомленных лиц.

Выбор начинался с портье, точнее, с того шута горохового в дешевой гостинице, где номер обходится всего в тридцать еврок, но постояльцев типа Шрагина внезапно навещают бандитские группировки.

Портье предстояло допросить, скорее всего, запугать и, возможно, даже угостить кулаком в ухо, украшенное колечками. Для кого-то такая работа была привычной, обыденной, ну а для Шрагина настолько необычной, что даже знобило между лопаток…

Шрагин сидел за рулем нанятого на полдня «фольксвагена поло» и время от времени поглядывал на свое отражение в зеркальце. Без темных очков правый глаз, созданный искусством Ваджрасаттвы, был воистину, без натяжек, страшен. Сплошь черный, без разделения на зрачок и белок, с дугообразной щелью, по краям которой располагались два крохотных красноватых объектива. Глаз сатаноида, на взгляд любой добропорядочной русской старушки. Но видел этот глаз гораздо больше, чем могла бы подумать старушка — например, имеются ли на спешашей мимо девушке трусики или нет. А чего стоят эти как будто лакированные пальцы, сгибающиеся и разгибаюшиеся на руле с легким механическим шуршанием!

В отличие от первого послеоперационного дня, сегодня Шрагиным владела сладкая уверенность в себе.

Уверенность носила футурологический характер и отражала

веру в светлое будущее. Будущее принадлежало искусству, искусственным ощущениям, искусственным существам. Вся эта облепившая Землю «нью-экономи», созданная как будто на потеху зажравшимся обитателям мира сего, является только почвой, на которой прорастает мир следующий.

И частично Шрагин уже принадлежал этому будущему искусственному миру, так сказать, пошел на повышение.

Вот и гостиница. Шрагин надел очки и вышел из «фольксвагена», немного поизучал холл через оконное стекло — из людей всего одна штука, открыл дверь. Дешевый парнишка был на месте. Все те же крашенные волосики, прилипшие к узкому черепу, педиковатая кокетливая улыбочка и десяток колечек в ушах.

— Желаете номер? На одного, на двоих? — затараторил портье.

— Желаю кое-что узнать…

Так, преодолеть себя, в первый раз обидеть человека, а потом будет уже легче.

Шрагин ухватил портье за нос украденным у Голливуда приемом и поднес к горлу юноши лакированные псевдо-пальцы. Сегодня реальный Шрагин действовал почти как и виртуальный, хотя все ж таки смущался.

Портье был явно в шоке — нормальная человеческая реакция, да и сам Сережа был еще далек до того, чтобы душить и радоваться.

— Узнаешь ли ты меня, петушок?

Шрагин снял очки, щелкнула и зажглась красным огоньком камера в искусственном глазу. Юноша затрепетал.

— Объясняю для непонятливых. После того, как я остановился в этой гостинице, меня посетили нежеланные гости. Кому ты сообщил, говнюк?..

Если портье не заговорит, надо будет ему что-то сделать. И не просто «сливу» на носу. Лишь бы до этого не дошло, лишь бы…

— Мы сообщаем про всех русских постояльцев… — выдавил перетрухавший педик.

— Еще раз — кому?

— Одной фирме, которая посылает свои каталоги вновь прибывшим русским, туристам или иммигрантам.

— Какая фирма, говнюк?

— Вот тут ее адрес и телефон. — Дрожащими руками жертва разбойного нападения протянула визитку.

— Так и надо было с самого начала.

Оставив бледного юношу в полуобморочном состоянии, Шрагин поскорее отчалил на своем наемном «фольксвагене» и,

чтобы не переживать за бедного портье, стал изучать визитную карточку.

«Русское Слово ГмбХ», путеводители для россиян, желающих поближе познакомиться со старушкой Европой.

Хорошее прикрытие для братвы. Адрес уже кельнский. Остхайм, это восточная окраина, где кучкуются сплошные иностранцы, в том числе немало русаков.

Пожалуй, сегодня еще можно туда успеть.

Намучившись с пробками на автобане, Шрагин успел только к шести. В это время все нормальные немецкие служащие разъезжаются по своим домам, но в «Русском Слове» работа не прекращалась, судя по матерной ругани, обильно вылетающей из окна.

Сережа бросил взгляд на старушку абсолютно вологодского вида, тащившую по улице помоечный телевизор без шнуров и антенн, и позвонил в дверь.

Открыла шикарная дева. К сожалению, ее приятное молодое тело было обрамлено сильно продымленным помещением складского типа и двумя парнями характерной наружности.

На стеллажах лежали путеводители и еще какие-то рекламные проспекты в не слишком великом ассортименте. Парни пили «Куппер Кельш» и закусывали воблой. Сережа сразу почувствовал слабость в коленках. Несомненно, у обоих был типично бандитский фенотип.

<код>
абстрактный психотип Хищник, применяя психоинтерфейс Вампиризм
{
Константа Бесчувственность;
Функция испытыватьУдовольствие(конкретное Насилие());
Функция делатьБольно(очередной Ближний());
}
</код>

Первый молодец был массивным, породы «шкаф», с круглой стриженной головой криминального славянина, другой — небритым, точнее, щетинистым, — со сплюснутым затылком криминального кавказца. У обоих — широкие пальцы с нечистыми ногтями, странно смотрящимися на фоне глянцевых пивных баночек. После «Малина Софта» такие люди вызывали у Шрагина страстное желание бежать подальше. Но маленькая Виртуэлла подталкивала его вперед.

— Откуда? — спросил щетинистый.

— Но вы же это самое… продаете путеводители.

— Брось ты, чмо, — отсек молодой человек. — Продаем, да не так. Только через Интернет, мать его. Понял? Так что откуда? Только без шуток, блин.

— Я Тугаева ищу. Он мне когда-то дал ваш адрес.

— А ты, часом, не брат его как-то похож.

— Че ты мелешь? — остановил «шкаф» щетинистого. — Нам Руслан про все свои контакты сказал. Этот незапланированный. Отведи посетителя в уборную и там пообщайся с ним потеснее.

— И я пошла, — весело сказала дева, — мне еще по магазинам побродить.

— Иди-броди, только не потеряйся, — отозвались молодые люди, а когда за девушкой захлопнулась дверь, заперли ее и посмотрели пристально на Сережу.

— Ну, давай, — напомнил «шкаф» напарнику и медленно поворочал буграми мышц под пиджаком, — или мне, что ли, этим заниматься?

Китаянка Даша Дидрихс в день операции посоветовала дышать через дань-тянь[25]. Почему не подышать, если страшно?

У него в пальц-протезе серьезное оружие. Но сумеет ли он им правильно воспользоваться? Если не сумеет, то его будут бить еще больнее. В кармане у щетинистого, кстати, просматривается кастет. А у «шкафа» пистолет за ремень заткнут.

Крепкая волосатая рука молодого человека подтолкнула Сережу в проход между двух стеллажей.

— Иди, иди, а то покраснел, распыхтелся, как будто обосраться собрался. Нечего тут пачкать, убирать-то некому.

Вот уже Шрагин вместе с сопровождающим внутри сортира. Кафель, два унитаза, раковина, мыла нет. Есть выключатель.

Если ты не выключишь свет, то через пару секунд будешь лежать мордой в толчке и ронять туда кровавые сопли. Подпрограммист уже написал сценарий, нужные объекты соединены эластичными нитями событий. Только захвати власть над своим телом.

Шрагин бросил руку к выключателю и погасил свет.

Потом удар назад, где должен находится щетинистый, локтем и еще раз тыльной стороной ладони. С непривычки получилось сильно. Шрагин обернулся и увидел своим инфракрасным глазом наплывающие бледно-зеленые мазки на изумрудном фоне — молодой крепыш как будто совсем не пострадал и был готов вырвать ему потроха без всякого света. Даже кастет вытащил. Но пока ноги у него расставлены — бей!

И Шрагин врезал — первый раз в жизни ударил человека в пах. И, почувствовав, что рефлексия уже не мешает ему

претворять мысли в дела, добавил коленом в снизившуюся щетинистую физиономию — можно сказать, для удовольствия. А если точнее, для тестирования своих сил. Этого было достаточно, чтобы некогда грозный противник стал просто кучей на полу.

Шрагин приоткрыл дверь. Привлеченный шумом драки (вместо запланированного избиения), «шкаф» направлялся к уборной с пистолетом в руках. Сейчас будет стрелять веером.

Шрагин захватил противника видоискателем, потыкал своим могущественным пальцем и понял, что рискует промахнуться. Надо быстренько переписать сценарий.

Шрагин опустился на колени и пополз из туалета, натужно кашляя.

— Эй, где Казбек, блин? Ты чего с ним сделал, фраер?

«Фраер» стал подниматься, хрипя и хватаясь за стеллаж, а потом рванул его на себя. Сперва какая-то увесистая пачка двинула «шкафа» по голове, а потом еще несколько.

— Ах ты гад. — браток уже направлял ствол в сторону Шрагина.

Теперь горло здоровяка ровно в прицеле, как раз райончик под кадыком.

Пора. Ужаленный иглой, «шкаф» хрюкнул и стал валиться, увлекая на себя поток спеленутых в пачки путеводителей. Потом было много грохота и пыли — браток наконец улегся.

Шрагин подхватил валяющийся на полу пистолет, вернулся в туалет и ударил по затылку приходящего в себя Казбека. Теперь возникла настоящая уверенность в том, что у противника уверенности нет. Это было так сладко и так неинтеллигентно — мочить мужика, который мог его зашибить одним мизинцем.

За все унижения, которые претерпели маленькие и слабенькие от «шкафов», «качков» и прочих жлобов. За Тузика, за Аню! Получи! Шрагин едва остановил себя и, вытащив Казбека из сортира за шиворот, ткнул носом в уязвленного иглой и странно булькающего «шкафа».

— Сейчас с тобой будет то же самое. Где Тугаев?

— Не знаю.

Шрагин подхватил со стола отвертку и приставил ее к уху Казбека, поросшему от отменного здоровья густыми волосами.

— Ты знаешь, что такое трепанация, малыш? Я постараюсь объяснить тебе доходчиво, на твоем собственном примере. Это когда эта штука входит в одно твое ушко, а выходит из другого.

Немного надавил и… подействовало.

— Тугаев утром улетел в Одессу.

Главное — не частить, не терять злодейского достоинства, улыбаться, шутить. Это просто работа такая.

— Похоже, ты можешь быть паинькой. И к кому же он туда поехал? Давай быстрее, дядя ждет.

— К Свистецкому. «Свистецкий энд органс», фирма там такая, на Малой Арнаутской, — плаксиво моргая из-за полной потери мужественности, сказал Казбек.

— Ну, а дальше? Не стесняйся, мальчик, рассказывай.

— Дальше не знаю, честно. Наверное, на Кавказ.

И в этот момент «шкаф», получившую в шею иглу, перестал пыхтеть и булькать. Раз, и тишина.

— Чего это он? — спросил Казбек. — Похоже, он того. Ты его того.

Выпученные глаза и съехавшая вниз челюсть явно свидетельствовали о том, что громила действительно преставился. С полсекунды в Шрагине боролись интеллигентский ужас перед содеянным и какое-то непривычное чувство удовлетворения. Как там выразился очередный французский остряк: «Труп врага всегда пахнет хорошо».

— Мои соболезнования. Давай бабло.

Казбек охотно вытащил из бумажника пачку купюр и вручил Шрагину.

Программист взял деньги, столь необходимые для дальнейшей работы, обтер пистолет тряпочкой и, лишив обоймы, бросил в угол. Затем вышел из «Русского Слова» и, едва не раздавив очередную старушку с помоечным компьютером, резко тронул с места свой «фольксваген».

Одного убил, другого ограбил. Тут не просто переживать, тут в стенку врезаться можно. А если не переживать? Тогда признАем, что игла мудрого Ваджрасаттвы всегда делает именно то, что надо сделать, а рука мудрого Шрагина берет столько, сколько следует взять.

2

Данные своего страхового полиса он переслал на факс доктора Дидрихс в ее дюссельдорфской практике. Если она на свободе, то этого достаточно.

После того, что случилось в «Русском Слове», надо было поскорее тикать из Германии, но притом держать курс на Одессу. Само собой, ни один самолет из Европы до города на Черном море не летал, пришлось брать билет от Брюсселя до Киева.

В полупустом салоне Шрагин оказался рядом с каким-то вислоусым старичком, но потом декорации поменялись. Пока он смотрел в иллюминатор, пытаясь поляризовать солнечный свет, сосед куда-то свалил, а на его месте появилась соседка.

У нее был весьма привлекательный разрез на платье. И это Шрагину понравилось. А еще своим тепловым оком Шрагин засек, что соседка не носит лифчик. И это ему понравилось еще больше.

Он, перестав коситься, обернулся к ней, она обернулась к нему и сняла темные очки. Долли Дидрихс. Уже второй раз она возникает как будто из ничего.

— Госпожа Дидрихс, Даша, я, конечно, вам кое-что остался должен.

— Спокойно, Сережа. Вы ж теперь в одном ряду с Нельсоном и Кутузовым. Я оценила вашу честность, и вы мне пока ничего не должны. Мы просто летим вместе в город Киев, и я просто поменялась местами с одним любезным господином.

— А почему летите вы?

— У меня небольшой вынужденный отпуск после той полицейской облавы. Да, мне действительно приходится химичить и иметь дело с левыми клиентами, с левыми лекарствами и аппаратурой, с левыми, так сказать, коллегами. Стать стопроцентно легальным голубоглазым тупым европейским доктором с собственной клиникой не так-то просто. Да и не хочется.

— А кто мог навести полицию?

— Один общий знакомый. Видите ли, Сережа, у нас действительно есть общие друзья и общие враги.

Хорошо звучит, по-киношному. Но, может, все это действительно существует? Дружба, любовь, честь, преданность и прочее фуфло…

— Значит, вы по-прежнему считаете Андрея Шермана своим другом?

— Да, и хочу за него поквитаться.

— Хорошо, а враг-то кто?

— Это тот, кто его убил. Антуан Энгельманн-Ферреро. И, похоже, именно ангелок Энгельманн присвоил ваш правый глаз.

Увы, Дидрихс безнадежно много знает.

— И почему именно Энгельманн присвоил мой глаз, а не кто-нибудь другой?

— Я знаю его почерк. У нас когда-то были связи по профессиональной линии, — весомо сообщила госпожа Дидрихс.

— А почему вы считаете, что Энгельманн виноват в смерти Шермана?

— Они играли на одном поле. И я знаю, что Энгельманн не станет церемониться с опасным по его мнению человеком, особенно если человек из какой-нибудь недоразвитой страны.

— Ну и с чего вы решили, фрау Дидрихс, что я тут появился и стал мудилой-мучеником из-за Андрея Шермана?

— Вы закончите наконец с этим блиц-опросом, герр Шрагин? Да потому, что вас послала Рита. Или потому, что вы с Шерманом оба из Одессы. У вас обоих какой-то смешной акцент… Ну, еще вопросики имеются в загашнике?

— Да. То есть нет.

«Все равно вывернется», подумал он.

— А теперь, сказала Даша, — мы выпьем на брудершафт и перейдем на ты.

Как раз и стюардесса плеснула в пластиковые бокалы красного винца.

Поцелуй госпожи Дидрихс оказался сдержанным, но Шрагина все равно пробрало. Как будто не винца бордосского пригубил, а «съел» сто грамм водки.

Даша направила хитрый взгляд своим миндалевидным глазом, оценила поцелуйный эффект и сказала:

— Теперь рассказывай ты.

Почему нет? Почему бы не рассказать, не открыться почти во всем этой женщине, полной разных достоинств — ведь и красивая, и умная, и спортивная, и полиции не боится. Собственно, и поделиться-то больше не с кем.

Вот Шрагин и поделился.

— Рита в своем репертуаре, — подытожила госпожа Дидрихс, но от дальнейших комментариев отказалась.

3

Одесса была далеко не та, что тридцать лет назад.

Шрагин оказался в чужом городе, где своими остались только несколько могил. Можно было утешиться лишь тем, что светлые умы, гуманные и либеральные, назовут все это прогрессом…

А можно было отдаться работе — выслеживанию Тугаева, хотя, по большому счету, Шрагин не знал, то ли он идет по следу киднеппера, то ли с точностью наоборот.

Фирма «Свистецкий энд органс», несмотря на смешное название, находилась на острие прогресса и занималась, конечно же, био- и компьютерными технологиями. Так, по крайней мере, значилось на рекламной странице фирмы в Интернете.

А еще Свистецкий ввиду избытка сил и средств был генеральным спонсором международной практической конференции с вдохновляющим названием «Шелковый путь против московско-имперского гнета».

Даша позвонила по указанному организаторами конференции контактному телефону:

— Я представляю биотехнологическую фирму «Чайна Стресс Фэрмэси» из Гонгконга.

В ответ через включенный динамик послышался нежный голос безграмотной девы:

— А что это? Что за чай такой, его в магазине продают?

— Не чай, а Китай, точнее Гонконг. Какой же шелковый путь без Китая? Червяки-шелкопряды у нас же проживают, — заобъясняла Даша.

Наконец вместо нежноголосой «хотлайнщицы» трубку взял некто солидный, с серьезными интонациями и представительным баритоном. И, конечно же, этот баритон запел в правильной тональности:

— Ниньхао, дорогие китайские друзья. Мы очень рады гостям из Поднебесной. Но, как вы понимаете, наша конференция носит практический характер. Так что взнос для участников составляет порядка тысячи долларов, для учредителей — три тысячи. Желаете войти в состав учредителей?

— А кто еще в этом составе? — попробовала уточнить Даша.

Состав, конечно же, разглашению не подлежал.

— Эта тема скорее для личной встречи, — отрезал баритон, переходя на бас.

На этом, собственно, темы для телефоного общения иссякли.

— До встречи на высшем уровне остался час, — сказала Даша Сергею. — И ничто не соединит наши страны лучше, чем…

— Межнациональные браки, — предположил Шрагин.

— Какой же ты, дуралей, право, — сказала Даша обидные слова совершенно необидным голосом. — Ничто их не соединит лучше, чем маленький цветной принтер, который я вожу с собой в ридикюле.

— Будем деньги печатать? — еще более оживился Сережа. — Эту самую тысячу долларов?

— Опять не угадал, просто поразительно. Такое впечатление, что ты всю жизнь провел в Носопаткино. Мы будем печатать красивые визитки.

— Про то, что мы из этого самого Гонконга?

— Я из Гонконга. Ты останешься снаружи. При твоей почти-Тугаевской физиономии тебе появляться у этого Свистецкого, конечно же, не стоит. Теперь о нашем расписании. Конференция состоится в каком-то новеньком отеле на Фонтане. Там же и банкет, официальное пиршество духа. Далее, насколько до меня доходит алгоритм подобных мероприятий, банкет продолжится, но в гораздо более узком кругу и, наверное, в другом месте. Я попробую туда попасть. Затем, если понадобится, вызову тебя. У тебя есть мобильник, и у меня тоже, так что я буду отстреливать тебе короткие сообщения. Плюс еще вот это — один левый друг подарил.

Госпожа Дидрихс надавила пальцем на одну из пуговичек своего стильного бизнес-костюма.

— Это «жучок». А вот это детектор к нему. Работают они в цифровом формате, на прыгающей частоте — так что заглушить невозможно.

Даша протянула Шрагину устройство размером со спичечный коробок.

— Смотреть надо за верхними двумя индикаторами. Причем в оба. Первый показывает примерное расстояние до моей пуговки, исходя из силы сигнала. Значит, ты действуешь по принципу «теплее-холоднее». Если он стал ярко-красным, бросайся в атаку. Второй индикатор сообщает нечто более хитрое — скорость жучка относительно тебя. Попутно этот замечательный детектор дает, так сказать, справки о высокочастотном эфире вокруг тебя. Иногда это бывает небесполезно.

4

Местное телевидение уделило конференции немало внимания.

По «ящику» показывали, как среди стен из мореного дуба расселись разномастные представители всяких сомнительных фирм и фондов, плюс бородатые борцы за свободу шелкового пути от имперского гнета, плюс пресса, не только местная, но и центральная, киевская и московская, которая подавала все это на уровне мирового хита. Даже была кореспондентка из «Монд», дама почти без женских признаков, забрасывающая самые свежие «антиимперские» новости через саттелитовый коммуникатор прямо в парижскую редакцию.

На главном стереоэкране, размером три на три метра, представлялись будущие виды Шелкового пути.

Легкие поднебесные эстакады на почти невидимых километровых опорах. Всё это соткано заботливыми нанороботами из алмазных волокон и кремниевых нитей. По поднебесным дорогам скользят на электромагнитных подвесках невесомые поезда, а то и просто скачут конники в азербайджанских, украинских, киргизских и прочих национальных шароварах. На них с завистью смотрят оставшиеся далеко внизу имперские медведи.

Впрочем, банкет местное телевидение транслировать не стало, пустив вместо этого фильм про коварство мексиканских любовников, и Сереже ничего не осталось, как ждать, сидя на кровати, в гостиничном номере.

Наконец мобильник пискнул, принимая сообщение. Даша на пятнадцатой станции Фонтана.

Шрагин вышел из гостиницы. Несколько мордатых мужиков, предлагавших свои услуги в качестве таксистов, не внушили ему никакого доверия.

Но чуть в сторону от гостиницы уже начиналась густая южная ночь, в которой тепловой взгляд выхватывал сомнительные фигуры, выглядывающие из-за углов и подворотен.

Шрагин в отчаянии прошел пятьдесят метров по улице. И вдруг сбоку от него зажглись фары, мигом ослепив оптику. Погоня? Шрагин бросился от фар наутек и врезался в какой-то гнилой, не видимый ни в одном диапазоне забор. Машина нагоняла его на узкой улочке и, казалось, что уже «финита» … Однако сзади послышался голос, каких было много в его детстве:

— Это ще, новый вид спорта — бег перед автомобилем? Молодой человек, я вас предупреждаю, ваши физические силы

отнюдь не безграничны, и когда вы в нынешней Одессе ослабеете, вас могут обидеть, возможно, даже побить.

На машине завиднелись шашечки такси, да и таксист был похож на тех, кого уже сегодня почти нет.

— Если вы умеете ездить быстро, то, пожалуйста, продемонстрируйте свое мастерство, — попросил Шрагин, садясь в сильно пострадавший от хабариков салон.

И в самом деле, на пятнадцатой станции Фонтана Шрагин оказался через каких-то пять минут. Никакой Шумахер не смог бы проехать в кромешной мгле, в невозможных кособоких узостях, нередко под вертикальным наклоном — в отличие от автогонщика местного разлива, точнее таксера Бени, как значилось у него на футболке.

Но даже и у Бени имелся свой предел. Машина встала, когда до Дашиного тела, судя по показаниям детектора, оставалось с полсотни метров.

— Настал час расплаты, причем в двойном размере, учитывая мое мастерство, — облегченно выдохнул «таксер». — Далее ничего не могу вам порекомендовать, кроме оздоровляющего бега трусцой.

— Но я же не возражаю, — в голосе Сережи резко прорезались одесские интонации. — Однако, если вы хотите и дальше пользоваться спросом в эту полночь, то ждите меня здесь. Вот, заметьте, я и в самом деле плачу вдвойне.

— Я вас признал за своего, молодой человек, — сказал «таксер» и поклялся тещей ждать его минимум час.

А Сережа двинулся в стиснутое дачными новостройками пространство. До «жучка» сорок, тридцать метров, снова сорок…

Наконец Шрагин осознал, что ходит-бродит вокруг хорошо огороженной территории.

В одном месте есть ворота, но поверх нее шарит взглядом видеокамера. Еще одна маленькая одесская крепость. На смену развитому социалистическому обществу пришло недоразвитоефеодальное, и это правильно, товарищи, потому что история движется по кругу. Лет через двадцать тут будет ров, заполненный жидким стулом ввиду дефицита воды, каменные стены и перекидной мостик. Ну, а сегодня всего лишь красивый забор порядка трех метров высотой с зубчиками наверху.

Душа Шрагина вдруг заощущала прежние жизни, вернее, он вдруг почувствовал себя волосатым и вонючим средневековым ландскнехтом — покорителем крепостных стен и заборов.

Значит, так около ограды стоит каштан. Если каким-то образом оказаться на ветке, причем с довольно длинной доской в руках, то можно запросто перебежать на ту сторону.

Доска нашлась в куче строительного мусора, но забраться с ней на высокую ветку смогла бы только обезьяна, причем хорошо подкованная в вопросах лазания.

Шрагин вернулся к таксеру Бене.

— Мне нужно позарез через этот забор.

— Боже упаси, чтоб я делал такие нехорошие вещи. Я уважаю частную собственность. Мне тоже не нравится, когда в мой горшок ходит чужой человек.

— Частная собственность одного кончается там, где начинается частная собственность другого. Там — женщина, так сказать, скорее моя, чем чужая.

— Супруга, что ли?

— Обижаешь… Но мы обязаны женщин уважать, даже если они нам всего лишь коллеги по работе.

Одессит Беня подумал, возможно, о дополнительных доходах и согласился. Такси с помощью троса, переброшенного через ветку, затащило Шрагина с доской примерно на трехметровую высоту.

Дальше началась полуцирковая эквилибристика над трехметровой пропастью, над оскаленной челюстью забора.

Приземление все же состоялось по ту сторону ограды, в густом неприбранном саду, в каком-то компосте…

Метрах в десяти инфракрасное око едва различало стену дома — чуть более светлая зелень на зеленом фоне, окна темные, никаких признаков жизни. Или же ставни закрыты. Сережа стал пробираться вдоль другой стены дома. Но и та выглядела абсолютно безжизненной.

Все внутри стало падать как сухие листья. Шрагину показалось, что он одиноко застыл в центре космоса. Детектор соврал. Даши здесь не было. Может, ее не было нигде. Или ее сейчас терзали где-то за километры отсюда. Максимум, чего ему удалось добиться — это найти пуговицу-жучок. Она была примагничена к обитой железом дверке сарая.

Что еще с Даши сорвали и что от нее осталось?..

Подумай о дань-тяне, о чем-нибудь отвлеченным, подыши, успокойся… Пуговица вовсе не валяется на полу, как того следовало ожидать, она примагничена к железной двери. Это похоже не на шутку врагов, а на уловку самой Даши.

Шрагин осторожно отлепил «жучок» — за ним была крохотная дырочка. Дырочка как дырочка — для правого искусственного глаза. Но для левого, естественного — настоящий диоптрический прицел. Если посмотреть в дырочку, то взгляд пронзит сарай, пройдет через его оконце и долетит до дома, где горит свет!

Дом располагался на том же участке, огороженном трехметровым забором, но на некоей внутренней территории, защищенной дополнительным ограждением из колючей проволоки.

Из какого-то реинкарнационного пласта шрагинской памяти вдруг выплыло видение — трупы в рваных шинелях, гниющие на колючке.

Шрагин снял с себя куртку, подобрал еще какое-то тряпье и двинулся, пригнувшись, к проволочному ограждению.

Через сенсорный коннектор внезапно постучалась опасность. Абстрактный психотип был мигом конкретизирован в непосредственно угрожающий объект. Шрагин, подняв правую ногу, замер и глянул на носок левой. Киберглаз захватил и оконтурил цель, но надо еще увеличить разрешение в контуре — теперь видна тонкая леска, тянущаяся к взрывному устройству, гранате, засунутой в пивную бутылку со сбитым горлышком. Забытое слово всплыло в памяти — растяжка. Просто, по-партизански, но действенно.

Шрагин переступил через коварную леску, чувствуя, как в ушах бьется взбудораженная кровь.

Чувствительный детектор показал, что здесь кипит пока невидимая жизнь. Где некогда все было пусто-голо, теперь рекою льется кока-кола.

Где-то неподалеку лилась кока-кола и другие веселящие напитки, а еще там работал маломощный передатчик на частоте выше двух гигагерц. Судя по частоте, это была система управления электронными собаками и прочими элементами безопасности. Улавливалось и нечто более интересное, слабые модуляции на частоте 120 КГц. Для Шрагина они были хорошо знакомы благодаря экспериментам в собственной коммуналке. Похоже, что некоторые элементы системы безопасности общаются через бытовую электросеть…

На колючке кое-где корябнуло кожу, но «в целом» Шрагин сумел перевалиться через нее. Перевалился и замер, потому что дальше его подстерегал пассивный инфракрасный сенсор, который, впрочем, сам тоже выделялся в тепловом и радиодиапазонах.

После компостной ямы нижняя часть Шрагина была уже достаточно залеплена невкусной «теплоизоляцией», оставалось только намазать побольше грязи на лицо и руки.

Еще несколько аккуратных шагов, и Шрагин оказался около входа в дом.

Крыльцо, с двух сторон перила. На крыльцо, под лампочку, занавешенную роем мошкары, вышел некто покурить — сам

курит, а на боку у него что-то топорщится. Типа кобуры.

Шрагин не имел простого человеческого права на раздумье. Он сделал шаг вперед, еще даже не зная, как будет действовать, но зная, что действовать как-то будет. Еще шаг, и нарисовался сценарий, а в мышцы вошли рычаги психоинтерфейсов, сделав мускулатуру крепкой и быстрой.

Проявилась и дала Шрагину ускорение эластика будущих событий.

Он протянул руку сквозь перила крыльца — к кобуре. Хотя человек не разглядел руки, тянущейся к нему из мрака, но контуры опасности тоже почувствовал. Его ладонь опустилась на шершавую рукоятку пистолета.

И опять только мгновение на перемену сценария.

Шрагин подпрыгнул и резко дернул человека за чуб.

Чубатый перелетел через перила, шмякнулся об землю, и в темноте никаких шансов у него не осталось.

Человек с пистолетом выдергивает свое лицо из травы и пытается выстрелить, но Сережа прикаблучивает его руку к земле и следующим ударом опрокидывает на спину. Человек хочет закричать, но комок грязи забивает ему рот, а дуло его бывшего пистолета вдавливается ему в печень.

— Тихо, иначе вы пропали! — Черт, что за лексикон из «Дубровского». — Не рыпаться… ключи сюда… отвечать шепотом… Тугаев в доме? Отвечать быстро. Никакого времени на раздумия. Иначе, мужик, у тебя в пузе получится супчик из твоих же собственных потрошков.

— Не знаю я никакого Тугаева, — отвечал человек испуганным басом. — …Час назад приехали четверо на «ауди».

— А китаянка? Ну, женщина азиатской наружности с ними была?

— Раскосая такая? Как будто была.

— И куда она пошла? Да шевели ты языком.

— Откуда мне знать? Может, в банкетный зал. Это направо от коридора. Может, на второй этаж, там помещения для ебли и прочих видов отдыха.

— И тебе тоже пора отдыхнуть.

Шрагин ударил человека рукояткой в левую часть затылка. Получилось! Может, мужик и не потерял сознание, но дал связать себе руки и залепить рот. Еще одолжил куртку маскировочной окраски и пару электронных ключей. Доодевшись, Шрагин вошел в дверь и оказался в коридоре.

Картины под «передвижников» — «Возвращение блудного сына» и т. д. и т. п., зеркала в позолоченных рамах, плафоны, источающие матовый розоватый свет… Пост охранника с

компьютерным мониторингом, стул на посту — с еще теплым сиденьем. Похоже, что тот мужик, который получил по затылку, и есть охранник. Вышел, наверное, окурки выбросить, чтоб не воняло. Ну, и зачем ставить для таких охламонов современную технику? Однако не исключено, что для подстраховки где-то в доме имеется и запасной пост.

Электронный ключ с флэш-памятью идет в USB-порт компьютера, на экране вырисовывается система слежения за домом. Одно танцевальное па с Виртуэллой, и задача оформилась. У кого-то здесь есть пульт с радиоинтерфейсом, работающий на 2,4 Ггц. Хрена лысого его перекроешь. Но сигналы от него попадают в адаптер, ящичек с парой микросхем и радиомодемом, чтобы бежать дальше по обычной электрической сети…

Значит, дело поправимо. Сейчас этот типчик с пультом в руках станет глухим и слепым. Точнее, он будет получать только липовую информацию, и ни одна электронная собака не гавкнет…

Подправив кое-что на компьютере, Шрагин сделал несколько шагов по коридору и приложил к правой стене свой протезный вибросенсор. За стеной был банкетный зал. Но картина получилась смутной — атмосфера на пиршестве была явно непротокольной, в стиле свободно идущего разгула с музыкой и даже танцами.

Шрагин с помощью пинцета и зеркальца вытащил микрокамеру из своего киберглаза и, растелившись на полу, просунул ее под дверь банкетного зала.

Секунд десять он ничего не видел. Несмотря на все недавние успехи с настройкой не ладилось — возможно, из-за отвратного ощущения, что сейчас кто-то выйдет, и будет страшный удар двери в лоб. Наконец, Шрагину удалось на секунду отключить эмоциональный фон и уйти в подпространство. Подпрограммист быстро управился с настройкой конденсорной линзы и открылся вид.

Белая мягкая мебель, свисающие с потолка тропические сапрофиты. Люди в приличных костюмах общаются на интересные темы. Правда, рожи у некоторых не совсем приличные. Какая-то скотина пернула, вибрации по стеклу пошли. От нас ничего не скроешь. Есть еще лестница, ведущая на второй этаж.

А вот Тугаева не видно, так же, как и Даши. Впрочем, банкетный зал большой, с невидимыми пока закоулками, а, может, и входами-выходами.

Оставалось только одно решение — обшарить весь этот

гадюшник, в том числе помещение для пиршеств. Для начала — вверх по ближайшей лестнице, ведущей из коридора на второй этаж.

В коридоре второго этажа его чуть было не застукал какой-то фраер. Фраер дефилировал по коридору, и Шрагин решил просто отвернуться к стене, якобы, чтоб поразглядывать неисправный плафон. Страх работал как насос, выдавливая из кожи потную смазку, по которой скользила одежда. Фраер остановился сзади, похлопал Шрагина по плечу и начал шутить насчет прожигания дырок в стене силой взгляда. Голос какой-то знакомый, только оборачиваться нельзя. К счастью, человек оказался хоть и пьяным, однако не прилипчивым. Похватав за плечо и побузив: «Гульчатай, покажи личико», он отвалил восвояси.

Прежде чем работать дальше, Шрагин мысленно засунул тело между двух холодных тисков и сдавил до полного прекращения душевных трепетаний — вот такой удачный психоинтерфейс.

Затем глянул на четыре совершенно одинаковые двери, замыкающие коридор.

Судя по схеме дома, которую он закончил собирать на своем бровекомпьютере, самая правая должна была вести в проходное помещение.

Шрагин пропихнул свою микрокамеру в замочную скважину, которая сохранилась от старых времен, несмотря на новомодный электронный замок.

Проходное помещение использовалось также для активного отдыха.

Если точнее, активный отдых сейчас уже перешел в пассивный, судя по отсутствию колебательных и поступательных движений.

Тихо пшикнул замок, поддавшись электронному ключу, и Шрагин по-дракульи пролетел через спальню, где два тощих господина пребывали в глубоком сне, положив головы на упитанные плечи утомленной лжеблондинки.

Здесь было так мирно и спокойно, что Шрагин тоже захотел, расшвыряв господ, прислонить голову к какой-нибудь филейной блондиночьей части.

Но его внимание привлек выход на веранду, увитую плющом и виноградом. Красота — учитывая крупнозвездное понтийское небо, усеянное глазами богов: Ареса, Афродиты, Зевса.

С веранды уходила вниз лестница. Прокатывающиеся по ней волны вибраций говорили о том, что она ведет в гудящий банкетный зал.

Пять ступенек вниз, и лестничная площадка. Там нашелся распределительный щиток с десятком пробок и кучей

выключателей. Самое простое — вырубить все. И тогда эта малина будет у него в руках.

— Русланчик, друг, ну поверни личико. Что ты все ко мне задом стоишь? Я, между прочим, человек правильной ориентации.

Опять за его спиной тот самый фраер, который уже попадался ему наверху. Все-таки липким оказался. Внезапно возникает сзади, ну, прямо как… господин Протасов.

Волну паники Сережа решительно разбил, представив себя волнорезом. Меч-сканер с полсекунды членил примыкающее пространство на объекты, а психоинтерфейс выбирал инструменты воздействия.

Шрагин повернул пробку, установился полумрак. Вдруг подступило предательское желание — заснуть. Он справился с ним так же, как и во время сеансов ночного программирования, резким вдохом-выдохом… Теперь займемся приставучим типом.

Шрагин повернулся только наполовину, но человек уже спросил:

— А где Руслан? — и стал округлять рот для издания крика.

Человек не успел взвыть, потому что получил нокаутирующий удар рукояткой пистолета и сполз по стене. Вот такой вот психоинструмент. И никакой разницы между виртуальным и реальным.

— Не все ли тебе равно, где Руслан?

На полу, пустив слюну, лежал Денис Петрович Протасов, тоже участник конференции и банкета.

Что хорошо, то хорошо. Как быстро и красиво написанный блок программы. Собственно, это и был список команд, составленных подпрограммистом и четко реализованных психоинтерфейсом.

Еще одну пробку наружу, затем пройтись пальцем по оставшимся выключателям. Стало темно, как в попе. Для всех, кроме него… По накатившемуся шуму банкетных голосов определилось, что еще один лестничный пролет вниз — и будет вход прямо в банкетный зал…

В пиршественном помещении, несмотря на мглу, царило приподнятое настроение. Отсутствие света воспринималось гостями всего лишь как один из развлекательных моментов. Некоторые пользовались этим моментом, чтобы шарить руками в интимных местах у соседок и соседей. Воблообразная корреспондентка из «Монд» впилась вампирским поцелуем в какую-то растерявшуюся официантку. Инфракрасному оку Шрагина было видно движение официантской крови к месту засоса…

Незримый Шрагин шнырял среди толпы, не забывая ухватить кусочек салями с чьей-то тарелки или хлопнуть чужую рюмку коньяка — он быстро освоился с выгодной ролью призрака.

Но опять-таки ни Тугаева, ни Даши. Тоска.

Он заметил вдруг под лестницей, ведущей наверх, небольшой сход вниз, в подвал. Десять ступенек, и он оказался в подвальном коридоре.

Еще несколько шагов, и Шрагин едва не погорел на лазерных диодах. Этот сенсор не был завязан на общую систему слежения — если ты ему попался, то он сразу и завизжит. Пришлось аккуратно протанцевать среди лучей.

А за преодоленным сенсором обнаружилась дверь в подвальное помещение.

Электронный ключ при выключенном электропитании был, увы, бесполезен. А дверь-то интересная, загадочная какая-то.

Шрагин просунул свою инфракрасную микрокамеру под дверь и увидел девочку, сидящую на стуле возле ржавой, похоже что отопительной трубы. Заложница!

И тут к голове наблюдателя был приставлен ствол. Одновременно зажегся свет, и чья-то рука выхватила из-за шрагинского пояса трофейный пистолет.

— Ба, кого я вижу! Признал, признал, несмотря на маскировку. Прямо Рэмбо. Неужели от него также несло, как от тебя? Жаль, что кино пока не знакомит нас с запахами. Значит, ты уже здесь, быстрый и проворный как киноактер, хитроумный, как Билл Гейтс. Крепкий и волевой, как я. Теперь сделай шаг вперед и поворотись-ка, сынку. Так, кажется, выражаются в этой местности… Только никаких лишних телодвижений.

На него смотрел Тугаев, смотрел в том числе его бывшим глазом. В руке Тугаев держал пистолет, и ствол «Грача» метил Сереже в живот.

Никаких шансов. Психопрограммная консоль расползлась, как гнилой банан. Ничего сотворить не получалось. Примыкающее пространство стало трясиной, в которой увяз меч-сканер. Сшиватель событий вместо спасительной траектории выдавал только кляксы. Психоинтерфейсы быстрого реагирования сменились скорлупой полного одеревенения.

Попробуй только дернуться, как будто говорит круглым черным ртом Тугаевский пистолет, и ты получишь гостинец прямо в живот.

После чего долгие конвульсии на радость победителю, из сдернутых с места и разорванных кишек хлещет кровь пополам с говном, под управлением перебитого позвоночника ноги выкаблучивают прощальный хип-хоп. Танец продолжается до тех

пор, пока не надоедает зрителю, и тогда контрольный выстрел в голову завершает представление.

— Да, никаких шансов, — согласился Тугаев. — Хотя прогресс налицо, ты почти такой же, как я. Но все-таки не я. Это у тебя в руке электронный глаз, что ли? Ну, заправь его обратно, терминатор ты наш свежеиспеченный, а то видок немножко тошнотворный.

Шрагин послушно вставил микрокамеру в киберглаз.

— Хочешь, наверное, с ней поздороваться? — спросил Тугаев. — Сейчас открою, как никак до цели ты дошел. Почти.

Тугаев приложил левую ладонь к едва заметной панели на стене, замок приветливо щелкнул.

— Ни с простым электронным ключом, ни с отмычкой его не открыть, дорогой друг, тут автоматика похитрее. А сейчас толкни дверь от себя, лакеев-то у нас нет. И, кстати, никаких резких телодвижений, я уж теперь знаю, что с тобой надо быть аккуратным.

Шрагин повернулся к двери и по свербению в позвоночнике определил, куда направлен сейчас ствол, затем вошел в подвальное помещение. Следом перешагнул порог и Тугаев.

Девочка поднялась со стула, отчаянно моргая из-за возникшего вдруг света.

— Привет, Аня. — сказал Шрагин. — Мы с тобой уже однажды встречались. В электричке. Ты с папой ехала. И ты подарила мне…

— Ага, гриб! — воскликнула девочка. — Вы — дядя Сережа. Я вас запомнила, потому что вы смешной, в отличие от моего папаши. Мы сейчас поедем домой, да?

— …Нет, наверное, придется немного подождать.

— Ага, следующего трамвая… — хмыкнул Тугаев. — Тут они редко ходят.

— Отпусти ее, — выговорил Шрагин несуразное, ощущая, как мысли уплывают из головы.

— Ага, и ты умрешь с чувством исполненного долга, с улыбкой на устах. Да отпущу, отпущу. Только никакой твоей заслуги в этом нет и подвиг твой был совершенно бессмысленен, как и все остальные подвиги на свете. Игра завершена. Мы учли, что мамаша Шерман готова к сотрудничеству с нами. К примеру, в Дюссельдорфе она даже помогала тебя ловить, ну а другие подробности тебе не к чему. Короче, мы снизили сумму, так сказать, штрафа, мамаша Шерман поскребла по сусекам, обзвонила десяток друзей и наковыряла пару миллионов зеленых. Бабки должны прибыть сегодня. И сегодня же произойдет обмен, после чего я отправляюсь на Багамы, девочка Аня домой, не

вышло из нее Анны Франк, мальчик Шуля получит на анашу и новый компьютер. Тебе, на первый взгляд, повезет несколько меньше, чем другим. Придется нюхать редиску снизу, как выражаются наши немецкие друзья. Да еще и грехи наши тяжкие с собой прихватишь. Ты ведь официально числишься злодюгой-киднеппером. Но, в принципе, все там, на вечном отдыхе, будем. Так что особо не расстраивайся.

«У меня осталась лишь несколько минут». Время съеживалось вполне физически, стискивая Шрагина, передавливая ему дыхание и кровообращение.

— Меня-то ты не обманешь, — решительно сказала Аня Шерман Тугаеву. — Я тебя из-под земли достану.

— О, узнаю суровые интонации старика Андрея… Нет, дитя мое, сейчас тебе сделают укольчик, и ты все забудешь. А если и не все, то мама тебе объяснит, как себя должна вести пай-девочка. В любом случае, еще полгода под наблюдением опытных врачей-психиатров, и энграмма окончательно сгладится.

— А фиг тебе сгладится. — Аня Шерман уверенно показала фигу Тугаеву… и на правой руке у нее были все пальцы.

— А теперь покажи мне свою левую ручку, — попросил ошарашенный Сережа, подзабыв даже о черной дыре, нацелившейся на его позвоночник.

— Пожалуйста, — несколько удивленно отозвалась девочка.

У Ани Шерман были все пальцы на месте, все без исключения. Кому же тогда отрезали пальцы? И если Андрей Шерман так и не врубился, кому принадлежит присланный детский палец, то Рита этого не могла не узнать. Хотя бы по анализу ДНК. На момент разговора в Дюссельдорфе она точно знала, что оба пальца не Анины, но говорила, что Анины. Значит, она хотела вызвать у него психологическую зависимость, она прекрасно разбиралась в его комплексах.

— У кого вы резали пальцы? Кто это был!? — ненависть коротким замыканием пробила страх, и получился крик.

— А, пальцы, больная тема… — довольно мирно отозвался Тугаев. — Да не знаю и не хочу знать. Пальцы мы заказывали у Вахи Абдуллаева, у него там детишек много. Неужели ты думал, что хоть один волосок упадет с головы драгоценной олигархочки Анны Шерман? Она же вся из золота. Хотел бы я быть этой девочкой. Может, косички отпустить? Вдруг поможет? Ладно, чего я отвлекаюсь, у тебя, можно сказать, свидание с вечностью, а ты вынужден всякие глупости слушать.

Ствол «грача» перестал покачиваться и однозначно направился в сторону шрагинской головы. Шрагин забыл о дыхании, пол стал уплывать у него из-под ног.

«Прощайте, люди, мне плевать теперь на вас, но все же не будьте лохами». На этой дурацкой фразе завершалась жизнь.

Неожиданно в подвале появилось еще одно действующее лицо. Даша.

— А, наша общая знакомая, — хмыкнул Тугаев. — Ну, моя будда, хочешь сказать Сереже, что в следующей жизни он родится ослом?.. Она ведь тебя тоже кинула, дорогой. Кстати, в следующей жизни тщательнее выбирай подружек. Она зачем-то поскандалила с красавчиком Энгельманном и за это получила по попке. После чего раскаялась и подала на помилование. По нашему заданию сопровождала тебя сюда, привела почти за ручку в эту мышеловку, где в роли сыра выступала юная миллионерша. Да, с этими бабами ничего ведь не поймешь, Серега.

— Как ты могла, Даша? Почему у тебя такое омраченное сознание, ты же ведь буддистка? — Шрагин задал очередной нелепый вопрос.

— Могла, — просто отозвалась Даша. — Ничего ему не сделается, сознанию-то. Потому что все омраченные дхармы попросту иллюзорны. Нету ни этого подвала, ни этого Тугаева…

— Да я в этом практически ничего не понимаю, — остановил ее Тугаев. — Ты мне потом как-нибудь разъясни, красавица. И ладно, хватит Сережу мучить. Пора уже ему на упокой.

— У Энгельманна другое мнение насчет «пора», — сказала Даша как бы невзначай.

— Ну и что? Я же не Йошка Динст, чтобы во всем его слушаться… Ах да, чуть не забыл.

В левой руке у Тугаева появилась маленькая фотокамера, которой он сделал несколько кадров. Аня Шерман и Сергей Сергеевич Шрагин вместе.

— Это финал. И на финальных кадрах предстали рядышком маленькая беззащитненькая жертва и грозный одноглазый психопат-похититель. И на кой хрен мне сдался сейчас живой Шрагин? То есть, этот противный Тугаев? Смотри, у него даже мускулатура стала, как у меня, и никакого интеллигентского жирка в области гениталий. Я теперь буду душка Шрагин. — Тугаев надел очки академического типа. — И программированием, пожалуй, займусь. А вот этому одноглазому монстру хватит уже злодействовать.

— У тебя могут быть очки Шрагина или там трусы Шрагина, но никогда не будет его головы, — сказала Даша и слегка постучала костяшкой пальца по ближайшей деревяшке. — У тебя голова сообразительного зверя, а у него — умного человека. Энгельманн, наверное, захочет дать ему работу.

— Я вырос на передаче «В мире животных», так что, сравнив

со зверем, ты меня не обидела. Зверь, Антихрист, Архивраг — это все для меня комплименты… Да, возможно, наш якобы-гуманист и истинный красавчик Энгельманн хотел бы еще помариновать Сережу. Возможно, он даже не стал бы его сразу потрошить, а попробовал бы использовать как программного аса. Я ведь в курсе уже, что Сережа трудился в команде у этого супер-дупера Сарьяна. Энгельманн тоже может это узнать и посадит Шрагина программировать биочипы для своих трупаков. Но Антуан никогда уже не выпустит Сережу из тесной шарашки, три на три квадратным метра. Для пущей надежности ему оттяпают руки и ноги, оставив клевать клавиши носом. Поэтому я и избавляю Сережку от многолетнего плохого питания и мрачной обстановки, которые все равно приведут к потере человеческого облика и летальному исходу, причем гораздо более мучительному, чем сегодня. И, если хотите, я против использования Шрагина даже теоретически — ведь энгельманновские зомби и мои варвары рано или поздно сойдутся в бою, вот я и хочу помочь своим.

— И ты думаешь, я скажу Энгельманну, что Шрагин убился сам, поскользнувшись на банановой кожуре?

— Почему сам? Убит при попытке к бегству — это классика. И ты ведь, Дашенька, не настолько любишь педерашку Энгельманна, чтобы преданно содействовать всем его изысканиям.

Тугаев навел пистолет на лоб Шрагина. Все, с последним громом сейчас разлетится мир. Надо бы о чем-то подумать, вспомнить за одну секунду всю жизнь и дать морально-нравственные оценки всем ее этапам. Но вместо этого Шрагину не удавалось вспомнить даже то, как он здесь оказался. Затухает пульс, организм сдает дела, перед смертью мало у кого получается закричать или заплакать. Он заметил только, что плачет Аня. Ей и так досталось, а еще на ее глазах разлетятся мозги у дяди Сережи. И…

Тугаев упал лицом вниз. Все так быстро случилось. Кажется, Даша, оттолкнувшись от трубы, в прыжке захватила его за шею сразу двумя ногами и крутанула. Сейчас она уже сидит на Тугаеве, как на пуфике, и ствол ее пистолета приставлен к его затылку. Тугаевский же «грач» отлетел в сторону.

— Где та, вторая девочка, у которой резали пальцы? — спросила Даша у размазанного по полу Руслана, пока Сережа стоял подобный столбу.

— У Вахи Абдуллаева, — натужно прокашлявшись, хрипло отозвался Тугаев.

— Конкретнее, сволочь.

— Не знаю.

— Жить тебе осталось минуту, так что не вредничай напоследок.

— В Лермонтов-Юрте.

— Еще конкретнее. — Даша надавила дулом на затылок Тугаев, так что его нос, прижатый к полу, съехал на сторону и пустил сопли.

— Полече, бля. Я же не резиновый. Она в доме у Вахиного дяди Аслана. Это примерно в центре аула. Из красного кирпича дом, с небольшой такой башенкой. Но ее могли оттуда увезти. В смысле, не башенку, а девочку. И никто из вас туда не доберется. Даже если у Серого анал будет на два размера больше.

Сережа еще не восстановил дыхание и пульс, но уже понимал, что здоровое сознание Руслана не хочет признавать смертельной опасности, что этот хищный баловень судьбы вообще не верит в смерть для себя. Тем более, в смерть, имеющую обличие красивой китаянки. Шрагин поверил сразу, а Тугаев нет.

— Доберется, Руслан. Тебе так нравилось жить за счет других, а теперь кто-то будет жить за счет тебя. Прощай, сапрофит.

— Эй, буддА-лабуда, не вздумай стрелять. — Тугаев вывернул голову набок и приложил щеку к полу, чтобы было удобнее говорить. — Серега, скажи ей, чтоб не дурила. Шрагин, у нас тобой папа был один. Честно тебе говорю. Только и у тебя, и у меня фамилия мамина. Твой глаз мой организм даже не пытается отторгать. Интересная тема, да?.. Серега, да у меня пистолет же водяной, да я б тебя не обидел, братан… Дашка-дура, ты только стрельни, сюда сразу прискачет толпа и выебет тебя во все щели…

— А я и не собираюсь стрелять.

И госпожа Дидрихс красивыми умелыми сильными руками хирурга сломала ему шею. Тугаев дернулся пару раз и отдал концы.

Сережа попытался сглотнуть, но не получилось, так сдавило горло, как будто у него были тоже проблемы с шеей.

Наверное, для Тугаева случившееся было полной неожиданностью, на его лице даже застыло озадаченное выражение.

— Он что, заснул? — спросила Аня.

— Конечно, заснул, — подтвердила госпожа Дидрихс. — Давно пора было отдохнуть от трудов праведных.

— А зачем ты его, так сказать, «усыпила», Даша? — Шрагин еле продавил фразу в заузившееся горло.

— Потому что он, грубиян. А во-вторых, оборотень какой-то. Так что бери молодую наследницу, и двинули отсюда. Если тебя

ждет машина, то это очень правильно. Только не забудь вычистить все из карманов Тугаева.

Человек, очень похожий на Сережу, лежал на полу с неестественно вывернутой головой.

Пульс восстановился, похоже, эта тигрица уже сыта кровью на сегодня, но что-то большое и невысказанное давило Шрагину на кадык.

— Что у тебя там было с Энгельманном. Какой-такой сговор?

— Не время и не место об этом говорить. Подвал находится под контролем, через пару минут дежурный заметит, что изображение застыло на одной точке, и отключит твой репитер. Второй раз тебе, что ли, тебе говорить. Выскреби у него все из карманов…

Внезапно Даша оказалась на отопительной трубе, с нее перемахнула на плечо Сережи, но он даже не успел почувствовать тяжести. Госпожа Дидрихс проследовала дальше и сзади раздался хруст.

Шрагин обернулся и увидел человека в куртке хаки, который, выронив пистолет, медленно сползал по стене, чтобы, в итоге, расстелиться на полу.

И никакой вибросенсор не помог засечь опасность…

5

Возможно, погони и не было вовсе, поскольку Даша побила в саду двух охранников, сильно побила — до потери сознания. Какая Марья без Ивана, какой китаец без кунфу?

А потом только всевидящее небесное око смогло бы рассмотреть

«жигуленок», отчаянно крутившийся на кособоких улочках. Таксер Беня понимал, что он тоже влип, поэтому крутил баранку как дьявол.

Сережа кричал Бене: «Не спи, гони!», пока Даша не взяла его за запястье своей страшноватой ручкой и не сказала:

— Хватит, никто не щелкает зубами в двух сантиметрах от твоей задницы. Поехали перекусим… а потом… ну, купаться, что ли.

После напряженной ночки предложение показалось подкупающим, и, обожрав какой-то круглосуточный ларек, они отправились на Бенином такси маршрутом Сережиного детства — на Каролино-Бугаз…

Накормленная Аня задумчиво возилась в песочке, нанятый до вечера таксер Беня резвился в теплом зеленоватом лимане, Даша подставляла свое гладкое тело лучам полезного утреннего солнца. Тело замечательного бронзового оттенка. Со времен посадки в Брюсселе Даша была без лифчика и сейчас это было открыто не только в инфракрасном, но и в оптическом диапазоне. Впрочем, у просвещенных европейцев на это не принято обращать пристальное внимание, по крайней мере на пляже. К сожалению, Шрагин все-таки до просвещенного европейца не дотянул. Грудь у Даши была что надо, тело Даши казалось расслабленным. Сережа осторожно ткнул пальцем в ее плечо. Вроде, никакой стали не чувствуется. Он ослабил палец, и упругая кожа сразу выбросила его за границы дашиного тела.

— За Аней мамаша прилетит в полпятого, и все их беды на этом закончатся, — сказала Даша.

— А у меня, надо полагать, только начинаются. Как-то с шеей нехорошо, радикулит, что ли? Не помассируешь ли своими умелыми пальчиками?

— Намек понят. Я думаю, тебе не понравилось вовсе не содержание, а форма нашего расставания с господином Тугаевым. Ведь, в принципе, ты был не против того, чтобы Руслан скоропостижно скончался. Зачем тебе такой нехороший двойник, доктор Джекил? Не волнуйся, он умер гораздо легче, чем все его жертвы. А если выразиться на даосский манер, Тугаев даже не

умер, а изменился, причем в лучшую сторону.

— Опять он в выигрыше, ну как не позавидуешь… Мне, конечно, не хотелось бы омрачать наше общение и приближать своей конец вместо того, чтобы отдалять, но все-таки о чем ты сговорилась с Энгельманном?

— У меня с Энгельманном был не сговор, а договор, причем трудовой. Я работала несколько лет в «Фармаланде» под его началом. Работа была научной, у меня были высокие цели. Да и Антуан мало напоминал маньяка-некрофила. По-крайней мере, на физиономии у него это не было написано.

— А поточнее? Как ты к нему попала? И что, ты тоже возилась с пластинатами, как и эти падальщики?

— Меня к нему Йозеф Динст привел, мой приятель по университету. Конечно, не с пластинатами я работала, меня от них всегда тошнило. То, что мы делали, было на грани легальности, но, в целом, мы спасали гораздо больше людей, чем убивали. Шучу… Донорские органы с помощью генной терапии мы делали совместимыми с рецепиентом. Потом пересадка. Я искала универсальную защиту, которая должна была защищать имплантированные органы от иммунных атак организма. Хотя бы какое-то время. Как выяснилось, атаки эти рано или поздно прекращаются. Не сумев уничтожить чужие органы, организм привыкает к ним. Чем больше, так сказать, масса и важность пришельцев, тем скорее стороны идут на мировую. У Энгельманна была работа попроще: искать доноров, ресурсы, коммерческие и прочие приложения. Он был классный научный менеджер. И мы не жаловались на нехватку донорских органов и тканей. Ясно было, что не все там чисто и Энгельманн контачит с левыми поставщиками, но это ведь не мое дело. В какой-то степени я даже одобряла его. Чинуши ведь столько ограничений напридумывали и на девяносто процентов — это чистой воды политика. Одним из коммерческих приложений Энгельманна были пластинаты — ввиду, так сказать, излишка трупов. А затем наш менеджер шагнул еще дальше, к поистине революционной идее: почему бы не стать новым Виктором Франкенштейном. В один прекрасный момент я поняла, что Энгельманна по-настоящему занимают только биоавтоматы, собранные из частей трупов, что он уже не менеджер-прагматик, а романтик-фанат. И пластинация ему даже не для денег нужна, а как прикрытие для масштабных операций с трупным материалом. А деньги и так к нему текут полноводной рекой — и не только от родного «Фармаланда», но и от очень могущественных и очень темных организаций типа «Женевского клуба». Вот там, я думаю, и сидят истинные заказчики…

— Это ты про масонов, Даша? Или опять про граждан еврейской национальности?

— Не угадал, Сережа. Это повара, которые готовят Будущее для стареющей Европы: финансовые вожди, контролирующие денежные потоки и поворачивающие денежные реки, плюс влиятельные закулисные политики, как левые, так и правые. Ты, наверное, в курсе, что крутые боссы озабочены деградацией населения в Европе. Старичьё — плохие потребители, зато мастерски сосут деньги из бюджета. Завозить население из развивающихся стран — опасно, ведь еще неизвестно, в какую сторону оно разовьется. В отличие от фрицев и гансов, мехметы и ахметы не управляемы через телевизор и интернет, они слушаются только своих муфтиев и калифов. После исламистских беспорядков во Франкфурте, большие боссы к идее импорта народных масс сильно охладели. Короче, решили вкладывать деньги в Энгельманна, вдруг произведет для них новое население.

— Но это же противозаконно?

— Пока что, Шрагин. Когда придет время, они закон перепишут. И на мой взгляд, они тоже марионетки, которыми движет «невидимая рука». Чья рука? Этого я тебе не скажу. Вообще, я не конспиролог, мне эта тема не шибко интересна. Меня интересовало другое: вся так называемая Энгельманн-технология базируется на моем проекте, на моем перфекцине, который обеспечивает совместимость тканей и органов, взятых от разных доноров. Но ведь я-то хотела, чтобы перфекцин служил живым, служил универсальной защитой.

— Перфекцин — это звучит гордо, однако с чем его едят, госпожа Дидрихс?

— Едят перорально, хотя это скорее даже не лекарство, а нанохирургическое средство. Ретровирусный вектор, рекомбинантная ДНК, которая с помощью реверс-транскриптазы вписывается в определенные клетки тела — заказанные, так сказать, клиентом. В детали я тут углубляться не буду, чтобы тебя не утомлять.

— Не возражаю, не стоит метать бисер перед свиньями, пожалейте бедных хрюшек.

— Так что, мой дорогой поросенок, остановимся на самом интересном. Клетки с модифицированной ДНК плетут тонкие пленочки-мембраны, своего рода границы на замке, через которые не переходят враги-патогены, то есть микроорганизмы всякие, белки нехорошие, опухолевые клетки. В некоторых случаях, когда это пагубно, и иммунные клетки организма.

— И Энгельманну это было надо?

— До определенного предела. Ему нужна была стопроцентная совместимость тканей, взятых от разных доноров. Он хотел собирать новых людей, как в конструкторе «Лего», так сказать, из кубиков. Впрочем, я ушла не из-за этого, а потому что случилась одна неприятная история.

— Может, расскажешь?

Даша потянулась на горячем песке своим хорошо слепленным телом, движение это было мирным, даже эротичным, но лицо ее сохраняло жесткое выражение.

— Сизокрылый ты мой Шрагин, я тебе не хотела говорить раньше, чтобы это не выглядело, как наговоры на бедную мать, но Риточка всю эту кашу заварила сама.

— Что значит «сама»?

— А вот то. Устраивайся поудобнее и слушай. И не забудь подзагореть немножко, а то чего-то в тебе не хватает, на мой женский взгляд. Может быть, загара… Рита узнала о моих работах и испугалась, что они поставят крест на ее проекте. Динст своей журнальной пачкотней сам попался ей на глаза, а мы ведь все вместе учились, ей ничего не стоило найти его и как-то на него надавить. У Йошки ведь много темных пятен в биографии, на него легко наехать, и все из-за чересчур игривой дырки в жопе.

Короче, подученный Ритой Йозеф наплел Энгельманну, что Андрей Шерман, мой бывший сожитель, якобы собирается сманить меня. А во-вторых, если и не сманить, то заставить шпионить. А в третьих, Шерман готов лично размазать по стене Энгельманна-младшего за злодеяния папы-фашиста. Вот это и стало причиной раскола — того, что Энгельманн выставил меня, оставив все мое ноу-хау, все мои мультиносители[26] у себя…

Даша могла врать и могла не врать. Что она, что Рита — обе не брезгливы по части правды и вранья. Потому что у них, в отличие от Шрагина, была сверхзадача. Так же, как и у этого вечного неба над его головой. Чего-то оно сегодня не только слишком голубое, но и твердое на вид, как будто готово упасть и раздавить, не дожидаясь прихода вечности. Надо, наверное, поработать с проекционной моделью киберглаза.

— Может, ты просто наговариваешь на Риту, как-никак этот олух Шерман взял в жены не прекрасную и загадочную Долли, а заурядную мать-одиночку?

— Не он ее взял, а она его. Она тоже хороший научный менеджер, как и Энгельманн, классно чует, где бабки и слава растут. А папа у Риты — Николай Вальцев, серый воротила времен перестройки. А первый муж у нее Руслан Нечипорук был, который обучался воровскому бизнесу в комсомольско-молодежных малинах, КМТЦ. И Маргарита Вальцева начала свою

научную карьеру с того, что папа с муженьком накопали для нее дотоле секретные разработки и подобрали команду — все люди из закрытых институтов. С Нечипоруком она и прижила сынка Сашу. А потом реформа углубилась, матерого папу съели молодые волки. Нечипорук тоже упал с коня, лишился глаза и превратился в обычного бандита. Риточка, пока суд да дело, решила доучиться заграницей и заодно найти себе нового спонсора. И он нашелся — как раз среди этих самых молодых львов. Его звали почти что Симба — Андрей Шерман.

— Погоди-ка, — Шрагин оторвал разморенную солнцем голову от песка, — комсомолец Нечипорук лишился глаза?

— Ну да. Ты еще не догадался, кто это? Бандит Тугаев и есть комсомолец Нечипорук. Тугаев он разве что по матери, которая кавказских кровей. Так что заряд ненависти у него к Андрею, да и к Рите был достаточный. И Сашу-сынка он мог накрутить против сводной сестренки и отчима. Приходил парнишка к настоящему отцу и спрашивал: «Неужто, батька, мне теперь всю жизнь жидовскую фамилию носить?» А тот отвечал: «Потерпи еще немного, сынок, иначе все олигархово наследство уплывет к Аньке». Но, опять-таки повторюсь, заварила всю кашу она.

Шрагин поймал себя на том, что уж слишком легко Даша упаковывает его в шелковую паутинку своих объяснений. И вместо того, чтобы анализировать ее слова, он анализирует обводы ее тела.

— Откуда ты все это знаешь, позволь уточнить? — спросил Шрагин. — Информации у тебя больше, чем у КГБ СССР, всем ты успела свечкой посветить. Однако, судя по твоим же словам, ты хоть и замечательный ученый, но всего лишь простая девушка из Сычуаня.

— Я достаточно близко познакомилась с Русланом. Тебе достаточно? Поэтому я даже в курсе, что он давно за тобой присматривает, дорогой Эрл Грей. Видишь, и насчет твоего титула мне известно. Насчет общего с тобой папы Руслан там, в подвале, мог и не врать. Хотя это обстоятельство нисколько не уменьшало его желания прикончить тебя. Насколько мне теперь известно, Нечипорук-отец был популярным тенором из Кировского театра. Товарищ тенор являлся личным другом не только многих советских вождей, но и многих простых советских женщин. Как жаль, что ты уже не можешь как следует пораспросить свою маму.

Тугаев — брат? Брат — братоубийца? Тема «Авель-Каин»? Неужели Руслан-Каин на самом деле завидовал Авелю-Шрагину и считал его жертву более угодной господу Богу? Нет, эта тема не на сегодня. Сегодня надо смотреть в оба, на то, как эта

гладкокожая паучиха плетет вокруг него свои шелковые тенета.

— Ладно, Даша, хватит про простых советских женщин.

— Тогда вернемся к Рите. Дочка очень многое взяла от папы не только в материальном плане, но и в морально-психологическом. Она, конечно, не стала бы бороться с Энгельманнами и прочими штурмбаннфюрерами из-за каких-то грехов времен второй мировой войны, ее интересовало другое — доход и слава. Ну, а вот Андрея она могла запропагандировать и втравить в свой сомнительный бизнес с помощью моральных стимулов. Так что если ты и слышал историю о том, что папа Энгельманна занимался уничтожением евреев Белой Церкви, то не верь ей. Старик Энгельманн был не офицером СД, а обычным обозником, причем не на Украине, а в Прибалтике…

— А эсэсовское кольцо на пальце у Антуана? Я же сам видел…

— Для особо одаренных повторяю: папаша был обозником, значит, подбирал, все, что плохо лежит… Короче, Маргарита по части Андрея рассчитала все верно. Вычислила и направление ответного энгельмановского удара. Но все-таки она слишком плохо знала Энгельманна, а может, имела идеализированное представление о западных бизнесменах. Поэтому второй удар Энгельманна застал ее врасплох. Полный нокаут… Так что мы с ней теперь товарки по несчастью.

— Ты о чем?

— Сперва Энгельманн дал команду украсть и спрятать моего ребенка, потом то же самое проделали и с девочкой Риты. Моя дочь — в Лермонтов-Юрте у этого самого Вахи Абдуллаева.

«Значит, это Дашиному ребенку отрезают пальцы. Какие после этого могут быть упреки и нравоучения? Даша имеет законное право на ненависть к окружающему миру. Она имеет полное право выворачивать карманы и сворачивать шеи окружающим, даже если среди них попадаются такие же страдальцы, как и она».

— Я должна была как-то снова наладить контакты с Энгельманном. Я сообщила ему, что ты сделал у меня операцию, но после того, как ты уже смылся…

«Или, вернее, я исчез прежде, чем ты успела сообщить Энгельманну».

— Да, он поручил мне отыскать тебя снова. Энгельманн ввел меня в свою игру, но в итоге, я их всех разыграла, как ты мог убедиться…

— Откуда тебе известно, что Тугаев должен был получить сегодня бабки за Аню? Такая информация не идет в разлив всем желающим. Тугаеву надо болваном быть, чтобы с тобой на эту

тему трепаться.

— Так он и был болваном. Тугаеву деньги нужны были не сами по себе, а чтобы покрасоваться перед очередной бабой. Какая уж тут тайна…

«Вот уж действительно успешная война на два фронта. Поистине эта женщина неисчерпаема как атом, а, может, и как электрон».

— Теперь ты хочешь заплатить выкуп Абдуллаеву?

— Нет, Сережа. В этом случае эти гады будут продолжать и дальше в том же духе. И дети будут по-прежнему сидеть в ямах. С помощью этих денег я найду своего ребенка, а затем прикончу Энгельманна.

— Ты, значит, решила нанять целую армию?

— Плоско мыслишь, в стиле маршала Жукова. Достаточно вертолета. Но сперва хватит и небольшой охраны, потому что ты теперь будешь Тугаевым. Я тебя выбрала и полюбила именно за сходство с ним.

«Ах, вот оно что. Могу исполнять функции Тугаева, да еще быть ручным».

— И ты увеличила это сходство, посоветовав выщербить мне глаз? Даша, это ведь ты предложила выдать меня за Тугаева? Поэтому тебе и стали снова доверять?

— Тебе хорошо известно, когда ты сделался моим пациентом. Энгельманн узнал о тебе чуть раньше, не говоря уж о Руслане.

«Придется поверить… потому что крыть мне нечем».

— А почему ты не оставишь эти миллионы Ритке? Ведь на вызволение твоей дочурки хватило бы и меньшей суммы. И ее можно взять где-нибудь в долг. Рита, наверное, такая-сякая, но эти деньги ее, да и моральное превосходство оказалось бы на твоей стороне.

«Неужели ты жадная?»

— Для Риты пара миллионов — это не более чем пошарить в заднем кармане штанов. И вообще я сторонница того, чтобы каждый получил то, что заслуживает, или лишился того, чего не заслуживает. Есть такой кармический закон… Рита разрушила мне жизнь и теперь должна платить, чтобы я снова могла жизнь свою восстановить. Получит свою девчонку только в обмен на два лимона. Если я не ошибаюсь, она и тебя намеревалась сдать.

«А лицо невозмутимое. Именно с таким лицом она свернула голову Тугаеву. У нее, похоже, эмоции видны, только когда речь о каких-то мелочах идет. Но если Даша занята чем-то крупным, кошмарным, чудовищным, то она превращается в автомат. В машину для реализации кармы».

— От кого твой ребенок. От Андрея? Или это вообще

неизвестно?

— Ну, если даже тебе известно. Это девочка, только фамилия не Шерман, а Дидрихс. Андрей на самом деле получил палец свой первой дочери, хотя вряд ли понял это.

— Кстати, сам Андрей был в курсе, что он папаша еще одной девочки?

— Имел информацию, не более того. После того, как этот папа свалил к другой, я решила, что общих тем у нас больше нет. А потом Дидрихс усыновил малышку… И, по правде, я всегда боялась Риты. И правильно делала, как показала дальнейшая история. Так что последние тринадцать лет я с Шерманом почти не общалась, хотя Рита мне иногда позванивала и…

Даша замерла на середине фразы, как будто внутри нее прозвенел будильник.

— Так, Шрагин, через полчаса наш совместный отдых заканчивается. У меня свидание, Аня едет со мной, у Бени, стало быть, тоже работа. Я найду тебя здесь вечером. Деньги на мороженое есть?.. Эй, Бенджамин, иди-ка проверь свою тачку, что-то у ней коробка скоростей барахлит.

«Тон командирский, вот тебе янь и вот тебе инь, сколько я скажу… Переговоры с Ритой уже, значит, состоялись. Подлая, но несчастная мамаша торопится на встречу в условленное место, где за два миллиона получит свою дочку назад…»

Примыкающее пространство распалось на объекты, затем объектный сшиватель прочертил траекторию событий. Психоинтерфейс проник в мышцы Шрагина, сделал их послушными. Элла была рядом и заставляла его действовать.

Шрагин посмотрел на близкое тело Даши. Замечательная кожа, так здорово вычерченный рот, но ему никогда не придется ни обнять, ни даже поцеловать ее снова. Наверное, она здорово делает ЭТО, сочетая покорность и властность; со всякими там даосистскими штучками: снизу, сверху, сбоку …

Иногда ему казалось, что Элла возражает против его близости с любой женщиной, хотя, конечно, на его свиданиях он почти никогда не присутствовала.

— Слушай, Сережа, где тут можно приличную раковину найти? — спросила Аня. — А то вернусь домой без ничего, как будто и не была на Черном море.

— Не Сережа, а дядя Сережа, — поправила Даша.

— Ну, пошли покажу.

Шрагин встал и прошел с девочкой тридцать метров в сторону лимана.

Он знал, что Даша сейчас смотрит ему в спину, но расстояние до жигуленка было таким же, как и до воды. И сценарий тащил

его, не давая времени на размышления.

— Мы сейчас дунем к машине, — шепнул он Ане.

— Но тетя Даша…

— Это не тетя. Нам нужно от нее во что бы то ни стало оторваться. Рвем на счет раз-два-три… Согласна?..

— Ну… ну, хорошо.

И они рванули… Странное дело, ему казалось, что психоинтерфейс просто перерисовывает его тело в пространстве, хотя жилы вылезали из-под кожи, ведь приходилось тащить и ослабленную пленом Аню. Когда они подлетали к жигуленку, Шрагин оглянулся назад и увидел, что Даша несется за ними с невероятной скоростью супервуменши, плюс голые титьки и пистолет в руке — кинозритель пищал бы от восторга.

— Беня, зажигание!

Шрагин и Аня влетели в салон, с грохотом захлопнув дверцу. Беня вздрогнул и оглянулся на них:

— Ще за шум, а драки нет?

— Потом драка. Сейчас газ давай.

И таксер Беня сообразил, что одессит Шрагин ему все-таки ближе, чем таинственная азиатская красотка, мотор заурчал, и машина рванула с места. Хрупнули стекла — Сережа понял, что дашина пуля прошила салон.

— Быстрее, Беня, только не забуксуй на песке…

Жигуленок перескочил через дюны и понесся по щербатому шоссе.

Теперь уже Шрагин стал похитителем Ани Шерман. Он тоже отдаст девочку за выкуп. Только не в два миллиона, а за двести тысяч зеленых. Ровно столько ему нужны, чтобы освободить Дашиного ребенка, а потом грохнуть Энгельманна. Если понадобится меньше, сдачу он вернет.

Шрагин вынул из бардачка жигуленка пистолет покойного Тугаева. Никаких лишних мыслей не возникло — значит, все-таки он становится взрослее. Похититель без оружия — это ведь клоун какой-то несерьезный.

Потом он достал мобилу — послать Рите сообщение. От анононима, у которого в руках ее драгоценная дочка.

6

Шрагин любил это место с детства. Песчаный карьер, дополненный грудами щебня, с одной стороны довольно крутой подъем, с другой — строительный хлам.

— Хорошо, но если моя мама не даст тебе денег, ты застрелишь меня из этого пистолета? — спросила Аня.

— Ты чего, ку-ку? Я тебя что, ради этого искал? Я, конечно, спровадил бы тебя запросто так к твоей мамаше, но, боюсь, она никогда не подарит мне двухсот тысяч, которые необходимы для спасения того, другого ребенка. Ну, будешь ты мне помогать или что?

— Ладно, Сережа, не кипятись, договорились…

Две машины подъехали с наиболее опасного края — там, где строительный мусор был хорошо утрамбован. Оттуда вышло трое, еще двое остались внутри. Серьезные фигуры. Шрагин испытал приступ сожаления по поводу своих скоропалительных решений. Ну, почему он вляпывается во все новые и новые истории с упорством, достойным лучшего применения?

Пятеро ждали одного. Пора. Сережа стала спускаться по песчаному склону. Лишь бы девочка Аня не стала вдруг реветь. Лишь бы Беня, случайный друг, не сплоховал. Тогда хана.

На узкой дорожке между двумя грудами щебня Шрагин встретил прилично одетого человека с классическим кейсом.

— Здесь два миллиона. Где девчонка? — напористо сказал тот.

— А где Маргарита Николаевна? Дело в том, что я отдаю ребенка не за два миллиона, а за двести тысяч.

— Ты… вы это чего? — искренне удивился человек с кейсом.

— Ну, во-первых, я не тот, который с вами договаривался вчера. Тот, другой, с вами договаривался в другом месте и за другую сумму. Те ваши соратники, которые поехали на встречу с другим, возможно, и имеют в чемодане два лимона. А у вас их нет… Итак, где Маргарита Николаевна?

— Ее здесь нет.

— Так давайте ее сюда, иначе вы не получите девчонку.

Человек, чуть повернув голову, что-то прошептал лацкану своего пиджака. Все ясно, там у него микрофон и радиомодуль, динамичек запрятан в ухо.

— Она готова с вами встретиться здесь через…

Не давать им не секунды, чтобы навязать свою волю.

— Через четверть часа. Хватит?..

Человек снова пообщался со своим лацканом.

— Четверти часа хватит.

Шрагин пошел назад, страх мучил его сейчас вполне физически, сдавливая мышцы и заставляя спотыкаться. Ведь он блефовал. Настоящий похититель всегда ставит на кон жизнь похищенного, в этом его сила. И только когда Шрагин вскарабкался на гребень карьера, страх отпустил его. Чтобы через несколько секунд снова вернуться. На прежнем месте ни Ани, ни Бени не было.

Значит, люди Маргариты где-то здесь. Шрагин приник к песку, пополз на карачках, потом по-пластунски, маскируясь низким кустарником, пока не стал различать преследователей. Вначале только легкие вибрации из-за оползающего щебня. Затем зеленоватыми кляксочками сквозь кустарник проявились тела крупных теплокровных.

Пока он разговаривал с тем типом, люди из Ритиной команды искали путь с тыла и нашли его. Теплокровные разыскивали Шрагина, чтобы хладнокровно прикончить. Скоро должно стемнеть. Скоро, но не сейчас.

И вдруг:

— Сережа.

Чуть ли не из-под камня показалась маленькая ручка.

— Я здесь.

Аня нашлась в яме, прикрытой куском фанеры. Яма чьих-то детских игр, возможно, его собственных.

— Они нашли дядю Беню, а я спряталась. Все должно быть честно, да? Ведь надо же спасти ребенка, который в горах. А без денег этого не сделаешь.

— Да, Аня.

Пару раз чьи ноги проходили в нескольких шагах от ямы, а потом настали сумерки.

Совсем рядом остановился человек. Пока спиной стоит, стриженым криминальным затылком. Теперь вполоборота. Тепловой взгляд прорисовывает пистолет под курткой справа. Левша, значит. Браток озирался, переминался с ноги на ногу и готов был идти дальше. Может быть, через секунду.

Впрочем, подпрограммисту и не требовалось время на размышления. Психоинтерфейс послал тело Шрагина по единственно правильной траектории. Бросок братку под коленки, тот падает назад, пытается вскочить, тянется к своему пистолету, но получает удар рукояткой «грача» в челюсть. Нокаут. Даже двойной нокаут — похоже, парень сильно трахнулся башкой об землю.

Ничего, у таких ребят черепа крепкие, сообразно профессии.

Шрагин обследовал близлежащую местность. Кажется,

никого.

— Анька, вылезай.

В освободившуюся яму отправился выключенный браток.

— Моя мама уже, наверное, приехала.

Рита, действительно, была у подножия песчаного холма. Шрагин различил среди других женскую фигуру. Маленькая несчастная фигурка в окружении бугаев. Совесть больно царапнула изнутри: зачем он так с ней играет? Может, надо было все объяснить, рассказать, попросить?

— Ну, что ты, Сережа? — Аня затеребила его за рукав. — Приставь пистолет к моей голове и иди. Спускаешься вниз, они тебе дают деньги, ты садишься в их машину и уезжаешь. Всё.

— Но мне как-то неудобно приставлять заряженный ствол к твоей голове.

— Но ты же не выстрелишь.

Шрагин выудил обойму из «грача» и выдавил из нее одну за другой семь пуль. Передернул затвор, нажал на спусковой крючок — просто щелчок. Вставил пустую обойму обратно. Снова передернул затвор, направил ствол на себя и снова нажал на крючок. Опять щелчок.

— Ну вот, видишь, теперь это всего-навсего железяка, — подбодрила Аня.

— Ладно, двинулись. Ты чуть впереди, я придерживаю тебя за плечо. На старт, внимание, марш.

Хотя пистолет был стопроцентно разряженным, Шрагин все равно чувствовал себя стопроцентным негодяем.

Негодяем Шрагина считали и те, кто ждал его.

Поэтому их оружие было в полном ажуре.

Шрагин замер, когда до Риты оставалось десять шагов. За ней стоял человек с кейсом. Тот самый тип, с которым он уже общался, только кейс другой. Поодаль еще трое.

— Ты все-таки оказался негодяем, Шрагин! — крикнула Рита, сжав кулаки. — Ты вымогаешь у женщины деньги, приставив ствол к головке ее ребенка.

— Я же беру с тебя не два лимона, а двести тысяч, — устало сказал он.

— Какая разница, два миллиона или двести тысяч? Наверное, ты посчитал, что с двумястами тысячами тебе будет безопаснее, чем с двумя миллионами. Ты же у нас программист. И ты верно просчитал. Из-за двухсот тысяч тебя никто искать не станет, кому ты на хрен сдался.

Рита врала, она прекрасна знала, в чем разница между двумя лимонами и двумя сотнями тысяч.

— Эти деньги должны пойти на благое дело.

— Бандиты и вымогатели всегда говорят, что деньги пойдут на благое дело.

Шрагин чуть не задохнулся от обиды. Ты, блин, Рита, заварила всю эту кашу, твой, блин, сынок участвовал в краже твоей дочери, ты меня сдавала на убой, и ты же еще меня отчитываешь с гордым видом…

Обида захватила его мысли, и зря. Что-то звякнуло, и «грач» вылетел из руки Шрагина. Пистолет лежал на песке, тяжелая боль поднималась по руке, в десяти метрах стоял человек, которого он раньше не видел, и держал пистолет, точно целясь ему в голову. Профессионал ждал команды, и команда должна была последовать с секунды на секунды. Возможно, Рита медлила лишь потому, что боялась некоего взрывного устройства, которое может сработать при падении шрагинского тела.

— Анечка, отходи от него, быстрее, — четко сказала Рита. — Беги.

Аня наклонилась, взяла «Грач» и стала переводить ствол с одного бугая на другого, сдувая рыжую кудряшку, лезущую в глаз.

— Оружие на землю! — резко, как птица, выкрикнула девочка.

— Пахомов, Залуцкий, немедленно опустите оружие, — мгновенно отреагировала Рита, — теперь бросьте. Всем бросить оружие, иначе убью.

— Так, мама, теперь чемодан с деньгами. Опусти его на землю. Теперь пихни его в нашу сторону. А ты, Сережа, проверь, ну как их называют, купюры, не поддельные ли, — распорядилась Аня. И все послушно, как роботы, стали исполнять приказания сопливой девчонки.

— Ну, сколько там этих денег, Сереж?

— Да, похоже тысяч двести, не меньше, — отрапортовал Шрагин, чувствуя себя образцовым кретином.

— Мама, давай дядю Беню сюда. Сережа, иди за мной к синенькой машине. Мама, пусть тот бородатый, который там сидит, выйдет, но ключи оставит.

— Пахомов, приведи-ка этого козла таксиста. — приказала Рита. — Эй, забыла, как тебя, вылезай из машины, но ключи оставь.

Сережа сделал несколько шагов к машине и сел справа от водительского кресла, на месте водителя через минуту оказался и Беня с синяком на оба глаза. А потом сзади возникла Аня и радостно взвизгнула.

— Яху! У нас получилось! Почти. Дядя Беня, зажигание.

На низких приглушенных нотках заурчал мощный двигатель.

— Аня, выходи, — наконец собрался с силами Сережа.

— Как это «выходи»? Я с вами, освобождать ту девочку. Разве я сейчас себя плохо проявила?

— Ты себя отлично проявила. Все круто, Анька. Но еще лучше ты себя проявишь, если останешься со своей мамой. Это будет высшая степень храбрости.

— Ты серьезно, Сережа?

— Зуб даю. Тебе надо вернуться к маме, потому что она… не может без тебя жить.

— Ну… хорошо.

Аня Шерман вышла из машины и подняла большой палец вверх. Настоящий человек будущего. Интегральный человек.

— Трогай, Беня, если с тебя на сегодня уже достаточно.

Глава 4. «Если на гору залезть и с нее бросаться»

1

В кафе на Ланжероне их уже ждали. Четверо. Четверо смелых, которых нашел одесский таксер.

Еще на далеких подступах к новым друзьям Сережа зашептал Бене:

— Какие мерзкие рожи. То есть, я не боюсь, но общаться не тянет.

— Рожи не хуже твоей. Ведь ты теперь предводитель бандитской шайки, а не какой-то там фраер.

Беня нашел несколько людей из тех, которых он возил и которые показались ему достаточными злодеями. Согласно легенде, Шрагина он представлял всем как Тугаева. Собственно, в этом и состояла первоначальная задумка Даши, с которой Сереже сейчас так не хотелось видеться.

Шрагин теперь «косил» под головореза и продавца потрохов. Руслан Тугаев не имел кавказского акцента и татуировок, был похож ростом и лицом на Сережу. Тугаев был, по сути, беловоротничковым преступником, и это облегчало дело. Все остальное усложняло — потому что покойный Руслан был бандитом, в отличие от Сережи.

— Эй, Беня, неужели эти дегенераты обойдутся нам почти в пятьдесят тысяч баксов? Может, найдем кого-нибудь с такими же выразительными лицами за более дешевую цену?

— Попробуйте, юноша.

Шрагин сел за один стол с четырьмя людьми сомнительной наружности, которые должны были служить ему верой и правдой.

Судя по «базару», все четверо действительно относились к разряду темных личностей и хотели получить высокооплачиваемую работу в горах и их окрестностях.

Даня и Никита, двое одесских хулиганов, под завязку набитых романтикой и мускулатурой. Разговаривать с ними оказалось сложно. Их романтика была бандеровской. Их разум был похищен в секте «Сознание Мазепы». Взамен они там получили исторические нашивки дивизии СС «Галиция», левозакрученные свастики и обереги с просверленной посередине дыркой.

Эти крупнощекие дебилы, впрочем, владели каким-то вариантом самбо, который назывался у них «боевым гопаком», а также умением стрелять из крупнокалиберного пулемета.

Отставник российской армии Петуховский, мужчина с сытой внешностью и оловянными глазами прагматика, похвастался тем, что еще на службе продавал оружием горцам, которые убивали

его товарищей и могли ненароком пришить его самого. Отставник разбирался в артиллерии и гранатометах.

Какой-то непонятный южанин — рослый парень по имени Саит, то ли афганец, то ли таджик. Саит то ли хотел вооруженно побороться за веру, то ли просто наколымить на калым. Этот юноша был подрывником и владел ломаным вариантом русского языка.

Все четверо не сомневались, что перед ними Руслан Тугаев. Темные очки, искусственный глаз. Короче, крутой.

Лже-Тугаев произнес краткую, но тщательно подготовленную речь:

— Внимание, братва. Мне нужно проехать к одному авторитету, которого зовут Ваха Абдуллаев. Это мой старший товарищ и наставник, но в тех местах без охраны нельзя. Потому что там бродят одичавшие группы спецназа федералов, люди московского наймита Тениева тоже попадаются и вообще неспокойная международная обстановка.

Почти все в этой речи было наглым враньем. В частности, люди Тениева контролировали несколько селений километрах в пятидесяти южнее и никакого отношения к происками Кремля не имели, а наши военные потеряли контроль над вотчиной Вахи Абдуллаева два года назад и с тех пор носа туда не казали. Ставка делалась на малую осведомленность «охраны».

— Кто-нибудь из вас сечет в тактике боя?

— Ну, я, — вызвался экс-капитан Петуховский.

Шрагин набросал на листочке небольшой план: дорога, автоколонна противника.

— Как организовать засаду? Кто первый скажет, получит билет в оперу.

— Надо людей поставить так и так, — показал Петуховский.

Решение было совершенно неправильным, в таких позициях обе засадные группы непременно перекрошили бы друг друга.

Хорошо, что Петуховский ушел из армии, подумалось Сереже, и плохо, что такие, как он, продолжают нашивать себе новые лычки в рядах «легендарной».

— Есть еще мнения?

— Мой знает. — Саит безошибочно показал, как расположить людей и где заложить радиоуправляемые мины, чтобы автоколонне настал каюк.

— Вы, кажется, говорили насчет аванса, — перешел к более привычной теме экс-капитан Петуховский.

— По тысяче баксов, как и договаривались.

Шрагин раскидал «зеленые», ловя хищные взгляды собравшихся.

— Выезжаем завтра? — с надеждой спросил Никита.

— Нет, милый мой, сегодня, — входя во вкус, командования сказал Шрагин. — Нашел бы я тебя завтра, после пьянки.

— Гдэ оружие палучим? — справился Саит.

— Не здесь. Пока что мы группа туристов, желающих познакомиться с черноморскими здравницами, от моря и выше. И вообще наше оружие — это интеллект.

Маршрут, который намечал себе Тугаев, был известен Шрагину, изучившему карманный комп поверженного бандита — естественно, под присмотром Даши.

Сперва морем, на «Метеоре», до Сухуми, где имелось несколько «турбюро», занимающихся перевозкой людей в любую точку кавказского хребта на «комфортабельных микроавтобусах ФИАТ и автомобилях повышенной проходимости Мицубиси». И надо было воспользоваться услугами той «фирмы», которую сам Тугаев избегал.

Шрагин прямо из кафе отправился в дорогу дальнюю с четырьмя соразбойниками. И с приличной суммой в кармане. Еще большую сумму, а именно сто кусков, Беня должен был вместе с запиской передать Даше. Госпоже Дидрихс, несмотря на странные взаимоотношения с господином Шрагиным, надлежало нанять и прислать в ответственный момент какое-нибудь летательное средство. Чтобы эвакуировать своего спасенного ребенка и самого спасателя. Расчет делался на то, что другого выбора у Даши нет.

Конечно, дело могло закончится полным провалом. Но теперь Шрагин умел подавлять мысли о кошмарном конце, подпрограммист научился отрубать шлейф вызывающих дрожь видений. Сверкает мысленная сталь, далее — непродолжительные, но резкие ощущения где-то в районе копчика, и воцаряется оптимизм. Если у него сорвется, то у нее будет достаточно денег для новой спасательной операции.

Третью часть денег Шрагин просто закопал на манер капитана Флинта…

До Сухуми их прилично укачало. В особенности Шрагина. В свою очередь два рекетира-язычника безмятежно травили анекдоты «про жидов», экс-капитан Петуховский читал последний роман Мушкова «Тропою чести», Саит выводил унылую мелодию гор, скорее напоминающую жужжание сношающихся мух. Слегка позеленевший Сережа поинтересовался у него, где он так привык к качке — оказалось, что во время поездок на ишаке по сильно пересеченной местности.

Сухуми встретил «туристов» привычной картиной — несмотря на все войны и периодическое вырезание какого-нибудь национального меньшинства или большинства.

Мужчины в кепках, расположившиеся вдоль набережной и числом не менее дивизии, играли в шишбеш, наперстки и даже шахматы. Некоторые гуляли вдоль набережной в красивых костюмах ливанского производства. Лакированные туфли, нередко горские головные уборы из шкуры невинно убиенного барашка, элегантные бороды, под пиджаками что-то топорщится — и не только мускулатура.

В здании сильно раскуроченного морского вокзала нашлась и первая турфирма — со спокойным названием «Отдых в горах». Вряд ли Тугаев пользовался ее услугами, уж больно она на виду.

В бюро обнаружилась во всей своей многопудовой красе первая сухумская женщина, которая принимала заказы. Впрочем неподалеку располагалось двое крепких ребят с АКМ, они называли женщину мамой.

— Мы едем в район Лермонтов-Юрта. Пять человек, — сказал Сережа, заискивающе улыбаясь.

— Минуточку, товарищи. Это у нас особый маршрут. Тут без моего супруга, товарища Аблотия, не обойтись.

Кругленький супруг, по счастью, не был личным знакомым господина Тугаева, да еще и предложил испить кофейку по-сухумски. Если точнее, по-турецки. На эту тему между ним и Шрагиным состоялась шутливая перепалка. Не зря Сережа все утро выдаивал из интернета информацию о кавказских и даже переднеазиатских обычаях, ритуалах, а также религиозных нормах. Но больше всего времени Шрагин потратил на сказки «Тысячи и одной ночи».

Кофе создавалось в маленьких железных чашечках на подносе с горячим песком. Конечно, никакого молока и сливок. Но запивать можно — холодной водой.

Аблотия заговорил о маршруте, но его глаза шарили по Шрагину и Саиту, которого «командир банды» взял с собой в контору из-за его представительности. Шрагин догадывался, о чем думает сейчас хозяин турфирмы: довезти ли пятерых гостей до Лермонтов-Юрта или грохнуть их по дороге с помощью своих сыновей и каких-нибудь кунаков.

— Я еду к Вахе Абдуллаеву, слыхали про такого?

— Так бы сразу и сказал, дорогой. — На глазах Аблотия-старший из придорожного хищника сразу превратился в надежного делового партнера. — Ваха — очень уважаемый человек в горах. И, кажется, вашу фамилию, товарищ Тугаев, кто-то упоминал именно в связи с Вахой… Значит, сколько у вас человек охраны?

— Четверо.

— Его люди?

— Нет.

— Жаль. Ваха — это, как сейчас говорят, марка.

После двухчасовых поисков бензина Шрагин со своей командой отправился в «курортную» зону. Спереди джип обещанной марки «мицубиси», за рулем веселый мужчина Аблотия-сын и рядом с ним Лже-Тугаев.

Сзади микроавтобус ФИАТ с затемненными стеклами, в котором ехали почти все пассажиры, за рулем тоже Аблотия-сын, только другой, более мрачный и бородатый.

Дорога ввинчивалась в горы как штопор. И каждый километр стоил все дороже.

Пять постов абхазской милиции, видимо, повинуясь некой предустановленной гармонии, взымали таксу по принципу геометрической прогрессии. Спустя семьдесят километров туристов уже встречал патруль шариатской гвардии. Гвардейцы взяли пятьсот зелеными, но выдали бумажку со штампом какого-то непризнанного горного правительства.

Неподалеку от поста шариатчиков имелось селение с рынком. На рынке можно было отовариться помидорами, фруктами, сателлитовыми приемниками, антеннами и телефонами различных систем, цифровыми и аналоговыми, с поддержкой интернета и без нее, радиостанциями, радиосетевыми сайбиками, уоки-токи, игровыми консолями, вплоть до таинственного Х-куба с трехмерным шлемом, ну и, конечно, оружием — в сарае под зеленым флагом. АКМ — тысяча долларов. Понадобилось пять штук. Плюс еще ночной прицел.

Несколько ручных гранат. Взрывчатка, взрыватели. На выходе из сарая Сережа заметил, что какой-то тип в каракулевой шапке, расположившийся метрах в тридцати за прилавком, заваленном сидюками, как будто улыбается в его адрес и даже машет рукой.

Проигнорировать? Это некультурно. Подбежать? Тоже неправильно. Как же по местным понятиям лучше?

— Сходи, узнай, чего ему надо — велел Сережа Дане. — Очередной дерьмовый «виндовз» я не возьму даже вместе с прекрасной невольницей.

— Я схожу, — вызвался Петуховский. — Пускай Данилка ящик с гранатами дотащит, не уронив ни разу.

Петуховский недолго потолковал с типом в каракулевой шапке и доложил:

— Он спросил, как тебя зовут.

— И что ты сказал? Что я спившийся Билл Гейтс?

— Само собой, сказал, что ты — Руслан Тугаев. А он тогда попросил передать, что тебя Шамиль ищет.

Упс. Первая неувязочка.

— Шамиль?

В глазах Петуховского что-то промелькнуло.

— Шамиль, твой корифан.

— А, ну да, Шамилька. Вместе пили… Щербет. Сразу и не вспомнить, много их таких, рожа бородатая, глаза хитрые. И где он меня так старательно ищет?

— Наверное, везде. Ничего поточнее этот чмур не сказал.

— Ну, раз не сказал, поехали.

— Можно я с тобой в джип? — попросился Петуховский. — Мы же с тобой вроде как единственные интеллигенты тут.

— Садись, интеллигент.

Следующие тридцать ка-мэ ехали весело, словно и в самом деле на «отдых в горах». Аблотия-первый пел абхазские песни, которые мало чем отличались от знаменитых грузинских; правда, как признался юноша — грузин он предпочитает в мертвом виде, а грузинок — в голом. Костя Петуховский травил анекдоты и выдавал смешные эпизоды из своей преступной биографии.

Лже-Тугаев предпочитал многозначительно помалкивать, но его особенного участия и не требовалось.

Выпили бутылку каберне, и стало еще веселее.

А потом веселье вдруг прекратилось, потому что их остановила группа вооруженных людей, количеством в десять стволов. Вернее, человек было десять, стволов раз в пять больше. На обочине стояло два мощных джипа с пуленепробиваемыми стеклами и пулеметами на крышах. Стандартно небритые мужчины никак не отреагировали на пропуск шариатского правительства и посоветовали по-быстрому выйти из машины.

— Похоже, это жопа, друзья, — протянул Аблотия-первый. — Отморозки какие-то попались.

— Ну, иди, шеф, разбирайся. — Петуховский слегка пихнул Лже-Тугаева в бок.

Несмотря на пистолет в кармане, Сережа чувствовал себя беззащитным, почти голым, сразу и живот прихватило. Однако показать себя перебздевшим было само по себе опасно. С помощью мизинца Шрагин попробовал растянуть рот в улыбке, но большой палец одного из джигитов уже энергично поманил его в сторону зеленого джипа. Залившись пОтом под лучами несносного солнца, Шрагин поднес свое расползающееся лицо к окошку «чероки» и не без дрожи просунул шариатскую грамотку.

В салоне на тигровой шкуре сидел свирепого вида предводитель с выкрашенной в огненный цвет бородой. Настоящий эмир — грустный, свирепый.

— Да забери и подотрись, — рявкнул эмир и ткнул могучим, как дуб, пальцем в плоский ноутбук, лежащий на соседнем

сиденье. — Ты в «этом» сечешь?

— Уффф. — Сережа чуть не прослезился от счастья.

Ноутбук был со встроенной спутниковой связью и получил с виртуальных небес пренеприятнейший вирус типа «червь». Червяк встроился в почтовую программу и посылал подручным эмира детские стишки вместо свирепых указаний.

— «Вдруг аткуда не вазьмись малэнький камарик, а в рукэ эго гарит малэнький фанарик». Нэнавижу авиацию, нэнавижу. Слушай, хто это пишет? Найду, убью. Нэ просто убью, а патроха вырву, — пообещал эмир.

Сережа схлопотал вирус со смешным именем «Корней Червяковский» много раньше эмира и давно сумел его победить, что оказалось сейчас жизненно важным…

— Все, почтенный, за портами теперь следит «дезинфектор». Регистрационные ключи сейчас поправим… вот и облегчились. Перезагрузимся и вперед… — вскоре рапортовал Шрагин.

— Сичас правэрю… Палучилось! — предводитель засмеялся-зарычал по-львиному, глядя на свой компьютер, вновь посылающий громы и молнии. — Значт, ты хакер?

— Нет, скорее уж какер, — признался Шрагин.

Пришлось ответить Лже-Тугаеву, и куда он путь держит. Исцеленный от «Червяковского» эмир посоветовал несколько изменить маршрут, потому что на прямой дороге в Лермонтов-Юрт вчера люди Шамиля кого-то грохнули ни за что.

Сережа понял, что совет хороший. И он даже пожалел, что поставил эмиру так называемого «дезинфектора», который через пару недель начнет пересылать кровожадные послания полевого командира на сервер монашек-урсулинок.

Шрагин сел в машину, проинструктировал Аблотию-первого по поводу нового пути, и еще десяток камэ они отмотали счастливо.

— Сейчас остановимся у колонки, надо водички в радиатор залить, — сказал Аблотия-первый.

Они остановились там, где лет десять назад была автобусная станция барачного типа. От станции сохранился только прокопченный остов. Но колонка уцелела. Едва Аблотия-второй направился за водой, от колонки поспешно отошло какое-то странное существо.

Существо было похоже на тощего медведя. Стальное кольцо в носу плюс цепь, которую держал его хозяин — живописный престарелый горец в бурке. Нет, это был не медведь, а парнишка. Весь в струпьях, синяках и ссадинах, полный дистрофан, похоже, уже не жилец.

— Федерал пленный, — сказал Петуховский, выбравшийся

облегчиться. — Парень, видимо, большой дурак, если не закосил от армии.

«Все, забудь, — сказал себе Шрагин. — Двигай отсюда, задница».

И нащупал в кармане рукоять «Грача».

«Пустить бы пулю в баранью голову гнусного старика и забрать парня».

«Не вздумай. Ты чего, совсем больной? — стал внушать себе Шрагин. — Через пять минут сюда прискачет орава родственников и тщательно покромсает нас на кусочки размером с копейку».

«Решительное „нет“ идиотизму», — мысленно заявил себе Сережа.

«Но не будь ты идиотом, тебя бы здесь вообще не было бы, — возразил он сам себе. — Надо все-таки перешагнуть через перила, то есть размочить горло и сказать старому пню: я куплю этого раба».

«Я куплю этого раба. Ведь это же раб. Рабы покупаются и продаются. Если я Тугаев, то имею право на что-то такое… Нет, Даша, это не иллюзия внешнего мира, не омраченные дхармы, это…»

Шрагин подошел к старику:

— О почтенный хайлендер, да продлит Аллах твои годы…

Старик заулыбался, видимо ему понравилось.

— Да пошлет Аллах умножение твоим силам и всему, что в доме есть твоем… Но украшает ли этот паршивый невольник твой дом, не продашь ли ты его мне?

Горец согласился активным киванием:

— … И плясать перестал совсем. Раньше плясал, как медведь, а сейчас только жрать просит. Вчера мой старший сын хотел уже зарезать его, да продать на органы, но как раз время намаза пришло. Может, сегодня зарежет… А сколько дашь за Васька?

— А его Васек зовут?

— Шайтан знает, как его зовут. Мы его Васькой зовем, он и откликается. А ты из Москвы, сынок?

— Почти что, дедушка.

— У меня там младший учится, на менеджера. Это ведь экономист по-старому. Я тоже когда-то экономистом был, в Росжиртресте работал, пятьдесят лет там оттрубил, а какую мне сейчас из Москвы пенсию присылают? На нее даже рожок к «калашу» не купишь. Шайтан их побери. Так сколько дашь за этого молодого бычка?

— За этого молодого, так сказать, бычка тысячу дам.

— Рублей? — стал уточнять горный пенсионер.

— Обижаешь, дедуля. Долларов.

Рот старика оголился в улыбке — пеньки и золото. Он слегка облизывался и ждал денег.

Сережа стал отсчитывать, с тоской глядя на никудышную фигурку «молодого бычка», затем вложил в корявую руку горца пачку зеленых.

— На, жируй, дедушка, только не налегай на «Сникерсы», а то будешь в сортире много сидеть, и твои бараны к другому уйдут.

— Не захотят, гость дорогой. Я им заместо отца. Сейчас ягненка зарежу, и тебя так угощу, дорогой, что век не забудешь.

«Да провались ты вместе со своим угощением, басурман, нашел барана. Так я к тебе и пошел с карманами, набитыми стобаковыми бумажками…»

— А цепь-то можно снять?

Лелея какие-то потайные планы, пенсионер дал отрицательный ответ.

— Ключи — дома, дорогой.

— Ладно, сами снимем…

Старик, переслюнявив купюры, пошел домой, забыв от радости о ведрах с водой и баранах.

А Шрагин взял цепь и повел «покупку» к микроавтобусу — парень, похоже, мало что отражал и двигался так, как будто в нем отсутствовал позвоночник.

— Мне о тебе другое сказывали, Тугаев, — сказал Петуховский, поморщившись при виде Васька. — Что ты на копейку не прогадаешь.

— А с чего ты взял, что я прогадал? Купил «молодого бычка» за смешные деньги. Будет оружие таскать.

— Оружие таскать? Этот доходяга? Да он в любой момент может тапки откинуть, и нам еще закапывать эту падаль придется.

— Ну, будет белье стирать и кашку варить. Ты кашку ешь? Надо есть, чтобы в животе не бурчало.

— Кашку варить, в попку давать, — сказала вынырнувшая морда Дани.

— Ты что с Никитой развелся уже, ищешь удовольствия на стороне? Ладно, дискуссия закончена. Всем по местам и думать о чем-нибудь прекрасном, например, о гонораре. Васек, давай в микроавтобус. — Предводитель крикнул в салон: — Эй, мужички, посторонись, пропустите арапчонка, пускай сядет.

— Да куда эту кучу дерьма? — рявкнул Никита и ударил Васька ногой, да так, что тот мигом растянулся у входа.

— Пусть педерал в багажнике джипа едет, — добавил Даня. — И вообще, мы с Никитой не мужики, а запорожские

казаки.

Сережа схватил Даню пятерней за щекастую физиономию и толкнул есть мочи. Ненароком получилось неплохо.

— Слушайте, вы, немужики, я тут решаю, кто запорожский, допорожский или жопорожский казак.

— Так воняет же, — обиженно заныл Даня.

— А мне не ваняет, — сказал вдруг Саит и усадил Ваську рядом с собой, затем протянул ему банку тушенки: — На, жри… Сам у Рахмона год в цепях прасидел, знаю, что такое. Вэрнусь, обязатэльно зарэжу.

Шрагин сел в джип и почувствовал на себе напряженный скребучий взгляд Петуховского. Веселья уже не получалось, хотя Аблотия-первый по-прежнему распевал абхазские застольные, и имелась в заначке еще бутылка каберне.

«Этот гад что-то стал подозревать, — с горечью подумал Сережа. — Значит, и затевает что-то». От мрачных мыслей Шрагина отвлекло еще более мрачное явление.

Из придорожного марева возник патруль из трех человек, гранатомет у одного, у других автоматы. Гранатомет уже лежал на плече и готов был к боевому пуску. Надо было тормозить.

Один из патрульных просунул мохнатую физиономию в окно джипа.

— Тугаев тут?

— Ну, я, — сказал Сережа, привычно роняя сердце в пятки. — В чем дело?

— Все в порядке, Тугаев. Мы от Шамиля Валиева. Он просил тебя к нему заехать. Через пять километров будет развилка. Свернешь налево, и пару километров вниз по склону. Там поселок. Шамиль тебя сейчас в другом месте встречает, но к вечеру там будет.

— Спасибо за информацию… Трогай, Аблотия. — распорядился Шрагин, и маленький конвой двинулся дальше. «Если бы не «Корней Червяковский», я бы уже напоролся на этого приставучего Валиева».

Несколько минут спустя Шрагин добавил:

— Никуда не сворачиваем, Аблотия, прямо едем.

— Ты что, с Шамилем не хочешь видеться? — укоризненно спросил Петуховский. — В горах так не принято. Ты же это лучше меня должен знать.

Сквозь сытую внешность отставника, казалось, проступила личина гнусного тролля все с теми же оловянными глазами прагматика.

«Похоже, гнида Петуховский дал весточку Шамилю. Сообщил о моем маршруте еще, наверное, там, на рынке, где маячил тот

самый торговец сидюками. Отставник хренов не успокоится, пока не столкнет меня нос к носу с этим головорезом Валиевым…»

Они проехали развилку, когда уже садилось солнце, и накрутили еще семь километров в гору.

— Что-то не нравится мне это место, — сказал Шрагин неподалеку от крутого поворота.

И в самом деле дорога обвивала сейчас узкой пыльной ленточкой заросшую зеленью высоту.

— Вот и надо было заехать к Шамилю, — сказал Аблотия, — он бы провожатых дал.

— Остановись тут. Я хочу подняться наверх, глянуть туда-сюда. Петуховский, ты идешь со мной.

— Да мне как-то и здесь хорошо.

— Я тебя нанял, и ты идешь со мной. Понял? Это тебе не Красная Армия.

Шрагин взял АКМ, дернул затвором, досылая патрон. Петуховский стал прилаживать к своему «калашу» ночной прицел. Он плохой солдат, но опасный враг, подумал Шрагин. Типаж Тугаева. Пособник варваров, сообщник Силы, как бы она ни выглядела. Только без Тугаевского интеллекта. Хотя мозжечок у них одинаковый — раз почувствовал у кого-то слабину, значит — это добыча, рви ее, добивай.

Они поднимались по узкой козьей тропе, выделывающей разнообразные курбеты на крутом склоне.

— Теперь разделимся, ты налево, я направо, встретимся там наверху, — сказал Сережа, устав от напряженного соседства с врагом.

Петуховский давно уже все понял и принял условия игры. У него была большая фора. Боевой офицер как никак. А Сережа последний раз стрелял из автомата двадцать лет назад, да и то по нарисованной на картоне фигуре потенциального противника.

Вот уже шаги врага стали неслышны. Охота началась. Оба волки и оба бараны. Нет, кто-то больше баран, и этот «кто-то», похоже, Шрагин. Как в этой зелени вообще что-либо разобрать? В обычном глазу рябит, а в искусственном разрешения не хватает.

Сквозь прореху в листве вдруг открылся вид на долину, за которой опускалось солнце. По противоположному склону рассыпался аул. Лермонтов-Юрт. Гнездовье Вахи Абдуллаева.

Даша говорила, что там базируется крупный интернетовский узел Jihad. net и группировка хакеров-исламистов, в основном, из Пакистана и Ирана, совершающих атаки на сайты «неверных».

Под закатными лучами как раз заблистала здоровенная тарелка сателлитовой антенны.

Интересная тут жизнь идет, насыщенная, только гниют

отрезанные головы, режут как ягнят пленных мальчишек и морят в ямах пленных девчонок. У кого-то эти мальчики и девочки единственные и неповторимые, а здесь они ресурс, или просто мясо. Экономика человеческого тела развивается в горах неплохо, в отличие от традиционного сыроварения и стрижки баранов.

Шрагин вдруг прекратил думать. Сенсорный коннектор просигналил, что он в опасности. Враг выследил его, враг был недалеко, и вражеская пуля должна была еще больше укоротить расстояние.

Висок заныл, как будто почувствовал острый взгляд вражеского прицела.

Как бы то ни было, восточную сторону скалы, скатывающуюся в долину, Шрагин худо-бедно держал под наблюдением. Значит, вражеский ствол смотрит с запада.

Шрагин юркнул под куст, и тут над его головой ударила очередь.

Враг его видит, а он врага нет. Ничего в глазах, кроме листвы, темной и малоразличимой, похожей на густой сироп. Все контуры сливаются в какую-то одноцветную муть. Быстро исчезает солнечный свет — на юге так принято: раз и нету. И инфракрасная камера киберглаза намного слабее, чем хороший ночной прицел, стоящий на АКМ у Петуховского.

Зачастил, а потом стал слабеть пульс — значит, страшно. В любом случае расслабиться надо, хоть на десять секунд заняться дань-тянем. Шрагин повернулся на спину и посмотрел на ветки, которые были сбиты автоматной очередью. Вот одна, а там подальше еще две — кажется ясно, откуда был выстрел.

Сережа двинулся пластунским манером по вредному кустарнику, который хватал его миллионом коготков за ткань, за кожу. Брякнула еще одна очередь, мощно пробив воздух, но пули уже целили не в него. Стрелок потерял Шрагина из виду.

Меч-сканер рассёк наружнее пространство и из цветочно-лиственной мути вычленил кристаллы объектов. У всех одинаковая суть — есть и пить свет, тянуться к свету… А вот на фоне лесных существ проявилась маленькое инородное тело, злобная опухоль.

Шрагин прополз еще десять цеплячих метров и увидел что-то недревесное в просвете листвы — кажется, человек. Если это человек, то — Петуховский. И если сейчас не пришить отставника, то отставник пять минут спустя пришьет его.

Там, в Дюссельдорфе, уже пришлось убить человека, но тогда Шрагин вовсе не собирался… Подпрограммист подал указательному пальцу, лежавшему на спусковом крючке, надрывный сигнал…

Автомат дернулся в руках, послав одинокую пулю…

Через пять минут нашелся Петуховский. Он сидел, уронив голову на колени, вроде как заснул по-ямщицки. Сережа несколько минут томился, ожидая, что тот вдруг выпрямится и с диким хохотом стрельнет в упор. Однако кровь текла на колени Петуховского и ничего не менялось. Шрагин не стал проверять у него пульс, просто забрал АКМ с дорогим ночным прицелом и стал спускаться со скалы.

Джип и микроавтобус ждали его, боязливо приникнув к скальной стене.

— Ну, и где Константин? — спросил Аблотия-первый голосом человека, привыкшего к повышенной смертности в горах.

— Нету Константина. Какой-то отморозок снял его из автомата. Ну, а я этого отморозка ровно в лобешник угостил. Потому что глаз у меня не простой, а алмазный.

2

Вопрос как будто был исчерпан, по крайней мере, никто не требовал дополнительных разъяснений по части таинственного исчезновения Петуховского, но, в целом, соратники сникли, острее почувствовав свою незащищенность от Фатума и Рока.

И до полуночи просидели у вялого костерка почти в полном оцепенении, потягивая «Туборг» и изредка вставая, чтобы отлить.

— Давай-ка вместе со мной за хворостом, — скомандовал Лже-Тугаев ВаськУ, когда остальные явно задремали.

Экс-раб с помощью сердобольного Саита уже избавился от кольца в носу, где остались только гноящиеся дырки, и перестал внешне напоминать знак вопроса, хотя взгляд имел по-прежнему тусклый.

— Откуда? — спросил Шрагин, оставив живописную группу разбойников метров в десяти за валуном.

— Из Калининграда. — парень говорил медленно, как будто выковыривая слова из глины.

— Часть?

— Десантно-штурмовой батальон балтийской бригады морской пехоты, — темп речи Васька ускорился, похоже, парень повторял это не раз ради удовольствия своих хозяев.

— А, тот злосчастный рейд морпехов на Хачи-Юрт полтора года назад. Десять убитых, пятеро пленных. А ты-то как в плен угодил?

— Получил по голове прикладом.

— Тоже хорошо. Хачи-Юрт — это недалеко от Лермонтов-Юрта. К операции вас наверняка готовили. Покажи-ка тут дороги, какие знаешь.

Шрагин вытащил из кармана коммуникатор и вывел на дисплей крупномасштабный план местности, позаимствованный на сайте www. KGB-secrets-resale. biz.

Васек жалко заморгал.

— Плохо, что ты в темноте не видишь. Придется чуток подсветить. Но карту читать умеешь, надеюсь?

— Да, то есть немного… — сейчас казалось, что ВаськУ трудно ворочать во рту распухшим языком. Неужели также и с мыслями в голове парня — едва поворачиваются с боку на бок?

— В конец фразы тебе надо добавлять обращение «товарищ бандит», — пошутил Сережа, но тусклый собеседник не разделил юмора. — Вот этот оранжевый флажок — есть наше местоположение с точностью до десяти метров. Учти, я не сам его поставил.

— ГПС? — неожиданно спросил Васек.

Сережа даже испугался неожиданно проснувшейся умственной активности экс-раба.

— Ух ты, очнулся наконец. Или, вернее сказать, включился. Ты, часом, не киборг ли? Все правильно. Это — ГПС[27]. Значит, на мозгах у тебя еще серая корочка сохранилась.

— А пальцем можно показывать, товарищ бандит?

— В принципе можно, солдат. Но твоим, полтора года немытым и нестриженным, не стоит, так что воспользуйся вот этой крохотной указочкой. Достаточно прикоснуться к чувствительному дисплею, и на нем появится синий флажочек. Поведешь дальше, двинется за указкой и флажок, оставляя за собой красную ариаднину нить — это маршрут.

— Знаю, знаю, не тупой… — слегка огрызнулся экс-раб. — Мы выдвигались здесь, а там шла другая группа, побольше. — Васек стал решительно черкать по карте. — Но ее неожиданно эвакуировали. А мы напоролись на духов, похоже, здесь, на склоне высоты двести.

— Утечка информации?

— Откуда ж мне знать, товарищ бандит? Может, и радиоперехват, у них же такие крутые сканеры и мощные программы для дешифрации. А у нас маскираторы[28] времен Кутузова. Узел электронного слежения у духов как раз в Лермонтов-Юрте. Если бы мы прошли чуть выше по склону, все было бы, как доктор прописал. Оказались бы вот в этой точке над Хачи-Юртом, и лупи по целям прямой наводкой.

— Жалеешь, что не дошел, не шандарахнул по ним? По нам, то есть, по бандитам.

— Если честно, жалею, товарищ бандит, — несколько смутившись, отозвался паренек.

— А сейчас провести нас сможешь? Не в Хачи-Юрт, конечно, а в Лермонтов-Юрт. Это ж рядышком. Но надо по склону, незаметно.

— Провести-то смогу. — Васек протянул дольше маршрутную нить на дисплее. — Ага, понял, если нажимать указочкой посильнее, то маршрут автоматически адаптируется к рельефу местности… А кто вы такие?

— Я же говорил, Васек, мы — бандиты, плохие люди, не заметно, что ли, по внешнему виду? Лбы низкие, уши оттопыренные, пальцы скрюченные…

— Но вот вы какой-то необычный бандит. Выкупили меня почему-то. А Саит пожрать мне дал. — Парень вдруг переключился на другое: — Один из этих пацанов, конкретно Даня, считает, что вы Петуховского грохнули не за хрен.

— А ты не верь. Пока что. Слушай меня внимательно, раб лампы. Кого бы я из себя ни строил и какие бы у меня ни были друзья-товарищи, я занимаюсь тем, что освобождаю людей. Вначале была одна девочка, теперь ты, должна быть еще одна… Ладно, не расстраивайся, свое освобождение, в отличие от девочек, ты еще должен отработать.

— Вы из разведки? — подумав, спросил парень.

— Нет, я частник.

— Вам платят?

— Надеюсь, мне заплатят, потому что без денег жить можно, но недолго. Именно поэтому на Марсе сейчас никого нет… Повторяю еще раз, хоть ты и одаренный. Мы должны очень быстро и очень незаметно оказаться вот в этой точке над Лермонтов-Юртом, где сейчас затрепетал мой синий флажок.

— А потом?

— Увидишь. А сейчас мы вернемся обратно к друзьям-товарищам, но никому из них не расскажем об этом нашем разговоре.

3

— Дальше идем пешком, — сказал Лже-Тугаев, продудев «зарю». — Граждане, сохраняйте спокойствие и не делайте заранее в штаны, потому что стирать негде. У меня в руках вы видите не портсигар, а навороченный коммуникатор известной фирмы Эриксон… Эй, товарищ, выньте пальчик из носа, я ведь и вам рассказываю… Обратите пристальное внимание на дисплейчик. Там виднеется, во-первых, трехмерная карта местности, во-вторых, какая-то букашка. На самом деле — это наш дружный коллектив. Навигационная система показывает наше положение с точностью до пяти метров, плюс всякие прибамбасы типа направления и скорости движения, и заодно рекомендует дальнейший маршрут. Короче, Аблотия с брательником возвращаются домой на своем автотранспорте. Кто еще не понял, объясняю почему. На дороге нас могут легко распатронить люди Тениева или Шамиля, который почему-то взъелся на меня. Когда в тебя садят из калаша, то поздно уже кричать «разрешите объясниться». Если кто-то не желает прогуляться пешком по свежему воздуху, может отправляться в город Сухуми, но при этом пусть учтет, что плакала его зарплата, да и обратный проезд придется самостоятельно оплачивать. Не надейтесь, зайчиком здесь не получится, так что готовьте свои кредитные карточки или подставляйте задницу водителю автотранспорта. Ну, еще вопросы есть?

— Сам ты вопрос, — отозвался непокладистый Даня полушепотом, но в открытую бунтовать не стал.

Пацаны постарались навьючить «педерала» как ишака. И хотя у Васька при ходьбе жилы из-под кожи вылезали, все равно видно было, что он уже не тот доходяга, что вчера. Саит же спокойно тащил харчи, два автомата и до черта всякой амуниции. Прирожденный воин.

Шли маршрутом, который протянул вчера Васек: вверх по склону, огибая то место, где будет сидеть до получения повестки в Страшный Суд экс-капитан Петуховский.

Маршрут маршрутом, а гора горой. Где на карте было сто метров, получалось триста, да еще вверх-вниз.

А в гуще зеленки, прикрывающей крутой склон, на скользкой подушке из опавшей прелой листвы электронный маршрут становился таким же бесполезным, как и карта звездного неба южного полушария. Пусть ты знаешь, где находишься и куда хочешь идти, но гора стряхивает тебя туда, куда тебе не надо.

Лже-Тугаев со своей командой плохишей, наверное, ушел бы

не далеко, кабы не Саит. Этот парень железно чувствовал местность и всегда угадывал, какая лощина введет вдоль, а какая только поперек.

Ближе к вечеру, когда до Лермонтов-Юрта оставалось топанья часа на три, они остановились передохнуть над водопадом, чья вода крушила камни метрах в семи внизу.

— Эй, педерал, сбегай-ка, питья набери, — велел Никита. — Похлебать охота.

Васек сжал челюсти и не сдвинулся с места. Он явно задирался, несмотря на разницу в весовых и силовых категориях.

— Васек больше не раб, — пришел на выручку Шрагин, с тревогой ожидая новых выходок от невовремя раскрепостившегося «педерала». — Нас осталось мало, мы да наша боль, и я, так сказать, дал ему вольную. Такое и на галерах бывало.

— Ну, тогда он побежит за водой по собственному желанию, — Даня выудил из куртки красивый американский нож с зазубринами и направился к ВаськУ. — Педералы, я думаю, любят щекотку.

Сережа понял, что сейчас надо кого-то или застрелить, или отлупить.

— Эй, будет вам! Приказываю немедленно полюбить друг друга, — сказал «шеф» и сразу ощутил, что уже не имеет прежнего авторитета для своих подчиненных.

Никита хотел было тоже подняться, но не тут то было, Саит удержал его за руку.

— Ты — лишний, панимаешь, пусть эти двое пагаварят па душам.

Разговор по душам начался с того, что Даня приставил нож к горлу Васька, грозный рембовский нож с зубчиками, который тут же вылетел из его руки.

«Да, Васек явно очнулся, судя по проведенному приему самбо. Но слишком уж торопится, деревенщина, отыграться поскорее хочет», — в ушах у Шрагина стала гулко биться растревоженная кровь…

Даня схватился за пистолет, но применить не успел.

Васек уцепился за рукав откормленного «романтика», блокируя оружие. Бугай Даня крутанулся и ударил бунтаря свободной рукой в лицо. Но тот висел на его правой руке, как бульдог.

Даня обхватил ВаськА левой рукой, зажал толстыми пальцами хилый подбородок экс-невольника, дернул и сам потерял равновесие. Секунду противники покачались над водопадом и…

— Эй, вы, там, петухи! — испуганно крикнул Шрагин.

Поздно. Оба «петуха» смайнали вниз, с семиметрового склона. Васек недолго пробыл свободным человеком.

— Данька-друг, ты где? — заголосил Никита, потеряв кореша из виду.

И тут снизу послышался какой-то хруст. Сережа был уверен, что это лезет Даня, и даже застонал, так перевернулось у него все внутри. Однако над обрывом показалась полуобщипанная голова ВаськА. Мокрый, пыхтящий, но щербатая улыбка сигнализирует о полном ничем не замутненном счастье.

— Добро пожаловать. А где Даня? Никита вот интересуется.

— Башку себе раскроил. Об камень. Его вода унесла. — Васек стал деловито отряхиваться почти на собачий манер.

Никита нервно затеребил приклад автомата, и его надо было срочно взять под контроль.

— Ввиду бездействия российских законов, а также шариатского права на той территории, где все это стряслось, я руководствуюсь дуэльным кодексом времен короля Генриха Наваррского. Уголовное дело закрыто, виноват никто… И ты, Никита, не волнуйся так, половина Данилкиной доли теперь твоя. А это, блин, верные пять кусков. Вернешься, корову себе купишь, в смысле женишься, квартирку обставишь, на каждом шагу Си-Ди с Ди-Ви-Ди, плейеры с рекордерами, Сони на пони, под окном Харлей, ну, в крайнем случае, Девидсон.

Судя по морщинам, возникшим в области лба, Никита задумался о положительных сторонах исчезновения Данилы.

4

К вечеру они оказались в запланированной и помеченной красным флажком точке. Только уже не на электронной карте, а в реальном мире, над Лермонтов-Юртом.

Поселение бандитствующих хакеров и просто бандитов было затянуто сплошной тьмой.

Что ночной прицел, что инфракрасный глаз лишь поверхностно щупали тьму. Слабо выделялись только крепкие стены домов, способные противостоять артобстрелу. Да еще просматривались параболические спутниковые антенны. Одна из них, много выше по склону, обращенная на север — явно для слежения за электронными коммуникациями российской армии.

Радиосканер показывал, что, несмотря на сонный вид, аул активно шестерит в высокочастотном диапазоне — активно общаясь по цифровым каналам с геостационарным спутником на скорости десять мегабит в секунду. Почему нет, если аул «в тени» мощного «Исламсата», выведенного на орбиту бин Ладеном. Можно было домыслить, как десятки хакеров мусульманского и прочего происхождения сейчас классно отрываются, громя сайты неверных за деньги правоверных… А вот, похоже, тот дом, на который указал Руслан. Хороший дом, с башенкой. Но там ли Дашина дочка?

Попробуй он только выйти на связь с Дидрихс, при такой системе слежения аул через миллисекунду засечет его, и местные хакеры намотают его кишки на ближайший винчестер.

Можно, конечно, дождаться утра, ну и угодить на шашлык какому-нибудь шариатскому патрулю.

Тогда остается только одно: идти прямо сейчас в аул.

А ведь безнадега-то полная. Выташить ребенка из этого гадюшника под силу только киношному супермену. Как он об этом раньше не подумал. Понадеялся, что за него Виртуэлла думает. И где она сейчас, в каком из виртуальных миров? Ку-ку.

Но идти придется. Ночь — его единственный союзник.

И тут хлынул дождь. Через свой коммуникатор Шрагин регулярно снимал информацию с погодных серверов и заранее знал о непогоде, но таких потоков он не ожидал.

Пока его бродячее бандформирование доставало плащи, те стали совершенно бесполезными. Под ними было мокрее, чем снаружи.

За шиворот лилась струя не хуже, чем из твоего крана, на черепной крышке крупные капли выбивали бойкий чечеточный танец.

И именно в этот непогожий момент радиосканер засек сигналы, не похожий на обычные интернетовские трассы, тянущиеся из Лермонтов-Юрта.

Засек, оцифровал, очистил, снова перевел в аналог, и кое-что удалось разобрать. Люди договаривались о приеме-сдаче какого-то груза. Говорили с помощью маскиратора, но слабенького — через обычный «мотороллер»[29], как и принято у себя дома. Но зачем прием-сдача в такое-то ненастье!

Шрагин спустился по склону метров на пятьдесят, кое-как цепляясь за корни и ветки, и снова посмотрел сквозь слегка унявшийся ливень на аул.

В одном из дворов — неподалеку от западной окраины — двое мужиков вытаскивали что-то из ямы во дворе. Мешок не мешок, но похоже «что-то» шевелится. Может, это заложник? Наверное, его вытаскивают, чтобы не захлебнулся в яме. И сейчас, наверное, сунут в подвал, который в доме.

Вон, понесли уже. Точно, человека несут, небольшого такого человека, малолетнего. Дашина дочка?

Вот люди со своей ношей скрылись в доме.

А если это и есть тот самый груз, который надо сдать? Сейчас подъедет машина и заберет.

Что же они так всполошились? Как будто дошли до них слухи о приближении Тугаева номер два, страшного и изворотливого.

Возможно, подумали они, что раз настоящий Тугаев был не сахар, то поддельный и вовсе шайтан.

Девочку сейчас увезут пес знает куда. Получается, надо немедленно ее отбивать: переться в лобовую атаку, взрывать и стрелять направо и налево.

И если срочно не ввязаться в бой, то другого шанса не будет.

Эх-ма, шанс-то совсем хиленький, тщедушный такой. Вероятность успеха — ноль целых хрен десятых…

Скажем аккуратнее, один к тысяче. Один к десяти тысячам, если учесть прилет вертушки.

Интересно, а передал ли одессит Беня госпоже Дидрихс пакетик с деньжатами?

Будем считать, что передал. Зачем ему связываться с этими бабками и подставлять всю свою межпуху под удар?..

А вот почему надо верить Даше, когда она говорит, что маленькая кавказская пленница в Лермонтов-Юрте на самом деле ее дочка? Слишком уж много непоняток связано с этой дамочкой. Что ей стоило соврать в очередной раз? Вдруг и ребенок не тот, и цель операции не та?

Вытащить заложника из этого селения крайне сложно, а вот шандарахнуть ракетой по указанной цели, по точке, где

находится какой-нибудь человечек — проще пареной репы.

Да, врать не хорошо, не интеллигентно — могла вам внушать мама, сидя в квартире общей площадью десять квадратных метров с крысиными дырами в полу и оконцем с видом на дворовый туалет. Нет, не так, мамаша дорогая, если кто умеет врать, то ему будет хорошо…

Голова болит от этих капель и от этих мыслей, и от того, что он, Шрагин, может быть, просто псих.

Где-то выше зашумело, как-то по-новому, странно. Это напоминало берег моря при некотором волнении.

Шрагин рванулся наверх, к своему опорному пункту, и ухватил Ваську за драную куртку — чтобы не унесло. Сквозь ливень не говорить, а кричать пришлось.

— Васек, что это шумит так?

— Это вы так шумите. Можно и потише, я услышу.

— Да нет, болван, что там наверху шумит?

— Это грязь, просто грязь, которой дамба мешает пролиться вниз.

— Ну тогда я болван. А что значит «вниз»? На аул?

— Если точнее, на восточную его часть. Кажется так. Нам лейтенант показывал.

— А твое подразделение не собиралось, часом, эту дамбу взорвать?

— Нет, конечно. Нам вообще Лермонтов-Юрт был побоку. И, кроме того, это ж гражданский объект, вы разве не понимаете? Да за такое под трибунал можно попасть. Это же военное преступление.

Парень мыслил государственными глупостями. То, что его фактически сдали на убой свои генералы, военным преступлением он не считал.

А если? Если мыслить нестандартно, как это принято у хороших террористов? Если взорвать дамбу, то сель бросится на восточную часть аула. Так, по-крайней мере, показывает модель, срочно построенная бровекомпьютером и спроецированная в левый шрагинский глаз. Подрыв дамбы — конечно же преступление. Но здесь, в горах, без преступлений нельзя, здесь преступление — не исключение, а норма и правило общежития.

— Васек, хватай эти чертовы батончики, похожие на «сникерсы», и дуй с ними к дамбе. Прямо к ней, никуда не сворачивая. Подыщи там местечко для закладок, надеюсь, понимаешь каких. Я скоренько за тобой. Саит, устраивайся в той расщелине поудобнее, потому что отсюда хороший вид и шезлонг бесплатный. Никита остается там, где он уже есть.

Соратники послушно двинулись в мокрую тьму.

Пару минут спустя Лже-Тугаев навестил Саита и шепнул.

— Понаблюдай за Никитой. Он мне сегодня не очень нравится. Знаешь, одна бабка сказала, что у мужиков тоже что-то вроде менструации бывает. Боюсь, даст деру наш Никита, не отработав даже аванса. И если он вдруг побежит, сделай так, чтобы он бежал не слишком долго, а то ведь устанет, вспотеет. Улавливаешь?

Саит ответственно кивнул. Никита ему тоже не очень нравился.

Дождь явно ослаб, но сейчас на размоченном склоне, струи превращались в потоки жижи, которая смывала горе-скалолаза вместе с листвой вниз. Впиваясь в склон чуть ли не зубами, Шрагин добрался до дамбы в изрядно измочаленном виде.

Эта оказалась грубая кладка из камней. Несмотря на обильное присутствие в горах модных информационных технологий — все как Билл Гейтс прописал — технология ее изготовления была на уровне каменного века. Но она работала. Она надежно сдерживала и замыкала поток грязи.

Стопроцентно испачканный и окоченевший Васек был едва различим даже в тепловом диапазоне.

— Я уже закладки сделал, товарищ бандит. По пять «сникерсов» вместе, — сообщил он. — Как меня этому учили.

— Надеюсь, ты был хорошим учеником. Теперь передавай ответственность мне. Шнур я сам отмотаю. Ты подстраховывай, в смысле — держи за шиворот.

Васек подстраховывал, а Шрагин отматывал шнур и заодно рассматривал модель грязевого потока, которую продолжал рассчитывать на своем бровекомпьютере. Модель сейчас показывала, что поток должен пройти метров на пятьдесят левее дома, где держали девочку…

Что-то ударило Шрагина под коленки, он свалился и соскользнул метров на пять вниз, увлекая за собой Васька.

Тот, наконец, вцепился в какое-то деревцо и смог удержать Шрагина, который хватался за тот странный предмет, который сшиб его с катушек.

Предмет смахивал на грязный мешок, но был несколько теплее, чем положено быть мешку. Температура недавно скончавшегося человека. Ну да, из спины финка торчит. Тьфу, хичкоковщина. Шрагин перевернул тело, и, хотя по очертаниям и так уж было ясно, посветил фонариком.

Мертвый Саит.

Финка, судя по надписи на черенке: «Вий и его команда», принадлежала Никите, который сейчас, наверняка, на всех парах улепетывал в аул.

Крайний случай настал, случай отсутствия выбора.

Хоть прилети эскадрилья «Мигов» и целый полк «черных Акул», это ничего не изменит, потому что через несколько минут Никита будет в гостях у Абдуллаева.

Похоже, пора опять через перила. Элла зовет. Меч-сканер уже рассекает примыкающее пространство-время и из слякотного хаоса возникает кристалл сценария.

— Васек, я сейчас за этим злостным нарушителем трудового договора, за хулиганом Никитой. А ты разместись где-нибудь в сторонке и дерни там как следует ручку взрывной машинки, минут так через пять. На этом твоя служба в моем полку закончена. На-ка мою запасную рацию, чтобы тебя могли твои прежние генералы услышать. И вообще, счастливо, сынок. — наскоро попрощался Шрагин с экс-невольником и бросился вниз.

На мокром склоне спуск быстро превратился в быстрое неуправляемое скольжение на заднице. Ощущения были на уровне последней версии американских горок, вдобавок каждую секунду можно было превратиться в гуляш на острых камнях или стать фаршем в колючем кустарнике.

Жалобно вскрикнув, лопнула куртка, зацепившаяся за какой-то сучок.

Сережа на мгновение взмыл в воздух и заметил впереди несколько тепловых человекообразных контуров — похоже, аул держал оборону и выставлял дозоры, несмотря на гадкую погоду.

Раздался первый выстрел. Значит узнавание было взаимным.

— Рви, блин! — крикнул Сергей ВаськУ открытым текстом, как будто это могло что-то изменить.

Но, словно в ответ, наверху коротко и плотно бухнуло.

И ничего не изменилось. Если не считать того, что свистнуло несколько пуль. У стражей аула началось развлечение: «стрельба по скользящей мишени» из снайперской винтовки с инфракрасным прицелом.

Надеждам — полный абзац. Взрыв, наверное, разве что царапнул первобытную каменную кладку.

И тут ухнула срывающаяся вниз грязь. Обрадованный Шрагин зацепился за какую-то крепкую ветку с помощью автоматного ремня и оглянулся.

От радости не осталось ни микрона. Сверху летело грязевое цунами, холодное чудовище с развевающимися черными космами. Самое время нагадить в штаны от страха. Они с Васьком явно переборщили. От естественного человеческого страха слабость протекла по позвоночнику и едва…

Шрагин рванул в сторону, оттолкнувшись от каменного трамплина, перемахнул через какую-то лощину и едва увернулся

от грязевой волны. Вал пролетел в каком-то десятке метров от него, хлестнув комьями, брызгами и шебнем.

Шрагин увидел, что дозор бросился врассыпную, но сель не дал ему уйти — дозорные захлебнулись мгновенно, вынырнула лишь одна голова, да и то на секунду.

Грязевой вал бросился на окраинные дворы, снес несколько передних построек. Господи, что он натворил из-за слезы одного ребенка. Ну что, Достоевский, нечего сказать?

Отшвырнув Достоевского, Шрагин бросился в аул. Грязь уже захватила восточную его часть, так что искатель удачи едва успел проскочить по какому-то мостку в более возвышенную западную часть Лермонтов-Юрта.

Отсюда он видел, как черная, сорвавшаяся с вершины ведьма запускает руки в самые узкие улочки, бьется в стены и заборы.

На крышах же как будто мигом грибы проросли — там угнездились люди.

Несколько минут похозяйничав в восточной части селения, жижа бросилась на западную. Шрагин вскарабкался на памятник какому-то усатому человеку и понял, что в расчетах была существенная неточность — грозная грязь может поспеть к дому, где находится маленькая заложница раньше, чем он.

Но ласковая рука Виртуэллы распахнула дверку на его затылке, и голова зачерпнула мир вокруг, поместила его в себя, сжав по неведомым алгоритмам и обрисовав важнейшие типы.

Главное сейчас, чтобы мир в его голове не слипся в тяжелый ком, чтобы четко прошла типизация и инспекция объектов… Объектный сшиватель протянул эластику нового сценария.

Психоинтерфейс захватил тело Шрагина и послал вперед.

Он спрыгнул с усатого памятника, и тут сценарий чуть не рухнул.

Шрагина захватило перекрестье лучей, которые испускали несколько мощных фонарей.

— Вот он, подлюка этот! — послышался вой Никиты.

С ним были еще трое.

«Ах так, Никита, значит, даже в говне ты не тонешь. Сейчас я подправлю сценарий». Шрагин сорвал чеку с гранаты и, отправив свой ответ в сторону фонарей, срочно залег.

Трассирующая очередь разорвала тьму в полуметре над Шрагиным и уязвила усатый памятник, однако на этом «самодеятельность» закончилась.

Граната взорвалась, плеснув вскипяченной грязью, Шрагин приподнялся, ухватил какую-то доску и сиганул в грязевой поток, подобравшийся уже к самому подножию памятника.

Грязевая волна, уничтожив немало построек и садов, несла на

себе сплошной слой веток, досок и разного мусора, который и поддерживал его. Судно на мусорной подушке пронесло тело Шрагина еще несколько десятков метров, почти до того самого дома… Из его дверей как раз выскочило несколько мужиков в дорогих кожаных пальто поверх трусов и сыпануло через забор в более высокую часть аула.

Шрагин ухватился за ветви смоковницы, тяжело стонущей неподалеку от дома, подтянулся и перевалился через палисадничек.

Во дворе грязи было по пояс, да еще за ноги что-то все время цеплялось. Хорошо, труба какая-то подвернулась. Шрагин протащил себя вдоль нее вплоть до самой стены дома.

Распахнутая входная дверь смахивала сейчас на люк тонущего корабля. Жижа вливалась внутрь, несмотря на несколько ступенек крыльца.

Шрагин, цепляясь за перила крыльца, добрался до входа и сразу за порогом столкнулся с каким-то бородатым мужиком, который попытался вскинуть автомат.

Шрагин сумел вспомнить, что его собственный «калаш» остался где-то на склоне, но про пистолет напрочь забыл, поэтому ухватился двумя руками за вешалку и влепил первому встречному каблуком чуть повыше бороды.

Брызнув чем-то теплым, мужик улегся и больше не мешал.

Его пропечатанное каблуком лицо было знакомым. Когда-то, очень давно, они уже пересекались… Нет, сейчас не до этого. Сейчас Шрагина интересует только заложница в этом большом темном скрипящем и булькающем от грязи доме.

— Эй, кто тут?

Смешно было звать того, кто запросто угостит тебя пулей или ножом. Если же не звать, как найти ребенка, затерявшегося в одном из уголков незнакомого строения? А вдруг ее уже здесь нет? Тогда он зря поставил себя на кон. Зря утопил половину Лермонтов-Юрта.

По течению жижи Шрагин понял, где может быть подвал. Грязь уходила куда-то под лестницу, под ней был и люк. Три пистолетных выстрела в замок, и вход в застенок открылся. В этот момент сердце Шрагина едва не лопнуло как перетянутая струна. Там, внизу, уже вовсю плескалась жижа.

Шрагин конвульсивно и безнадежно пошарил рукой в подвальном холодном мраке и… вдруг ухватил детскую ладошку. На трапике, ведущем в подвальную глубину, примостился ребенок.

— Так что, тебе особое приглашение требуется?

Шрагин подхватил ребенка и потащил за собой во двор, в

котором уже бушевала грязь. Но теперь он был почему-то уверен, что все обойдется.

Сзади послышался кашель, и в дверях показался тот бородатый мужик. Значит, ожил. Но это не надолго. Ухватив покрепче ребенка правой рукой, Шрагин не забыл про пистолет и, полуобернувшись, несколько раз выстрелил с левой.

Бородатый нырнул с крыльца вниз, из грязи недолго выглядывала одна лишь его задница, но потом и она скрылась.

— Ты, давай, сама цепляйся за мою шею, детка, — предложил Шрагин.

Детка охотно уцепилась за шею, и Шрагину стало нечем дышать, тем более, что грязь и так заливала рот, забивала глаза, уши.

Не переоценил ли он успех? Есть хорошая возможность глупо, по-котеночьи, захлебнуться — тощий ребенок весил как двухсоткилограммовый мешок и утягивал его в грязь с упорством достойным лучшего применения.

Шрагин как-то перевалился со своей ношей через забор и там стало чуть полегче. Но грязную мглу прорезало пламя, брызнули электрические искры — похоже, вспыхнул какой-то дизель-генератор. А затем рвануло и топливную цистерну. Селевой поток разукрасили огненные струи.

Из-за этого фейерверка ребенок так отчаянно ухватился за шею Шрагина, как будто во что бы то ни стало решил его задушить.

Внезапно еще одно маленькое существо вцепилось в руку Шрагина и завопило на непонятном языке. Неужели ребенок номер два? Ну, что мне с вами делать, со спиногрызами?

А потом с кручи на аул понеслась еще одна волна. Запасов грязи наверху оказалось больше, чем предполагалось в расчетах. Ведь климат меняется, подумал Шрагин. Климат — то самое оружие массового поражения, которое не запретишь никакими конвенциями. И отличие от атомных бомб только одно: Земле никакой климат не помеха, любой климат Земле по нраву.

На миллисекунду подпрограммист заставил примыкающее пространство застыть, кристаллизоваться, и он увидел «центр вселенной» — крепкое дерево, рассекающее грязевой поток в нескольких метрах от него. Одна из ветвей свисала совсем рядом…

Поскольку мелкогабаритные существа свирепо цеплялись за него, Шрагин смог обеими руками ухватиться за ветвь, подтянуться к стволу, закинуть на него ребенка из подвала, потом детское существо номер два.

— Давайте-ка повыше, вот ремешок, сейчас пристегну. Вот

так.

Щелкнул замок ремня, вытянутого из штанов, и тут подоспевшая волна врезала по Шрагину. Окоченевшие пальцы скользнули по коре и попрощались с деревом.

Волна подхватила его, закрутила, потащила, стараясь удавить, а он пытался вынырнуть из грязной тьмы и вздохнуть.

С минуту это ему не удавалось, но вдруг его развернуло, подбросило, и он увидел, что падает в пропасть. Потом его ударило то ли снизу, то ли сверху, и внутреннее подпространство вылетело из него вместе со всеми мыслями и чувствами впридачу…

Шрагин очнулся, когда стало светать. Несмотря на всепоглощающую дурноту, он сразу попробовал выбраться из могильного холма из веток и щебня, который покрывал его.

Резкая боль расщепила ногу. Лишь бы не перелом. Искусственный глаз приказал долго жить и далеко смотреть, из него торчали какие-то проводки. Естественный глаз различал только затянутый туманом и загаженный мусором овраг.

Шрагин встал и оперся на какую-ту корягу. Боль поначалу захватила всю его ногу, но, потерзав ее и нагрузив свинцом, отступила на исходные позиции.

Теперь Шрагин был абсолютно бесполезен. Что с вытащенным из подвала ребенком, которого он оставил на дереве — неизвестно. Но в любом случае работа закончена. А того бородатого, которого пришлось грохнуть на крыльце, Шрагин вспомнил. Сержант из комендантской роты — тот самый, что ему пальцы резал.

Мертвый, сгущенный туманом воздух всколыхнули голоса — чужая вражеская речь. Теперь надо уходить.

Просто держать за горло эту боль и ковылять, ковылять, ковылять.

5

Охотники шли по пятам. Люди то ли Валиева, то ли Абдуллаева. А, может, те и другие вместе. Преследователей было не меньше трех десятков, и они должны были рано или поздно поймать его, чутье-то у них волчье, а потом… А потом будут медленно перепиливать шею, кастрировать, сжигать. Они жили в мире первичных удовольствий и не страдали рефлексией.

Его отрубленную голову всунут в распоротый живот и бросят всё это где-нибудь неподалеку от позиций российской армии…

Разок «волки» прошли рядом с ним, только протяни руку. Не протянули, а Шрагин забился в скальную щель, где было полно прелой листвы и мокриц. Если бы у них были собаки, то они быстро бы зацапали его. Но «волки» по какой-то необъяснимой причине собак не любят.

Когда Шрагин уже наполовину выбрался из щели, то услышал, что они возвращаются. По счастью возвращался только один. Этот один заметил его слишком поздно, сказал что-то на языке урду, который является не таким уж дальним родственником русского, и мигом получил камнем по голове. Кажется, готов, — подытожил Шрагин. Он поймал себя на мысли, что бесхитростно рад этому обстоятельству. Мамино воспитание больше не имело над ним власти.

Шрагин установил растяжку с помощью последней оставшейся у него гранаты и двинулся прочь по тропе. Спустя минут двадцать до него долетели приятные звуки взрыва…

Жизнь ему теперь приходилось без достижений цивилизации.

Раздолбанный киберглаз разве что пугал пролетающих птиц. Протез с вибродатчиком и протез с иглометом уплыли неизвестно куда, сателлитовый коммуникатор накрылся вместе со своей ГПС, бровекомпьютер превратился в рассечение брови.

Экономя пистолетные патроны, бывший интеллигент добыл себе пропитание убийством какой-то голубки. Швырк камнем, подранил, затем быстренько свернул голову и поджарил на хилом костерке — чтобы дыма не было. Все, как Чингачгук прописал. Вкусно, жаль только, перья немного мешают.

Собственно, маршрута у него не было никакого. Шрагин перевалил через вершину и двигался по склону, противоположному тому, на котором находился Лермонтов-Юрт. Двигался, сильно хромая. Если не перелом, так трещина кости точно есть.

На следующий день Шрагин понял, что попал в ловушку. Преследователи были на склоне сверху, снизу, сзади, а впереди

стояла почти отвесная скальная стена, по которой можно было бы вскарабкаться только при наличии здоровой ноги и альпинистской подготовки.

Когда сзади уже хрустели мертвые ветви под ногами охотников, Шрагин заметил в скальной стене расщелину — у входа она имела метровую ширину.

Она и укрыла его на некоторое время от азартных взглядов охотников.

Хитрость, конечно, была вскоре разоблачена, и огнеметчик пустил вдогонку Шрагину вихрь горящего керосина.

Вихрь не догнал Шрагина, но враги уже поняли, что победа в кармане, и начали откровенно развлекаться. Они гнали Шрагина по расщелине, собираясь в итоге сделать из него жаркое.

Вскоре трещина стала ловушкой. Мелкая горячая дрожь во всем теле сменилась студеным, как из холодильника, пОтом, который залил его спину. Кровь уже уходила из его конечностей. На какое-то время это утихомирило боль, и Шрагин попробовал еще раз найти спасение — выкарабкаться из расщелины.

Он в последний раз захватил власть над своей телесной оболочкой, грубо завладел ею с помощью психоинтерфейса, плюя на ее жалобные стоны.

Вскарабкался метров на семь. Снизу пронеся огненный вихрь, подошвы ботинок раскалились как противни, но он думал только о том, чтобы не впустить раскаленный воздух в легкие.

А затем понял, что все. Он не может ползти наверх, он может только упасть. И надо упасть именно так, чтобы голова раскололась о камни.

Когда Шрагин собрался разжать пальцы, сверху послышался шум вертолетных лопастей…

Почудилось? Прекрасное предсмертное видение?

Нет, сверху шел натуральный вертолет. У горцев нет вертолетов, они обходятся без них, опасаясь русской авиации.

И Шрагин снова заставил свои мышцы работать.

Вертушка уже улетала, когда его голова показалась из трещины. Шрагин вытащил пистолет, в котором берег на черный день-час-секунду пару патронов, и выстрелил.

Тут же заработали и стволы охотников, которые до этого не хотели привлекать внимание пилотов.

Вертушка стал разворачиваться и…

Пошла ракета. А потом внизу что-то взвыло и ухнуло. Ударная волна выбросила тело Шрагина из расщелины. Выписав довольно длинную дугу, он врезался в плоский, как могильная плита, камень.

После этого Шрагин уже ничего не соображал и ничего не

контролировал, хотя и различал в дымном мареве три человеческих контура, которые били по нему из автоматов.

Следующим разрывом ракеты его пронесло по плато как листик.

Звуки, образы, запахи — все смешалось в какую-то окрошку. Отчетливо различал Шрагин лишь то, как вертолетные лопасти рубят воздух.

Потом знакомая, невероятно приятная тряска дала знать Шрагину, что он в кабине вертолета. Это было даже лучше, чем оказаться в утробе матери.

Кто-то дал ему кислородную маску, и он позволил себе отключиться…

— Ну стремно, из глаза провода, настоящий терминатор, блин.

Шрагин открыл левый глаз и увидел двух русских солдат, смотрящих на него, как на фантастический персонаж из фильма. Третий был Васьком. А четвертым — какой-то высокий чин. Пузатый, плечистый, с крупными звездами на плечах.

Чин представился:

— Полковник Сидоров.

— Это батька мой, — добавил Васек. — Без него бы тебя не нашли.

Шрагин управился с болью и спросил:

— Так чего ж ты не сказал своим рабовладельцам, чей ты сынок? Обменяли бы.

— А чего мне родню в изъян вводить?

— Чего уж так экономить было? Еще немного, и дедушка-чабан торговал бы твоими замороженными потрохами на базаре, — заметил Шрагин.

Как-то странно все завершилось. Он выжил. Выжил и Васек-Дуралей, который хотел быть таким, как все, никому не нужным. Да еще Васек оказался благодарным, и, к тому же, сынком настоящего боевого полковника — полковники ведь тоже разные бывают, то вообще инвалиды какие-то, то настоящие отцы солдатам…

Потом были какой-то аэродромчик, медпункт, каша из полковой кухни.

Шрагин так трескал кашу, что почти не обращал внимания на медбрата, который пеленал ему ногу в гипс и почти не слышал того, что лопочет Васек, то есть Сидоров-младший.

— Я ее нашел, девчонку-то, она на дереве сидела, Аней ее зовут. Я сразу понял, что вы именно ее искали. На дереве, правда, еще какой-то малец был, но он-то из местных. Мальца в ближайший целый дом отдал, и никто меня схватить не пытался,

может, потому, что я по-ихнему мастак говорить. А потом я с Аней чуть повыше в горы забрался и вызвал наших с помощью «Моторолы» вашей. Я ведь частоты и позывные не забыл. Девчонка без двух пальцев, как вы и говорили. А больше я ничего про нее не знаю. Да и она не колется, немножко тронулась, по-моему.

Неожиданно рядом со Шрагиным оказался строгий человек в форме МВД.

— Гражданин Шрагин или как вас там? Идти можете? Берите костыль и следуйте за мной… Младший сержант Сидоров, с вами я уже пообщался, так что вы не нужны.

«Ну, все, отвоевался, — решил Шрагин. — Бился, бился и добился собственной тюрьмы».

Шрагина завели в комнату и показали на девочку, которая сидела за неудобным милицейским столом и рассматривала картинки в книжке, называемой «Устав внутренней службы».

— Я запрос на нее послал в Москву, но ответа пока нет, — пожаловался эмвэдэшник. — Однако есть подозрение, что ребенок не здешний. Что вы об этой девчонке знаете?

— Я думал, что знаю.

Эта фраза капитану милиции явно не понравилась.

— Ну, гражданин Шрагин… Вас так или как-то иначе зовут? Было бы неплохо, чтобы вы документы предъявили. И что это вы там делали, в горах?

— Да какие документы. А что делал… ее искал. Никто не запрещает пропавших детей искать, особенно в тех местах, где ни одного человека в вашей форме не встретишь. Я искал ее, нашел, а потом меня стихийное бедствие, так сказать, накрыло…

— Вот те и на, искали-искали, чуть жизнь не отдали — судя по вашему виду. И незнамо за кого. Неувязочка получается.

«Эх, капитан, вся моя жизнь сплошная неувязочка, точнее, неоптимизированный код, полный разорванных ссылок и нулевых указателей».

— Меня наняли, товарищ капитан, но я не имел полной информации. Я думал, что это одна девочка, но вот выяснилось, что девочка-то совсем другая.

Капитан перестал буравить напряженным взглядом стену, потом примирительно вздохнул:

— Ладно. Ну, а предположения — то у вас есть?

— Предположения, наверное, найдутся, герр гауптман.

Шрагин задумчиво постучал костылем по гипсу. Это не девочка Даши Дидрихс, никаких признаков азиатской крови. Если Даша и хотела найти ее, то для чего-то другого. Рыжеватые кудряшки, светлые глаза, хрустальные какие-то. Кого же она ему

напоминает?

Шрагин прокашлялся и спросил девочку:

— Твою маму Викой зовут? Викторией?

Девочка не ответила и даже не оторвалась от «Устава внутренней службы», лишь едва заметно вздрогнула.

— Слушай, малыш, у меня тоже двух пальцев нет. И ничего, протезики мне сделали. Они сейчас, правда, немного потерялись, но скоро поставлю новые, и можно опять в носу ковырять.

Девочка обернулась и посмотрела на руку Шрагина.

— Так твою маму Викой зовут?

«Хочет сказать, но не может».

— А того дядьку с бородой я, так сказать, того. Он уже не придет никогда, не бойся. Все теперь будет только лучше и лучше… Все-таки твоя маманя, случаем, не Виктория Каширская?

Губы девочки беззвучно отозвались: «Да».

«Энгельманн велел украсть ее и спрятать. Даша просто-напросто хотела ее уничтожить, залпом с вертолета. Что они там не поделили, эти акулы? Ну, а горцы посчитали, что девочка годится на то, чтобы отрезать у нее пальцы и отсылать господину финансисту.

И в чем тогда виновата Вика Каширская, если никто не видел в ней маму, а в ее ребенке — просто ребенка?

Вика, конечно, постаралась передать свое несчастье дальше, но изначально она все-таки жертва.

А, не буду звонить Матову, сразу этой чертовой маме и позвоню. Сидит, наверное, по прежнему в приемной».

— Можно я от вас звоночек сделаю, товарищ капитан? В Питер, — попросил Шрагин милиционера.

Тот возмущенно засопел, но все-таки согласился.

— Ладно, звоните, только недолго. Нам и так уж связисты-гады грозятся телефон за неуплату отключить.

Шрагин набрал номер.

— Холдинговая фирма «Хехст энд Протасов». Секретариат.

Да, фирма перешла уже в другие руки. Но это голос Вики, она осталась на месте.

— Привет, Вика, Шрагин беспокоит.

Там молчали, иступленно молчали.

— Я нашел твою дочь. Я считаю, что это твоя дочка. Ведь она называет своей мамой некую Викторию Каширскую. Особые приметы — два следа от ветрянки над левой бровью. Один глаз чуть темнее другого, но оба хрустальные такие. Волосы кудрявые, светло-рыжие… И, в общем, у нее теперь все в порядке, не считая некоторых мелочей. В отличие от тебя.

В ответ раздался настоящий вой:

— Какая же я сволочь!

Шрагин обернулся к милиционеру:

— Все, вы можете не беспокоиться, товарищ капитан. Мама нашлась. В отличие от ваших связистов, она осознала свои ошибки, и я могу отвезти девочку в…

— Разбежался, отвезти… Мы даже не знаем, кто ты таков, — отозвался эмвэдэшник. — Дайте-ка я с мамашей поговорю. Пусть сама сюда явится. А вам, по доброте душевной, посоветую, гражданин Шрагин, уматывайте поскорее. Так будет лучше для нас для всех.

— Мою маму зовут Викторией Владиславовной Каширской, — сказала вдруг Аня, — а моего папу — Андрей Арьевич Шерман. Только он с нами не живет.

Глава 5. Маринад по-люксембургски

1

Шрагин посмотрел на футбольное поле, отделенное от старинного здания школы живой изгородью. Другому бы на его месте понадобился бинокль. Но великий и могучий Ваджрасаттва сделал так, чтобы его новый киберглаз давал троекратное увеличение по принципу «как у орла» в центре поля зрения. Передачи сигнала на имплантированный экран уже не требовалось. Через наноадаптер сигнал перескакивал прямо в оптический нерв. Смастерил индус и новые пальцы-протезы.

А по-поводу известной ядовитости игл он невнятно как-то объяснился. Мол, яд бинарный, по отдельности компоненты безвредны, закупаются у третьей стороны, третья сторона могла что-нибудь и перепутать…

Школьники и школьницы гоняли мяч с одинаковым усердием и одинаково неумело; вот такая она — эмансипация.

Если Ваджрасаттву удалось найти сразу, по крохотному адресу, оставленному на задней, уцелевшей стенке киберглаза, то обнаружить госпожу Дидрихс столь же быстро не получилось. Амстердамская клиника, похоже, легла на дно, дюссельдорфская практика была продана какому-то дантисту. Но Сергей знал, где можно встретить Дашу…

Хотя Шрагин внимательно наблюдал за тем, как дети гоняют мяч по отличному западноевропейскому газону — господи, почему ж у них даже трава крепче — однако уловил, что сзади подходит или, может, даже подбирается человек.

Точнее, он это «увидел» с помощью вибросенсора. Несмотря на то, что подкрадывалась к нему женщина с очень мягкой поступью. Догадаться об остальном уже не представляло труда.

— Привет, Даша. Я тут вовсе не для того, чтобы намекать на какую-то угрозу для твоей дочурки — кстати, она классно играет в футбол, а просто, чтобы с тобой встретиться. Есть ведь еще общие темы, как мне кажется… А твоя пацанка и в самом деле похожа на Андрея. В том, что он автор, можно нисколечки не сомневаться. Хотя, по счастью, ростом и комплекцией она не в папу.

Даша Дидрихс прислонилась к чугунной решетке, за которой начинались владения школы.

— Далась вам его комплекция. Андрей был симпатичный мужчина, вот и все.

— Хм, никогда я не мог понять женских вкусов.

— В самом деле? Ну, на мой взгляд ты тоже ничего. Особенно после того, как Ваджрассатва в очередной раз улучшил тебя. Надо

сказать, что каждая твоя потеря оборачивается для тебя новыми интересными приобретениями.

— Спасибо, Даша. А вот ты все, что надо, приобрела еще при рождении.

— Тоже спасибо… А еще ты такой везучий парень. Тебе все-таки удалось прокатиться по Кавказу, да вдобавок вернуться оттуда с трофеем.

— Это не трофей, а ребенок по имени Аня Каширская. И теперь она наконец дома. Хавает конфеты и играет в куклы. Она, кстати, тоже дочка Андрея Шермана, о чем тебе наверняка известно. Я думаю, он все-таки понял, что ему прислали именно палец Викиной, а не Ритиной дочери, и это обстоятельство его самоубийства. Дополнительное чувство вины, что ли. Кстати, у всех трех девчонок рыжеватые кудряшки, даже у твоей — просто поразительно. Наш герой был настоящий праотец Исаак в новом издании, только в любимых женщинах не было того согласия. Между любимыми женщинами царили разногласия. Ведь если мужику все время подавай новые пространства, то женщине нужна одна-единственная точка опоры, которую она не намерена делить с товарками. Поэтому-то любимые женщины господина Шермана скверно относились друг к дружке и детишкам друг дружки. Вон ты даже авиацию хотела послать, отбомбиться по Ане Каширской. Сколько там стоит боевой вертолетовылет с опознавательными знаками по желанию заказчика?

— Слушай, уши вянут, — оборвала Даша Сергея. — Небось молчал как пень сорок лет, а сейчас разговорился. «Отбомбиться по Ане»! Чушь. Вытащить я ее оттуда собиралась. Да, я наврала тебе насчет того, кто там в заложниках, но что тут особенного? Я тебя жалостью повязать хотела. Хотела взять в свою компанию, чтобы вместе миллионами ворочать. Я думала, ты жалостливый. Но ты еще и кретином оказался. Дал от меня деру вместе с двумя лимонами… Так что давай лучше к делу.

— Ладно, вернемся к делу. Я полагаю, что ты зря взяла те сто тысяч и, по идее, тебе надо бы их вернуть… Ага, не замечаю энтузиазама на твоем красивом лице. Поэтому предлагаю тебе заслужить их и получить еще довесок. Есть одна работенка.

— Ага, похоже ты собрался прикончить одного красавчика, — произнесла догадливая женщина.

— Я собрался вывести Энгельманна из игры, скажем так. И ты должна искупить свою вину честной работой на меня.

— Не надо меня агитировать, Серега. Я сама когда-нибудь сделала бы это, в смысле грохнула бы его.

— Я придам тебе ускорение, Даша.

— Я почти согласна. Почти.

— К этому «почти» мы еще вернемся. Но вначале, в качестве жеста доброй воли, ты должна мне рассказать об Ане Каширской. Что она из себя представляет в твоих глазах и глазах Энгельманна? Сдается мне, что вы вдоволь поэкспериментировали с этим ребенком.

— Да, это можно было назвать экспериментальной медициной, — отозвалась Даша, перестав смотреть на Шрагина.

— Однако эксперимент не был вызван срочной медицинской необходимостью. Хотя Вика передала своей дочери ген Xte, он ведь не обязательно должен привести к болезни. Пусть вы с Энгельманном и внушили Вике обратное.

— Допустим, не обязательно. Но я дала этой девочке стопроцентную неуязвимость. Ни у кого на Земле больше такой нет. Можешь ты это понять? Поэтому она и выжила в яме.

— Но своей собственной дочурке ты бы не стала создавать неуязвимость такого сорта, а, Долли?.

— Своей дочери я могу дать другую защиту, в отличие от этой секретутки. Мало того, что с генетическим дефектом, так еще и блядь. — Даша возмущенно выдохнула. — Эта хренова мамаша могла на неделю дома одного ребенка оставить и укатить к очередному хахалю на дачу. И, если честно, финал у нее не за горами…

Вот и прояснилась тема. Энгельманн считал Аню Каширскую своей «овеществленной информацией», поэтому велел украсть ее и спрятать. Возможно, и пальцы ей рубили не только для шантажа папы, но и в экспериментальных целях — посмотреть, как организм справится. Даша тоже видела в Ане Каширской свое кровное «ноу-хау», поэтому и хотела… Скорее всего хотела уничтожить его, чтобы никому не досталось.

Обсуждать тут больше нечего. Или бросаться на госпожу Дидрихс и душить, или все-таки поверить в то, что она — не детоубийца.

— Давай, Даша, лучше поговорим о деньгах.

— Только не о той жалкой сотне тысяч, которые мне передал Беня. В принципе я могу сказать, что он мне вообще ничего не передавал, кроме поздравлений с наступающим Новым годом.

— Но я взял у Риты еще сто тысяч.

— О, это уже интересно. И где они? Я могу помочь тебе их потратить.

— Не торопись, красавица. Пятьдесят тысяч, за исключением того, что успели получить «соратники», утонули в Лермонтов-Юрте. Но другие пятьдесят хранятся в консервной банке под могильной плитой моей прабабушки на старом одесском кладбище. По счастью, и Ваджрасаттва сделал свою работу в

кредит, под мои будущие доходы. Так что эти вполне целые полста кусков могут стать безраздельно твоими, при определенных условиях конечно.

— Почему ты не оставишь их себе? В Питере ты можешь с ними до конца жизни протирать штаны в пивных и рюмочных, да еще с гордым видом бросать мелочь попрошайкам.

— Потому что мне нужен Энгельманн. Пятьдесят тысяч, за вычетом небольшой суммы, которая нам понадобится для проведения соответствующего мероприятия, мы кладем на совместный счет. Приличные, хорошие бабки. И эти деньги ты получишь по завершении операции.

— Слушай, мне кажется, что я веду эти разговоры в присутствии своей дочери. Поехали куда-нибудь, посидим, так сказать? — предложила Даша.

— «Посидим», разбежалась. Знаю, сколько тут рестораны стоят.

— Да я угощаю, Шрагин. Кстати, тебя немецкая полиция, случаем, не разыскивает? За тобой же тут труп числится.

— Случаем нет, не числится. Получение соответствующей справки мне обошлось в пятьсот евро. Наверное, браток тот нелегально находился в ФРГ, поэтому и отбыл на родину, скорее всего, в футляре из-под горных лыж.

2

— Рита была довольно смазливой, умной, да и склонной к блядству по расчету. Деловая такая девушка. Секс не занимал большого места в ее жизни, но и проблем особых не вызывал. Конечно же, Андрей подружился с ней — русскоязычная, безотказная…

— О мертвых ничего плохого, потому что и сам будешь таким же…

«Но, вообще, надо признать, Андрей умело создавал впечатление серьезного, положительного господина, а сам вот детей сколько наклепал между делом. Теперь другим за него расхлебывать… Даже приходится мило общаться с этой форменной гангстершей. Впрочем, если встреча полувраговполупартнеров позволена на высшем межгосударственном, так сказать, уровне, то почему она недопустима у простых граждан? Ведь ничего не поделаешь, есть взаимные интересы, есть отличное рейнское вино на скале, нависающей, конечно же, над отцом-Рейном. Неподалеку, кстати, то чудесное место, где рецидивистка Лореляй гробила проплывающих речников с помощью сильных афродизиаков».

У собеседницы тоже стимулирующих мест хватает: и эта ложбинка промеж грудей, и расчетливо открытая коленка правильной формы, и эти идеально белые зубки, двигающиеся между ярких пухлых губ. И стоит ей только податься вперед, как вот сейчас, собеседника тут же накрывает таинственная волна эротической окраски, отчего он поспешно откидывается назад на своем венском стуле.

— Я, действительно, с бОльшим удовольствием прикончила бы Маргариту Вальцеву-Шерман-Нечипорук, — призналась Даша. — Да и она, наверное, не против, чтобы мы с тобой оба сгинули на этой адской выставке трупов. Подходящее ведь местечко, тебе не кажется?

— Давай, Даша, рассматривать этот музей-могилу не как адскую выставку, а просто как черный ящик. Что в него попадает и что из него выходит? Попадают трупы, ткани, органы, а выходит строительный и прочий мусор.

— Давай, Сережа, поскореее перейдем от теории к практике. Если ты согласен какое-то время побыть трупом, то я тебе помогу попасть в музей.

— Но их же замораживают!

— А почему бы и тебе не побыть в холодке какое-то время? — сказала Даша и, несмотря на теплую погоду, по спине Шрагина

загулял озноб. Идея была здравой, но уж очень несимпатичной. — Со схемой поставок я знакома. Ездят такие фургоны, похожие на те, в которых перевозят мороженое. Но «мороженое» в них не на всякий вкус. Это биоматериал в пакетах из толстого пластика.

Надо какой-нибудь из этих фургонов отследить, подловить и в удобный момент подменить пакет.

— Я все-таки не сливочное мороженное, мне низкая температура может повредить.

— Во-первых, Шрагин, ты будешь в теплоизоляционном костюме. А во-вторых, я тебе сделаю укол, от которого ты заснешь примерно на два часа. В это время твое хилое тело сможет переносить гораздо более низкую температуру, чем та, к которой оно привыкло. А еще перед сном ты проглотишь ампулку с эпинефрином, ее стенки растворятся в твоем кишечнике через два часа и ее содержимое разбудит тебя получше любого будильника.

Он не мог отказаться от мести Энгельманну, и она это знала. Может, поэтому и подобрала вариант, в котором он оказывался в максимально уязвимом и зависимом от нее положении.

Подстраховывают ли его те пятьдесят тысяч, которые он положил на совместный счет и которые она в случае его безвременной кончины никогда не получит? Если Даша сочтет Шрагина исполнителем Ритиной воли, то его песенка спета. Госпожу Шерман госпожа Дидрихс ненавидит еще больше, чем господина Энгельманна.

— Теплоизоляционный костюм, Шрагин, я беру на себя. Как там тебе действовать на местности, мы потом разберемся, у меня есть план музея… Но суть такова: ты попадаешь вместо трупного материала во владения Энгельманна, там тебе придется преодолеть несколько запоров, но основной ключ-код я знаю, и у тебя будет время, чтобы подобрать дополнительный. Твоя основная задача: добраться до пультовой и там отключить электропитание через компьютерную систему управления музеем. Если получилось — вырубаются все наблюдательные подсистемы. Пока запускается резервное питание, в музей проникает еще один человек, то есть я. Больше нам ничего не нужно…

— За исключением мультиносителей. Я угадал?

— Еще их обзывают биогенераторами. Хотя я бы их назвала бутербродами. — По затвердевшему Дашиному лицу стало ясно, что это очень и очень больная тема. — Они, и в самом деле, смахивают на бутерброды; первый слой — процессор на нанотрубках, второй — золотая матрица, третий — вирусные вектора, упакованные в сверхтонкий пластик. Каждая такая штука стоит как новенький «мерседес». И в них воплощена перфекциновая технология. Моя технология.

— Твоя, так твоя. А если Энгельманн лишится этих «бутербродов», ему как будет? Хреново, наверное?

— Хреновей некуда. Ведь перфекциновая технология уйдет от него.

— И придет к тебе. Это для него нокаут, точно, Даша?

На камне обозначилась улыбка. А потом от окаменелостей не осталось и следа.

— Угадал, Сереженька, — сказала Даша кокетливым голоском.

— И ты знаешь, где эти мультиносители находятся?

— Скорее да, чем нет. — Ее голос был по-прежнему кокетливым, с примурлыкиванием.

— Тогда они все твои, кроме мультиносителя Ани Каширской.

И опять Шрагин увидел перед собой твердь, статую Будды в женской ипостаси. Как только Даше удаются такие переходы?

— Шрагин, вторая часть фразы сводит на нет первую. Перфекциновая технология — это не эскимо на палочке, которое можно лизать всем вместе. Либо она — твоя, либо нет. И каждый мультиноситель дает представление о всей технологии в целом.

— Тебе все равно не удастся ее запатентовать, ты — не Энгельманн. Тебе остается только одно — открыть, обнародовать ее. И удовольствоваться ролью первооткрывательницы.

— Почему нет? — неожиданно легко согласилась Дидрихс и убрала каменную маску с лица. — Конечно, мне не удержать это дело в моих слабых руках. Слишком оно весомое. Слишком много тяжеловесных игроков на этом поле… Вот и за твоей спиной проглядывает кто-то. Почему бы мне не одарить, помимо «Женевского клуба», еще и… русскую разведку?

— Русская разведка — насмешила. Штирлица во мне разглядела. Ну зачем чекистам нужен кретин, как ты сама говоришь? Нет, пожалуй, это даже не смешно. Лучше вернемся к Энгельманну.

— Опровержение принято к сведению, — усмехнулась Даша. — И в самом деле, сейчас в твой разведке трудятся одни старорежимные бестолочи и тонкую технологическую игру им не потянуть. Тогда, может, тут что-то потустороннее замешано.

— Ага, ты стала видеть духов как баба Ванга, поздравляю. Ты теперь баба Даша, да?

— Я увидела кое-что на рентгеновском снимке, который я тебе сделала в своей амстердамской клинике. Какой-то странный след. Так у тебя не было травмы черепа?

Опять про это. Странное затемнение на решетчатой кости…

— О чем вы, доктор Дидрихс, какая травма? Это когда

головой об стенку? Нет, не было.

— Потом этот рентгеновский снимок куда-то запропастился. Как раз, когда у меня «гостил» Ваджрасаттва. Да и самого Ваджрасаттвы я, в отличие от тебя, больше нигде отыскать не смогла. К слову, странный он тип — в кредит, понимаешь, работает… Жаль, что ты не позволишь, дорогой Эрл Грей, сделать тебе новый снимок черепа. Или?

Дашины губы слегка приоткрылись и почти поцелуйным манером двинулись вперед. Как будто госпожа Дидрихс не хирург и не сворачиватель голов, а игривая дама полусвета.

— Угадала, не позволю, — поспешил отрезать Шрагин, вжавшись в спинку венского стула. — Ты можешь мне там наснимать пару новых дырочек, который не было раньше.

— Понимаешь, Сережа, в общем, я уже догадываюсь, какая «невидимая рука» движет Энгельманном и «Женевским клубом», — сказала Даша. — Это невидимая рука производства. Лишь бы производилось, лишь бы потреблялось, пуская дураками, пускай франкенштейнами… Но вот лучше ли та «невидимая рука» той, что движет тобой? Боюсь, ей люди вообще не нужны, ни в живом, ни в оживленном виде… А скажи, милый мой пациент, не преследуют ли тебя некоторые звуки, ощущения, образы, которые, мягко выражаясь, несут на самом-то деле недоступную тебе информацию?

«Если ты про Виртуэллу, то я, конечно, тебе ничего не скажу. Виртуэлла появилась, когда я уже хорошо познакомился с психиатрами, если точнее, в ночь накануне третьей психушки, три года назад. Имя я ей дал — вернее, она сама взяла — из одной придурочной аркадной игры. Элла как будто нашла воплощение в моем компьютере, потом стала навещать мою голову. При всем при том, разве можно назвать ее плодом моего безумия, если она не дает мне превратиться в законченного психа?

Да, однажды она попросила станцевать с ней, и как раз во время этого «белого» танца меня прихватила скорая психиатрическая помощь, вызванная испуганными коллегами. Но ведь могло быть и хуже. Много хуже. Я не бросился в окно с криком «Победа», я не прекратил думать, я не превратился в бессмысленного психа, набитого всяким калом по самую черепную крышку, не стал как овощ на огороде.

Элла помогает мне существовать, она дает мне надежду на взлет. И, самое главное, она заставляет меня действовать.

Элла всегда разговаривала со мной на языке объектно-ориентированного программирования, помогая втиснуть хаос вокруг в пространство имен и четкие потоки событий. Она

освещала тьму с помощью классификации и типизации. И она такая красивая, что всегда хочется ее слушаться.

Вообще, если глубже копнуть, Элла обозначает для меня конец старой эволюции, где смерть была двигателем и разные некрофилы типа Энгельманна числились в творцах. Она обозначает для меня начало новой эволюции, когда наше творение станет защищать нас от гибели и забвения. Когда время перестанет быть Сатаной и Разрушителем номер один.

Да, иногда я вижу за Эллой кого-то еще. Они не боги, не ангелы, они существа другой, параллельной жизни, которая существовала всегда. Эту жизнь можно назвать искусственной, потому что мы помогаем ей воплотиться. Мы творим ее, но и она одновременно творит нас. Если все творят и сотворяются, то и жизнь продолжается…

Возможно, и в самом деле, существуют три пути: путь некростабилизации по Энгельманну, путь традиционного варварства по, скажем так, Тугаеву, и путь сотворения нового цифрового мира по Виртуэлле. Я выбираю третий путь, пусть он даже и приведет к тому, что на Земле останутся одни процессоры и накопители, то есть кубы и параллепипеды.

Почему нет, если в этих кубиках найдет себе пристанище по-настоящему разумная жизнь?»

3

Сразу после пробуждения он стал вспоминать, как ему было страшно перед погружением в «холодный» сон.

Фургон с «мороженым», который они пасли, остановился возле «Макдоналдса», и на все про все имелось в запасе пять минут — пока шофер разряжался в сортире.

Гидрокостюм был уже натянут, осталось только получить укол и проглотить ампулу. Тем временем какой-то уголовник-босниец, нанятый Дашей, вскрыл замок фургона.

Лишь бы проснуться снова, лишь бы проснуться, кричал Шрагин всеми фибрами своего тела, увидев распахнувшиеся ворота этой преисподней на колесах.

Вход в рефрижератор сразу затянуло паром, босниец с Дашей засунули Шрагина в пакет, из которого был вытряхнут труп, и кинули в передвижную могилу. Псевдопокойник упал на чей-то окостеневший нос и, пару раз всхлипнув, отключился…

После пробуждения Шрагин даже не почувствовал стужи, только окаменение. А потом адреналин сделал свое дело, пришли и боль, и мучение, и нелегкая борьба за овладение собственными членами…

Шрагин пропорол пакет ножом и с трудом поднялся, разбрасывая бывших товарищей по несчастной людской жизни.

У него был рецепт, как выбраться из холодильной камеры, Дашин рецепт, и очень хотелось, чтобы он сработал. Потому что такая холодрыга, как здесь, по кайфу только «бывшим».

От теплового зрения толку было ноль, и Шрагин вытащил фонарик — купленный в спешке, на полуторавольтных батарейках.

Не работает! Шрагин, стараясь убить дрожь, вытащил батарейки, постучал ими об ладонь, всунул обратно. И свет появился, если точнее небольшое световое пятнышко.

Челюсти и колени уже трясутся, а двери все не видно. Как будто замурован тут. В голове запел мрачный древнегреческий хор из трагедии «Антигона».

Или, может, эти едва заметные стыки — и есть дверь? Ну да, зачем он ручку-то искал, не должно быть ручки у этой двери.

Рядом с стыком еще шовчик квадратный имеется, значит, нашлась и панель, ведущая к электромеханическому запирающему устройству. Теперь попробуй только не отверни крохотные шурупчики — вся твоя жизнь и смерть на кончике отвертки.

За снятой панелью нашлось два проводка, синий и зеленый, сейчас же перекусить их крохотным выскользающим из деревянных рук инструментом, затем выдернуть штеккер из разъема и…

Поддается дверь или нет? Поддается, если налечь как следует.

Шрагин радостно вылетел в коридор, но и здесь оказалось мрачновато; справа и слева двери холодильных камер.

Бровекомпьютер наложил путеводную схему на окружающее пространство.

За поворотом должен быть вход в коридор, который ведет прямиком в операционно-монтажный цех, тот самый, где производятся пластинаты.

Схема не наврала, коридор нашелся, точнее, тоннель с транспортером. Особо не погуляешь. Впрочем, гулять тут некому, здесь все ложатся на ленту и дают себя транспортировать в лучший мир.

Шрагин тоже улегся и нажал кнопочку на панели управления, благо рука дотянулась.

Лента плавно поползла вперед, запахло какой-то химией, сверху полилась едкая гадость — Шрагин едва успел натянуть капюшон гидрокостюма. Только поймай это дело на макушку, и ничего, кроме зеленоватой лысины, не останется. Стало быть, биоматериал серьезно обеззараживается снаружи, чтобы препараторам не требовалось мыть руки перед едой.

И не только снаружи. В Шрагина едва не воткнулась игла по самый черенок. Детектор шприц-автомата точно определил место нахождения наиболее мягких тканей. А вообще это титановое копьецо могло и кость пробить, если б Шрагин не парировал выпад металлическим корпусом своего коммуникатора.

Лента транспортера принесла его в монтажный цех и сделала остановку в секторе, помеченном буквой «фау».

Пять утра уже, самое вязкое тяжелое время в распорядке дня человеческого, но именно сейчас предстояло как следует растормошить музей-могилу.

Где-то на высоте следующего этажа, по периметру цеха тянется галерея; за большим стеклянным окном видна пультовая. Под этим внушительным окном — дверь, за которой трап, ведущий в пультовую.

Шрагин размял руки и сковырнул щиток, прикрывающий электронный замок двери. Теперь надо вставить чип-ключ, предоставленный Дашей, в слот, и штеккер от коммуникатора — в аварийный разъем. Одновременно, чтоб ни секунды разницы…

Окей, склеилось, теперь есть минутка, чтобы подобрать

дополнительный ключ-код. Не успеешь — завизжит…

Поддалась чертова дверь на сорок пятой секунде, когда немало уже пота пролилось под гидрокостюмом.

На сорок шестой секунде Шрагин оказался в пультовой. Тут на почетном месте нашлась клавиатура в пару сотен сенсорных клавиш и рядом плоский стереоэкран. Включение от того же чип-ключа, затем ввод известных и подбор неизвестных кодов доступа — тридцать три секунды, и он «внутри».

На главном компьютере музея-могилы работала новомодная операционная система «кристоллз». Кристаллы, представляющие различные подсистемы, внушительно кружились, открывая взгляду свои неприступные алмазные грани.

Подсистема «основное энергопитание», ввод ключей доступа.

Грань задрожала и открылась.

Теперь ввод ключа «останов». Пошел процесс в прогрессе. Сто процентов исполнения. Через двадцать секунд включится аварийная система питания. Еще через минуту она выйдет на стандартные параметры. Пора посылать приглашение Даше. «Дхарма, вперед». Мигнул коммуникатор, сигнал послан, принят, понят. Даша теперь тоже на объекте.

Приятно, чертовски приятно, что его работа закончена и ему можно отваливать.

Несколько расслабленной походкой Шрагин направился к выходу из пультовой…

Дверь, через которую он попал сюда — полностью перекрыта!

И открыть ее можно только снаружи — никакого замка с этой стороны. Об этом его Даша не предупредила. Или она сама не в курсе, что во время сбоев с питанием пультовая автоматически блокируется?

И на его экстренный вызов Даша тоже не откликается.

О чем же она еще забыла предупредить?

Может быть, о том, что после того, как она хапнет эти мультиносители, партнер Шрагин ей больше не нужен? Она отвалит через мусорный бункер, а он останется в музей-могиле навсегда.

Хорошо, ну эти премиальные бабки, эти пятьдесят тысяч, Дашу не прельщают?

Может, и прельщают, да только ведь «бутерброды»-мультиносители стоят куда дороже.

Да и со своими поворотливыми мозгами уж всяко найдет она способ снять деньги с совместного счета и без участия господина Шрагина.

Дидрихс отлично все просчитала, не учла только один фактор — русской непредсказуемости.

Шрагин вытащил из внутреннего кармашка нечто напоминающее сникерс. Этот «батончик» он всегда возил с собой, начиная с «отдыха в горах». Закрепил на двери, прилепил взрыватель. И спрятался за каким-то железным шкафом в другом конце пультовой.

От взрыва сильно заложило уши, Шрагин даже испугался за свои барабанные перепонки. А еще завыла пожарная сирена. Дверь, на которую он установил взрывчатку, осталась на своем месте, но рядом с ней парадоксально исчез приличный кусок стены. Там и сям с гадким смердением горел пластик.

Шрагин шагнул в пролом и едва не поскользнулся на расплавленной пластмассе, тут еще забрызгали пеной автоматические огнетушители.

Где-то на другом конце коридора раздались три выстрела. А судя по схеме, там как раз и находится хранилище драгоценных «бутербродов».

Нестись во весь опор туда, где стреляют и, возможно, убивают— совершенно нелепое дело, но сейчас именно этим Шрагину и пришлось заниматься.

В конце коридора была полуоткрытая дверь с нелюбезной надписью «Zutritt verboten»[30]. Шрагин сорвал со стены огнетушитель и, выставив его вперед, обреченно вошел туда, куда его никто не звал.

Первым делом киберглаз зафиксировал полушкаф-полукомпьютер, в слоты которого были вставлены мультиносители.

А затем киберглаз зафиксировал три тела. Двое убитых с нашивками «Security» и живая, но тяжело раненная Даша. Она сидела на полу, прислонившись спиной к шкафу. В правой руке у нее было что-то типа зажигалки — наверное, дистанционный взрыватель, в левой — металлический кейс, явно с тяжелой порцией мультиносителей внутри.

Судя по пузырям в углах рта и очень неприятному сипению, пуля попала ей в легкое, да и настроена госпожа Дидрихс была решительно.

— Я не могла иначе, — сказала она торжественным полушепотом и взяла паузу на хрипение. — Я не могла не обманывать тебя. У нас разные пути.

— Отдай мне мультиноситель Ани Каширской.

— Нет. Это ключ к моей технологии. И я сейчас собираюсь покончить с ней.

— Если ты даже не выберешься отсюда, твоя дочурка получит пятьдесят тысяч, я обещаю. Этого достаточно любой девушке, чтобы не носить штаны с заплатами. Но только отдай мне

мультиноситель Ани Каширской.

Даша как будто даже пробовала засмеяться, потом щелкнула какой-то кнопкой на своем кейсе и оттуда выскочила плоская коробочка.

— Все-таки ты покорил меня. Бери и уматывай… Только в течении сорока восьми часов эта штука должна оказаться в соответствующем хранилище, к примеру, в питерском институте имени Энгельгардта.

Шрагин поднял коробку и сунул в карман.

— Давай, я помогу тебе…

— Иди вон, — кратко отозвалась Даша и отвернулась.

И Шрагин побежал по коридору. Когда он был около лестницы, дверь с надписью «Zutritt verboten» улетела как листик. Потому что взорвался шкаф с мультиносителями. Заодно не стало гениальной, но сильно испорченной обстоятельствами женщины, известной как Даша Дидрихс.

А Шрагину надо было поскорее попасть в бункер для мусора.

Наверное, виртуальные стрелочки, видимые только ему одному, рано или поздно вывели бы его к цели, но в пультовой уже сидели враги.

Они уловили траекторию Шрагина, и путь вниз по трапу оказался перекрыт резко опустившейся решеткой.

Тогда Шрагин резво поднялся на один лестничный пролет и пробежал по длинному коридору, расчитывая в конце его попасть на другую лестницу.

Но оказался в производственном помещении.

Здесь главное место занимал бассейн, или, может быть, большая ванная. Ванная была заполнена маслянистой и тяжелой на вид жидкостью. Купаться в ней живым людям явно было противопоказано. Шрагин понял, что ванная залита по самые борта знаменитым поликонсервантом Энгельманна, тем самым, который проникает в человеческие ткани на любую глубину и заменяет там жир и воду на стабильный пластик.

С одного из бортов в глубину ванной уходило что-то вроде эскалатора. Только вместо ступенек у него были ковши, заряженные биоматериалом — ломтями человеческого торса.

Наша цель — человек, мог бы с гордостью сказать Энгельманн. Прошли те времена, когда к телу человека относились абы как, как к дешевому удобрению, в лучшем случае.

«Наша цель человек», — сказал Энгельманн.

Шрагин вовремя обернулся. На него смотрели руководитель музея-могилы и рослый беловолосый охранник в черном, типичный эсэсман с виду. Сам же Энгельманн был облачен в какую-то кимоно-пижаму, как будто только что вскочил с ложа. В

крепкой руке рослый ариец держал Смит-Вессон, ствол сорок четвертого калибра пристально смотрел на нарушителя.

— Что там у вас в кармане? — спросил Энгельманн. — Эй, выкладывайте немедленно, только осторожно.

— Да-да, пожалуйста. — Шрагин немножко расстегнул свой гидрокостюм, вытащил мультиноситель и помахал им в воздухе.

— Теперь медленно положите этот прибор на ближайший стол и сделайте шаг назад, — распорядился Энгельманн.

Все ясно. Энгельманн беспокоится о ценной вещи. Ее нельзя ронять. Если ее заденет пуля — еще хуже. А вот когда музейный вор аккуратно положит мультиноситель на стол и сделает шаг назад, ариец выстрелит.

— До свиданья, — левая рука Шрагина, сжимающая мультиноситель, направилась в сторону стола, а правая стала подниматься как бы в прощальном жесте.

Эластика будущих событий уже потащила Шрагина по единственной спасительной траектории, но и проворный ум Энгельманна мигом все уловил.

— Стреляй, — зашипел он, как королевская кобра, охраннику.

Однако эсэсман уже нетвердо почувствовал себя на ногах из-за внезапной занозы. Вряд ли он даже понял, что у него в горле застряла ядовитая игла.

Палец Шрагина «укусил» его столь быстро, потому что модернизированный игломет системы Ваджрасаттвы нуждался только в мысленном приказе, так сказать, небольшом мыслеусилии.

Охранник качнулся вперед. Шрагин, положив драгоценную коробочку на стол, резко присел и, крутанувшись по полу, подсек беловолосого под коленки. Потом вывернул пистолет из ослабевших рук рухнувшего арийца и окончательно отключил его тычком рукоятки в висок. Однако победы не получилось. Мощный удар опрокинул Шрагина на пол, отлетел в угол и пистолет.

Энгельманн стоял над поверженным Шрагиным в отчетливо кунфуистской позе и готовился нанести следующий удар. На длинном тонком пальце выделялось эсэсовское кольцо с «гибор»-руной.

— Школа змеи, мой друг, очень изящная школа, ее так любили китайские женщины из знатных семейств, — прокомментировал случившееся директор музея-могилы.

Шрагин хотел чуть приподняться, опереться на локоть и снова выстрелить своим «пальцем», но нога опытного кунфуиста опять припечатала его. Разваленный об пол затылок обрушил на Шрагина прибойные волны дурноты. Сквозь мутную пелену он

видел, как Энгельманн наносит кроящий удар острым хирургическим инструментом типа большого скальпеля. Разделяемая живая ткань брызнула болью, вместе с двумя протезами отлетел и живой палец…

Энгельманн снова поднимает свой нож для разделки трупов… оставшимися пальцами не заслониться, только на пару секунд продлить боль… на красивом девичьем лице хирурга гримаса сосредоточенности… такой у девушек не бывает… чужая высшая раса, не заурядный потрошитель, а вершитель…

Нож ненадолго задержался в верхней точке, давая возможность господину вершителю немного покуражиться.

— До свиданья, друг мой, до свиданья… Я тоже знаю несколько красивых слов на твоем языке. Ты удивляешься, почему я тебе не предлагаю какую-нибудь разновидность пощады, хоть ты и талантливый программист? Потому что ты ненадежный. Я найду себе других программистов.

Разделочный нож не опустился… какая-то тень разорвала стежку неизбежных событий.

Разъяренный Энгельманн атаковал эту тень, решительно подстригая быстрыми ногами воздух — раз, другой, третий. Однако тень подловила его и вломила в челюсть. От души. Сильный, но легкий Энгельманн полетел в свою собственную ванную.

Жидкость тяжело брызнула, принимая тело, которое легло на спину.

Видимо, Энгельманн стукнулся головой о дно и сразу захлебнулся, пустив несколько медленных пузырей. Через несколько секунд его мертвое лицо показалось из жидкости. Поликонсервант начал немедленно сохранять господина Энгельманна для вечности.

Глянцевый король мертвых выглядывал из ванной, как из потустороннего мира. Кимоно разошлось в стороны, и стал виден странный узор из шрамов на его теле — следы кройки и шитья. Голова красивой европейской женщины была приделана к жилистому желтоватому телу азиата.

Кем же вы были, господин Энгельманн?

А спасительная тень сдернула вязаную шапочку и оказалась… Виртуэллой… Шрагину понадобилось несколько секунд, чтобы осознать ошибку. Это — Вика Каширская.

— Сюрприз, — хохотнула белобрысая красотка.

Конечно, Вика не из числа нормальных женщин — глупых и слабых, но тут она, пожалуй, зашла слишком далеко.

— Что-то мне не по себе… наверное переел дерьма, — сказал Шрагин. — Мультиноситель там, на столе, возьми. Это тебе

подарок. Его надо поскорее в холодильник. В течение сорока восьми часов эта штука должна оказаться в специальном хранилище питерского института имени Энгельгардта.

— А что это?

— Мультиноситель, вирусные вектора, которые действовали на твою Аньку.

От чувства победы рвотные позывы и боль не стали слабее. Ему хотелось уйти от них в сон.

— Ну все, Вика, на сегодня с меня хватит. Спокойной ночи.

— Во сне некоторые люди любят летать. Так что цепляйся, — предложила в ответ Виктория.

Шрагин снова удивился силе ее рук, когда она сдернула его с места и потащила в коридор, а потом по трапу вверх. Просто тягач какой-то, трактор с хрустальными глазами. На крыше, вернее, на платформе, соединяющей сверху две пирамидальные вершины музея, их ждал дельтомотоплан. А разместившись кругом около музея, их ждали полицейские.

— Но здесь только одно сиденье, Вика. И оно вовсе не похоже на скамейку в парке.

— И, более того, оно мое. Но ты, Шрагин, как все порядочные зайцы, можешь проехаться бесплатно на подножке.

«Порядочный заяц» угнездился в люльке за спиной летчицы, и хотя дельтомотоплан стал напоминать помесь верблюда и пегаса, он все же оторвался от платформы..

Верблюдопегас, надрывно гудя, преодолел сверху кольцо из люксембургских полицейских и пожарников — практически мирных людей, не обладающих тяжелым вооружением типа зениток.

Керосина движку хватило на двадцать минут. Больше и не требовалось. Летательное устройство спланировало на лужайку, где кто-то бегал с фонариком. Через минуту Сережа познакомился с пожилым мужчиной, владельцем пудовых кулаков и сломанного носа.

Это был Викин папа и Анин дедушка. Не простой, кстати, дедушка, а знатный. Неоднократный чемпион СССР и бронзово-серебряный призер чемпионатов мира по боксу в среднем весе в семидесятые. Уж что-что, а при Советах боксеры были хорошие…

Они втроем зашли в кусты и через минуту оттуда выехал микроавтобус фирмы «Даймлер-крайслер», вроде тех, на которых курсируют мелкие европейские лавочники.

Тайное приземление, судя по ГПС, состоялось уже за пределами Люксембурга, где-то под Триром.

И в самом деле, всего через четверть часа микроавтобус миновал черную римскую громаду Порта-Нигра. Умеют же

рабовладельцы запечатлеться в веках…

— Когда-то меня готовили для действий в глубоком тылу западно-европейского врага. Я все тут назубок до сих пор знаю, — поделился старик Каширский. Он тискал хрупкий руль автобуса массивными пальцами, на которых навсегда затвердели мозоли, оставшиеся от работы по чужим лицам. — Вон Порта-Нигра, из здоровенных каменюк сварганенная. Поставил сверху пулемет — и контролируй местность. Эту махину даже стодвадцатидвухмиллиметровый калибр не возьмет… Да, не думал, что подобные сведения когда-нибудь пригодятся. Вот видишь и тебя забинтовал по всем правилам, так что учили меня хорошо. Но ты ничего такого не подумай, я уже давно пацифист. Еще когда стал за ЦСКА выступать, понял, что влепить потенциальному противнику левой в челюсть гораздо лучше, чем стрелять в него из пухи, замаскированной под унитазный ершик… Через час в Кельне будем, у меня карта этой местности сорок лет уже как в голове пропечатана.

Каширский полуобернулся, показав бульдожий профиль.

— За Аньку я тебе, Шрагин, век благодарен буду. Ты только намекни, и я любому твоему врагу, или там дружку липовому, физиономию начищу. Хотя я, в принципе, человек мирный, и на первые два удара вообще не отвечаю.

— Спасибо, ваша дочка тоже умеет дать в морду.

— И это неслучайно, — стала объяснять Вика. — Как-то в школе отделали меня уродки одноклассницы. За мои внешние достоинства, если точнее, за то, что парней уводила. Папа меня потренировал месячишко, вот и я отколошматила их всех, причем сразу. Это было классно, в десять раз круче любого оргазма. А на дельтоплане я научилась летать, когда меня стали мужики лапать. Как видишь, пригодилось.

— Ты следила за мной все последние дни? — не мог не спросить Шрагин.

— Нет, я полюбила тебя, герой. Что тоже включает розыскной элемент.

Как же она вычислила его? Даже несмотря на занятость, он вряд ли бы не заметил наружное наблюдение в виде прекрасной госпожи Каширской. Значит, опять Рита поучаствовала.

— Надо полагать, это госпожа Шерман оплатила тебе турпоездку?

— Не надо о грустном, Шрагин. Госпожа Шерман оплатила бы мне турпоездку только в места не столь отдаленные. Хотя ее финансовое положение сейчас действительно улучшилось — удалось вернуть крупный пакет акций через суд. Кое-кто и должки отдал… В общем, деньги снова стали ее портить.

— Как же ты тогда меня нашла, Вика? Только без дураков. Скажи любую правду, какой бы горькой, кислой или сладкой она ни была. И торжественно покончим с этой темой.

— Пожалуйста. Правда кисло-сладкая. Мне все дочка рассказала.

— Дочка рассказала?

— Ну, вы там с этим парнишкой, Васьком, посидели же перед дорожкой, выпили как следует. Ты ему в деталях весь план своей следующей авантюры и выложил. А Анька сидела рядышком, ела колбасу и аккуратно все запоминала…

Вот вам и посттравматический синдром. Девочки пойдут дальше своих мамаш.

— Анька потом пересказала мне. А мой папа…

— Что твой папа?

— Использовал одного Тугаевского корешка, в качестве боксерской груши. Тот сделался вежливым мальчиком и разъяснил, какое место в Европе было особо привлекательным для Тугаева. Следовательно, и для тебя тоже.

Правда? Кто его знает.

Женщина с хрустальными глазами сидела сейчас рядом со Шрагиным на заднем сиденье. Сейчас она не враг. Но кем она была вчера и кем будет для него завтра? Опыт общения с ней, Даша и Ритой не внушал Шрагину оптимизма. Над левым глазом имелся у Вики Каширской странный шрамик, в том же самом месте, что и у него. Но о непознаваемом ему сейчас думать не хотелось. Несмотря на проглоченную горсть парацетомола, разбухала вполне законная боль в свежеотрубленном пальце, да и в разбитом затылке словно булыжник застрял.

«Я никогда уже не буду прежним, молодым, целым. В немалой степени из-за вас, девушки, меня становится все меньше.»

— Сереж…

— Что?.. Ну да, хорошо едем, с ветерком. Какой русский и даже какой русскоязычный этого не любит. Спасибо.

— Я не такая, как они.

В это трудно поверить. Но в том, что умная женщина говорит такую смешную фразу, уже что-то есть. Катарсис есть, вот что.

— После обыска на твоем рабочем месте я не сразу раскаялась, но потом это пришло. Твои грустные проницательные глаза…

— Похожие на глаза таксы…

— Не перебивай, Шрагин. Они просто преследовали меня. И я не могла заглушить это даже передозировкой известных успокоительных средств.

— Ты глазки-то мои мысленно выкалывала?

— Ты неисправимый негодяй, Шрагин…

— Ты их опускала в серную кислоту?..

— Ах, ты, гад. Хватить мучить бедную девушку.

— Договорились, ведьмочка. Испанские сапожки и клещи в сторону.

И тогда они первый раз поцеловались: одноглазый монстр и профессиональная предательница.

Потом Вика еще долго объясняла, почему она была вынуждена делать плохие вещи.

Аня Каширская была украдена по дороге домой, почти по тому же рецепту, что и две недели спустя выписали для Ани Шерман. И в этом эпизоде так же один из членов семьи не выполнил свои обязанности и не забрал ребенка из учреждения. Дедушка Ани Каширской всегда забирал ее из бассейна. Но неожиданно старичок с большими кулаками получил приглашение на всемирный съезд боксеров-ветеранов в Гамбурге и не смог отказаться. Оставалось только догадываться, кто устроил приглашение всеми забытому ветерану мордобития, Рита или сам Энгельманн …

Истерзанная горем Вика стала исполнять волю похитителей, потому что ничего, кроме безоговорочного послушания, ей не оставалось. А те требовали участия в похищении Ани Шерман, говоря, что это — не страшно и совсем ненадолго. Саша, влюбленный в нее мальчик, стал ей помогать в этом гадком деле. Он тоже был уверен, что его противную сводную сестренку попрячут с недельку на какой-нибудь даче, не более того. А в Ростов она ездила с Тугаевым в таком накачанном виде, что почти ничего не помнит. Да, это она устроила Шрагину прихват на работе, и поначалу ей это показалось справедливой карой извращенца, который использует ее внешность для удовлетворения своих киберсексуальных потребностей. Но на квартиру к Шрагину, чтобы подбросить компромат, наведывался сам Тугаев. Он и грохнул соседку, которая следила за шрагинской комнатой как настоящий мент.

Вика еще много и торопливо говорила о прошлом. Когда узнала у милицейских экспертов, что оба пальца отрезали «скорее всего» не Ане Шерман, а ее ребенку, то попала в больницу. Положение было безвыходным. Похитители не собирались выполнять свои обещания. Обратись она в милицию, ее просто отправили бы за решетку за соучастие в преступлении. Но в больнице Вику стало посещать видение, и это видение напоминало святую. Это, так сказать, светозарное существо, внушало Вике, что Анечка неуязвима для хворей и что избавитель

уже едет на белом коне…

Избавитель по фамилии Шрагин не удержался бы на реальном парнокопытном животном и пяти минут, но сейчас это не имело для него никакого значения, так же, как дурное прошлое и сомнительное будущее. Теперь он жил настоящим. В Вике он как будто ощущал сейчас Эллу. В Вике он сейчас чувствовал то, что раньше чувствовал в Элле. Может, это и есть воплощение мечты?

Послесловие от Сергея Шрагина

Папаша Каширский довез нас тогда до Кельна и отвалил в Гамбург, где у него какие-то дружки нашлись из команды ГДР 1973 года.

У Вики рейс на Питер был рано утром, так что мы с ней взяли номер в «Холлидей Инн» (в хороших гостиницах полицейских шухеров никогда не бывает), там брякнулся я на кровать и тут же захрапел.

Утром просыпаюсь, Вики не видно, по часам выходит, что до отъезда еще времени вагон, да только она уже отчалила, даже без «до свиданья». Впрочем, на той же кровати, вместо ее красивой фигуры, записка лежит: «Ты меня никогда не простишь, жить с тобой виноватой не желаю, так что прощай». Я на этой бумажке приписал: «За хороший поцелуй в задницу я бы все простил» и пошел мыться в ванную… Таким образом, приключение с блондинкой как будто закончилось. Закончилась и вся опупея, связанная с Энгельманном.

Пока еще не уехал из Германии, решил я позвонить по местному тарифу Сарьяну. Сказал ему скромно так, что уже, скорее всего, вышел в тираж, но и заодно изложил то, что за последние пять лет в голове накопилось. Умница Сарьян прямо-таки закричал: «Как хорошо, что ты от нас тогда ушел. Иначе, блин, у тебя такие гениальные идеи никогда бы не родились. И как здорово, что ты опять к нам возвращаешься. Я-то думал тебя выписать, чтобы ты мои идеи осуществлял. А у тебя, паршивца, вон сколько своих. Скрещивание киберсубъекта и киберобъекта, саморазвитие интерфейса, алгоритм социализации киберорганизма — это же новый прорыв, хотя, вроде, казалось что дальше уже некуда. Десять тысяч в месяц для начала устроит? Я в евровалюте, конечно. Ну и квартирка на берегу речки Эльбы, в которую наши кони со времен Кутузова уже три раза ссали».

Да меня, блин, и в тугриках бы устроило. Но пришлось солидно пожевать губами секунд двадцать, а потом басисто отозваться: «Ну разве что для начала. Сало нынче дорого. Только я в Германии не хочу прозябать. Мне цельность и интегральность жизни нужна, а в неметчине я могу быть только узким специалистом с узкой психологией и узкой моралью».

Сарьян губами почмокал и говорит: «Ладно, живи, Шрагин, где тебе заблагорассудится. У тебя, может, на отшибе даже лучше получается. Только не забывай иногда творить на заданную мной тему».

Перед тем, как отбыть на родину, я, во-первых, проверил наш

совместный с Дашей счет. А пятьдесят тысяч с того счета, гляди, уплыли! Выходит так, что Даша не сама взорвалась, а взорвала кого-то другого. Такое уж у нее обыкновение. В общем, не пришлось оказывать благодеяние сиротке, лишившейся мамаши Дидрихс.

И еще, прежде чем отбыть на родину, заключил я с Ритой мировую. Согласно договора, она оставляет Вику в покое, оплачивает полное обследование и возможное лечение Ани Каширской, а также с помощью капитана Матова снимает с меня уголовные обвинения. В противном случае появятся порочащие сведения об ее неприглядной роли в похищении Ани Каширской и ампутации моего глаза. Конечно,

Рита могла поднатужиться и грохнуть меня вместе с моими сведениями, но даже у этой акулы челюсть не поднялась. А, может, Анечка, дочка ее, меня отстояла. Или подобрела Рита, дела-то у нее натурально в гору пошли — судя по данным разведки все той же Анечки, которая мне тайный е-мейл послала.

Большую часть бывшей «Шерман-Слободы» госпоже Шерман удалось отбить у господина Протасова — наверное, крепко я ему тогда в Одессе вломил. Да и «Фармаланд» перестал топить патоцидный проект. Замаринованному Энгельманну, как говорится, уже не до этого. Да еще и индийский раджа-миллиардер объявился. Этому стратегическому инвестору восемьдесят натикало, но выглядит он на девятнадцать. Похоже, Рита за него замуж собирается. Так что пресловутый патоцид, точнее, новый способ осчастливить все человечество уже на выданье…

Поселился я неподалеку от той деревни, где сын Вовка хулиганствует, в пяти камэ, на выселках. Днем пашу на козе, ночью тружусь на «гиперкубе», замаскированном под сливной бачок — он и в самом деле иногда соответствующие звуки выдает. Натрудившись, отсылаю готовую продукцию через спутник Сарьяну.

Как-то раз возвращаюсь с огорода, а посреди полуразваленной избы стоит внезапно французская тахта, на ней лежит Вика и ноги у нее длинные-длинные. И в руке изящной та самая в-зад-поцелуйная бумажка из кельнской гостиницы.

«Принято, — говорит женщина. — Подставляй».

Вот так мы и «познакомились». Я у Вики, конечно, не первый и даже не сто первый. И кто там главный в этом списке, тоже не догадаться. Полагаю, что и не Андрей Шерман. Виктория сказала, что, находясь на хлебной секретарской должности, даже секса с ним не имела — дабы Риту не бесить. Так сказать, кекс был важней, чем секс…

А если внимательно к Вике присмотреться, то увидишь, помимо хрустальных очей и длинных ног, также морщинки вокруг тех же глаз и губ, и некоторые излишки на тех же ляжках. Но разве можно на этакие мелочи обращать внимание, если новая жизнь начинается? Уменьшил разрешение киберглаза, может, даже подрисовал кое-что, и радуйся красоте дальше.

И вообще, главное — что? Главное, что у русской бабоньки, даже если она экс-блядь и перепробовала целую дивизию, сохраняется основной инстинкт — свое гнездышко вить, устраивать. И этим она отличается от типовой западной дамочки, которая всю свою жизнь проворно, как белка, перепрыгивает из одной формы сожительства в другую: от брака к партнерству, к лесбиянству, ко второму и третьему браку, к шведской тройке, к непальской семерке, к свингерству и так далее…

Вика за неполный месяц навела у меня марафет не хуже, чем в Гамбурге. Селяне называют мое «интегральное хозяйство» поместьем, удивительно, что до сих пор не обворовали и не сожгли. Может, потому, что Вовка Шрагин у меня как «крыша». Он с папани за защиту деньги не берет, вместо этого поставил я ему навороченный компьютер, который разве что какать не умеет, и регулярно снабжаю его играми типа «стратегия».

Викину дочку обследовала команда очень крутых и очень левых медиков-генетиков — их Ваджрасаттва нашел. С помощью того же самого мультиносителя они открыли секреты перфекциновой технологии а-ля Даша Дидрихс. Девчонке, в самом деле, столь рискованная генная терапия вовсе не требовалась, хотя, скорее всего, она действительно спасла ее в яме. В тоже время никаких угрожающих факторов до сих пор не выявлено. Так что Аня Каширская на нынешний момент человек с наилучшими шансами для выживания. Ну, а Даша Дидрихс, в натуре, великий перфекционист…

Теперь у меня не выходные, а самые настоящие уикенды. В тихой воде не Биннен-Альстера, но Выпь-озера вместе с грустным солнцем тает этот самый очередной уикенд. Я сижу на веранде и провожаю его стопкой «московской» вприкуску с ананасовым ломтиком. Сзади, за евроокном, печет пироги с грибами классная баба. Наверное, ширяться бросила — иначе какие пироги. Такая вот фишка. Анька, понимаешь, меня папой кличет — а когда ребенку почти тринадцать, это не хухры-мухры…

И тут я подумал, что никакие концы счастливыми не бывают, и эта мысль столкнула меня вниз… Внизу я увидел свой труп со вскрытой грудной клеткой, и хоровод мертвецов под управлением Энгельманна в отремонтированном после пожара Музее Человека. Все это было абсолютно реально. И я мог остаться,

вернее, погибнуть, в этой реальности навсегда.

Я оглянулся, Вика вместе со своими пирогами и хрустальными глазами наливалась темнотой и превращалась в один из чугунных призраков этого мира-могилы. Ну, конечно, как только я мог поверить, что она спасла меня, ведь она же была одной из виновниц моей гибели?

Жизнь уходила от меня кровавыми ломтями мяса, отвалившейся черепной крышкой, тянущимися потрохами. Никогда и ничего уже не будет, вселенная остыла и замерла ледяной пылью…

— Сережа.

Мрак слетел, как упаковочная бумага, и в почти уже остановившиеся легкие вошел воздух. Я оглянулся. Нет, это не Вика позвала меня. Ее сосредоточенное лицо указывало на полную поглощенность пирогами.

Неподалеку, под березой, сидела Виртуэлла.

Сегодня нельзя было сказать, что она похожа на Вику, скорее уж Вика была похожа на нее.

Элла взяла меня за руку, сказала: «Я теперь всегда буду с тобой рядом» и повела от вечернего холода в комнату, где пироги, Вика, нерешенная задача на экране компьютера, первое электронное письмо из ста байт от Вовки-хулигана, Анечка, инфантильно играющая в куклы, а также куча других больших и маленьких чудес.

— Ты видишь, я это она, — сказала Виртуэлла из Вики.

— Ты видишь, я это она, — сказала Виртуэлла из Ани.

— Ты видишь, я это они, — сказала Виртуэлла из тысячи больших и маленьких вещей.

Счастливыми бывают не концы, а продолжения…

Эпилог

Слабость потекла в руки, а экран стал, как парусник, уходить в туманную даль, оставляя его наедине с сумеречной холодной комнатой. Комната площадью пятьдесят квадратных метров была заставлена ненужными вещами и автоматически вызывала тоску у человека, съежившегося внутри слабого светового пятна. Он осторожно расслабил сгустившиеся в камень мышцы шеи и хотел было увеличить яркость монитора, но его остановила простая мысль: какая тут может быть яркость, он просто давно не ел.

Левой рукой он взял стакан с водой, сквозь туман неожиданно четко просматривалась татуировка: вертолетный винт и две буквы «Я» и «Р».

Он пил воду и думал о том, как мучительно долго ему придется мастерить сэндвич, но тут его отвлек зуммер. В углу огромного плоского экрана появилось окошечко с сообщением. «Посетители (два) опознаны, точность идентификации 0.99. Пропустить?»

— Ну да, попробуй их не пропусти. Из пушки по воротам стрелять будут.

Где-то вдалеке еле слышно щелкнула наружняя дверь.

Раз, два, три, четыре… На счете тринадцать открылась внутренняя дверь, с шумом провернув клинкеты.

Один из посетителей был мужчина зрелого возраста, судя по выправке и выражению лица офицер из какого-то весьма активного рода войск. Второй — невысокая женщина плотного телосложения, с короткими волосами замечательного золотистого оттенка. У нее был заметен шрам, уходящий от линии волос к темени.

— Здравия желания, Николай Павлович, — сидевший у экрана развернул свое инвалидное кресло и пожал руку мужчине с офицерской выправкой.

— А рука у тебя по-прежнему железная, майор Рокотов, — удовлетворенно заметил Николай Павлович.

— Здравствуйте, майор Зиночка, — человек по имени Рокотов шутливо взял «под козырек», приветствуя даму-офицера.

Николай Павлович смахнул со стола кипу распечаток и вытащил из кейса бутылку армянского коньяка «Арарат», а заодно несколько рюмок:

— Пить будешь, Рокотов?

— Товарищ генерал, да я от первой же рюмки начну по комнате кататься, как на «Формуле-1». Я же сегодня словно выжатый лимон.

— Ну и где твоя армейская косточка, Рокотов? — осудил генерал. — Одни штатские хрящи остались… Ладно, не обижайся, акула тоже из хрящей состоит. Просто я вспомнил, как мы с тобой нажрались, когда тебе майорские погоны дали… А я за успех выпью. Жаль, что Зинаиде тоже нельзя.

— Да, я помню как вы меня спаивали, Николай Павлыч. И зачем вам только это надо было? — кокетливо отозвалась женщина.

— Ладно, пью один, как Робинзон Крузо… Рокотов, я тебя попутно поздравить хотел, тебе собираются подполковника присваивать, и очень вероятно, что дадут орден. Я все нужные бумаги оформил.

— Какой уж теперь из меня подполковник — как из говна пуля. Скорее уж подпрограммист… Теперь это просто моя работа, товарищ генерал.

— Но ты работаешь у нас. И ты по-прежнему на линии огня, как и тогда в Бадахшане. Только огонь этот немножко другой. Намедни, мы, к примеру, занимались Энгельманном и давали по ушам «Женевскому клубу». Работа, согласись, была жаркой, но успешной. Свой проект мы обкатали? Обкатали. Технология имени Энгельманна вместе с перфекциновыми секретами Дашки Дидрихс оказалась у нас в руках? Оказалась. Сам этот чертов зомбификатор стал просто трупом на своей выставке? Стал, красуется на центральном месте. Китаяночка теперь на нас пашет? Деваться ей некуда, на нас. Днем пашет, а ночью спит с одним из моих офицериков. Технология Энгельманна и Дидрихс будут служить нашей родине, а не наоборот. Так что впереди еще немало боев. Завтра, скажем, будем наводить порядок где-нибудь в обнаглевших горах, надаём по жопе этим рабовладельцам, а послезавтра поможем эфиопским братьям, потому как вера у нас с ними одна, и, кроме как на нас, надеяться им не на кого.

— Вера — одна, а кухня разная. А давайте и я выпью, — неожиданно для самого себя сказал Рокотов.

— Ух ты. В самом деле? — обрадовался генерал. — Ну, тогда спешно наливаю.

Коньяк, как показалось, был не только крепок, но и тяжел. От него в теле вдруг появилась какая-то уверенность. Даже там, где уже никакой уверенности не должно быть.

— Николай Павлович, Зиночка, Ваши Превосходительства, давайте откажемся от обычной финализации. Не надо возвращать Шрагина в психушку. Давайте оставим все как есть, — сказал Рокотов.

Генерал не поторопился с ответом, а Зина, посмотрев на своего командира, решила заполнить паузу.

— Но ведь это означает, что процесс не завершен, ресурсы не освобождены.

— Грубо говоря, Шрагин слишком много знает. — добавил генерал. — Да вдобавок три человека постоянно занимаются охраной его, так сказать, поместья.

— Но Шрагин не просто очередной персонаж из нашего сценария, не просто пример удачного соединения человека с программными компонентами. Он — один из создателей нового поколения программных языков.

— Новое поколение языков уже создано, и мы им пользуемся. Если бы не мы и не наши мощные компьютеры, затеи Шрагина так бы и остались на уровне полуночного бреда. Мы как будто с Шрагиным в расчете. Так зачем он нам сейчас нужен? — спросил генерал, поднося ко рту вторую рюмку.

— Шрагин — это мой второй мозг и мои единственные ноги… А я — его воля, его агрессивность, его мужество, да не сочтите меня нескромным. Мы оба со Шрагиным инвалиды, я после Бадахшана, он — с того дня, как ему пальцы обкорнали прямо в моем отделении. Но в последний месяц мы с ним такого натворили, что и двум здоровякам не снилось.

— Это больше эмоции. Рокотов, что еще? — благожелательно, но твердо сказал генерал.

— Что еще? Еще наш проект, которую мы наконец обкатали, как вы сами выразились. Да это же не проект, а новый мир. И новое программирование — это лишь одна из его систем. Другая система — динамическое взаимодействие программ и человека через дуплексные психоинтерфейсы на саморазвивающейся платформе «Сампо». Сознание Шрагина — не только управляемый объект, но и одновременно управляющий субъект. Мы не можем так просто убрать сознание Шрагина из нее, система может развалиться, сколлапсировать. Не надо забывать, что Шрагин еще занят на разработке «Арарата». Пусть это упрощенный коммерческий вариант «Сампо», но он дает конторе миллиарды долларов дохода и доступ к миллионам компьютеров по всему миру.

— Ну, майор Рокотов, какая-то правда-истина в твоих словах присутствует, — задумчиво посмотрев на опустевшую рюмку, сказал генерал. — А ты что думаешь, Зинаида? Рокотов, конечно, давний знакомец Шрагина. Но и ты знаешь Шрагина, причем с другой стороны. И ты, надо полагать, будешь категорически против…

— Почему уж так категорически, Николай Павлович. — отозвалась несколько погрустневшая Зинаида. — Это я, а не Рокотов, стала разрабатывать Шрагина, когда для него все было

как будто кончено. Я вытащила его из психушки на Пряжке и лично грохнула рекетиров из «Малина Софт». Я устроила Шрагина на работу к Шерману и смонтировала ему в Бехтеревке системный биочип. Я в начале этой катавасии успела загрузить в шрагинский биочип платформу Сампо. Это я получила из-за Сереженьки по голове от господина Тугаева. Это я, едва выкатилась из реанимации, занималась доводкой киберпротезов, которые поставил Ваджрасаттва. Это я превратила Виртуэллу из чистой шрагинской шизы в управляющий модуль. Так что я не против, при определенных условиях, конечно.

— Честно говоря, я рад, что не надо персональное дело Шрагина сдавать в архив… — признался генерал. — Но в любом случае красотку Каширскую надо от него убирать. Как говорится, поматросит и бросит. Так что давай, Зинаида, снова вступай в дело. Там, на выселках, кстати, соседняя изба продается по цене самовара.

— Каширскую не надо от него убирать, — сказал Рокотов.

— Но она же, судя по последним сведениям, помирать не собирается.

— Не она, а он, — отозвался Рокотов. — Скорее всего, Шрагин не протянет и пяти лет.

— Ладно, посмотрим, кто будет еще жив через пяток лет, — опять согласилась Зинаида. — Кроме того, я могу повторить вслед за Рокотовым: Каширская — это мои ноги и руки, моя, так сказать…

— Но избенку-то надо приобресть, — подытожил Николай Павлович. — С недвижимостью шутки плохи…

Майор Рокотов расслабил мышцы спины и закрыл глаза. Он не знает, будут ли гиперсолдаты Николая Павловича лучше, чем зомби Антуана Энгельманна. Но сегодня он вернул свой долг Сергею Шрагину. И он участвовал в Творении восьмого дня. А это куда важнее, чем получение подполковничьих погон или ордена боевого красного знамени…

Рокотову показалось, что он встает и идет, проходит через Портал, за которым его ждут Они.

Рокотов увидел женщину строгого и благородного вида, которая показалась ему Матерью. А за ней стояли другие, Шрагинская Элла была только одной из Них.

Сами того не замечая, мы сотворили Их, подумал майор Рокотов, а завтра Они пройдут через этот Портал, чтобы творить нас.

Александр Владимирович Тюрин,
2001, 2006 г.

notes

Примечания

1

Telecommunication plus electronics.

2

Рейс на Майорку (нем.).

З

Сумасшедший (идиш).

4

Мировая скорбь (нем.).

5

Федеральное Агентство по лекарственным средствам.

6

Ученик, произносится «шуля» (нем.).

7

Chat — интернет-общение в «живом» режиме.

8

Browser — программа для отображения полученной из Интернета информации.

9

Содержательная, клиентская, часть информации.

Bundesgrenzschutz — пограничная служба ФРГ.

11

Я тоже больной. Нервное заболевание. Насколько я понял, вы ищете больных.

12

Простите, мне нужно в туалет (нем.).

13

Программа, дающая доступ к файлам на компьютере.

14

Базарчик в Питере, где торгуют книжками и электроникой.

15

Меня зовут Тугаев. Могу я потолковать с кем-нибудь из вашего начальства?

16

Топографически человеческое тело делится на голову, шею, туловище… (Нем.)

17

Bus, магистраль передачи данных.

18

Элитные интернациональные подразделения фашистской Германии.

19

TCP/IP — протокол общения в сети.

20

Программа, занимающийся очисткой памяти компьютера от бесполезных модулей.

21

Гомосексуалист (нем.).

Kriminalpolizei — уголовный розыск (нем.).

23

Полиция. Открыть дверь. (Нем.)

24

Детальность изображения.

25

В гимнастике цигун энергетический центр, находящийся ниже пупа.

26

Нанотехнологические устройства для комбинированного хранения информации и биологических образцов.

27

GPS, спутниковая система позиционирования на местности.

28

Средства шифрации радиопереговоров.

29

Уоки-токи «Моторола».

30

Вход воспрещен (нем.).